

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

Д.Я. Майдачевский

**ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ПРИБАЙКАЛЯ
История исследований и идей**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2006

УДК 33 (57)(091)

ББК 65

М 14

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Рецензенты д-р экон. наук, проф. М.П. Рачков
д-р ист. наук, проф. Ю.В. Кузьмин

Майдачевский Д.Я.

М 14

Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. — 204 с.

ISBN 5-7253-1392-1

В монографии развитие историко-экономического знания рассматривается в фокусе конкретных примеров — исследовательских проектов, реализованных на материалах Прибайкалья начиная с зарождения этого научного направления в нашей стране во второй половине XIX века до 60-х годов минувшего столетия.

Адресована всем интересующимся прошлым историко-экономического знания и местных научных практик.

ББК 65

ISBN 5-7253-1392-1

© Майдачевский Д.Я., 2006

© Издательство БГУЭП, 2006

ВВЕДЕНИЕ

...в особенно печальном положении находится
история народного хозяйства Сибири,
разработка которой требует особенно
серьезной научной подготовки.

В.А. Ватин (Быстрянский), 1915

Замысел написать историю местных историко-экономических изучений возник у автора более десяти лет назад в самом начале его занятий проблемами экономической историографии. Более того, именно сюжет из истории местной науки, связанный с появлением на страницах провинциального сибирского издания статьи известного русского историка Н.А. Рожкова¹, привлек внимание к маргинальному, по сути, положению не только этого ученого, но и олицетворяемого им научного направления — экономической истории, в системе социально-гуманитарного знания как в до-, так и послереволюционный период.

До революции историография, отмечавшая значительный общественный интерес к экономическому направлению в истории, подчеркивала крайне сдержанное к нему отношение со стороны академического исторического сообщества. После революции, когда изучение экономической стороны истории, казалось бы, получило шанс стать неотъемлемой частью единого историографического процесса, научный, то есть марксистский, анализ экономического строя общества под углом зрения историзма с неизбежностью привел к социологической концепции — к теории классовой борьбы, и только таким «опосредованным» путем к «внедрению» экономики в историю.

Экономическая история стала не просто отождествляться, а подменяться рабочей историей, историей рабочего движения, а в итоге — историей идеологии этого движения, историей рабочей организации, партии, вследствие чего экономическое направле-

¹ См.: Майдачевский Д.Я. В годы сибирских скитаний. У истоков количественной экономической истории // Былое. История и опыт хозяйствования. М., 1995. № 11. С. 4.

ние в историографии оказалось на периферии советской исторической науки, а некоторыми историографами даже выводилось за ее пределы — в область «теоретико-экономическую» (М.В. Нечкина), передавалось в ведение политической экономии.

Последняя, обретшая к тому времени статус исторической дисциплины, отнюдь не стремилась предоставить экономической истории (истории хозяйственного быта, истории народного хозяйства, истории экономики) право на самоопределение. В условиях господства марксистской парадигмы историко-экономическому знанию в лучшем случае отводилась ниша вспомогательной дисциплины, которая была призвана либо собирать исторический материал для последующих политико-экономических (равно исторических) обобщений, либо, напротив, иллюстрировать действие общих закономерностей исторического процесса на конкретных примерах развития хозяйства отдельных стран.

Историко-экономическое знание существовало в достаточно жестких рамках, задававшихся отнесением политической экономии к числу исторических наук и господством марксистской теории исторического развития, что не могло не нарушить логику процесса оформления экономической истории в самостоятельную научную дисциплину, не наложить отпечатка на историю этой области знания. Что не делает историю историко-экономического знания в нашей стране менее интересной, хотя, безусловно, серьезно затрудняет процесс ее познания, то есть изучение экономической историографии.

Именно эти трудности обусловили поиск приемлемого методологического инструментария для подобного изучения, поскольку историографический канон, конвенциональные формы представления прошлого, сложившиеся как в истории исторической, так и экономической науки, выстраивают сферу историко-экономического знания в соответствии с традиционной схемой истории идей. С последующим «встраиванием» того или иного историка или экономиста в сложившуюся историографическую норму, а на деле определением его принадлежности к какому-либо направлению или школе в рамках этой схемы. С полным, при этом, игнорированием если не логики развития дисциплины, то хотя бы логики развития проблемных (исследовательских) областей исто-

рико-экономического знания, и уж во всяком случае — движения эмпирических исследований, осуществляемых в их рамках.

Лишь постепенное проникновение и укрепление в гуманитарной среде антиобъективистских и релятивистских взглядов на историю науки в целом, ее исторической и экономической отраслей, а также благотворное влияние, оказанное науковедением, социологией знания и интеллектуальной историей, способствовали отказу от линейной и кумулятивной модели развития науки, переходу от рациональной к исторической реконструкции науки, утверждению микроаналитической стратегии в историографии, оформлению в самостоятельное исследовательское направление методологии ситуационного анализа.

Историографический микроанализ, на взгляд автора, содержит богатый эвристический потенциал, способный серьезно усилить научно-методологические основания исторического изучения, прежде всего, местных научных практик. Ситуативная историография, рассматривавшаяся долгое время едва ли не как «наивно-реалистическое» направление в истории науки, предстает на деле комплексным, максимально многосторонним изучением историко-научных феноменов. Как когнитивных, так и социальных признаков, характеризующих, например, ту или иную проблемную область историко-экономического знания или конкретный исследовательский проект, осуществленный в ее рамках, в том числе и на местном материале.

Ситуационные исследования, ставящие под сомнение эволюционный характер развития историко-экономического знания, позволяют взглянуть на развитие науки как на движение от одного события к другому. Между тем, присущий ситуативной историографии эффект «воронки», в которую втягиваются как прошлые, так и последующие события в истории науки, сделал возможным, например в данной работе, рассмотрев лишь четыре эпизода, охватить практически столетнюю историю местных историко-экономических изучений — едва ли не с зарождения этого научного направления в нашей стране во второй половине XIX века до 60-х годов минувшего столетия, когда наметился спад исследовательской активности в этой отрасли знания, не преодоленный, по существу, до сегодняшнего дня.

Монографический характер книги, поэтому, определяется не столько формой подачи материала, сколько содержательными установками автора, считающего исследование отдельных случаев в науке историографическим направлением, методология которого допускает фрагментарность изложения при сохранении сквозной нити исследования.

Пространственный масштаб историографии в случае использования методологии ситуационного исследования не следует смешивать с масштабом предмета познания. Здесь как никогда справедливо утверждение, что «место исследования не есть предмет исследования». «Территориальные рамки» (в нашем случае — Прибайкалье, Иркутская губерния, область) ограничивают лишь круг исследовательских проектов, представляющих интерес с точки зрения предмета познания, то есть «участвуют» лишь в выборе того или иного эпизода местной историко-экономической практики.

Осуществление исторической реконструкции науки на ограниченном (но не территориально!) поле наблюдения требует внимательного отношения к деталям, выявления мельчайших подробностей реализации исследовательских проектов. Это не дает возможности ограничиться только опубликованными научными результатами, а предполагает привлечение самых разнообразных источников историографической информации (как опубликованных, так и нет), проведение едва ли не «археологических» раскопок на этом поле. В этой связи автор считает своим долгом выразить признательность сотрудникам библиотеки ИОКМ, отдела книговедения и культурно-исторического наследия НБ ИГУ, отдела культурно-исторического наследия ИОГУНБ, а также местных (ГАИО, ГАНО) и центральных (АРАН, НИОР РГБ, ГАРФ, РГАЭ, ОПИ ГИМ, ЦГА СПб) архивов, оказавшим помощь в этом нелегком деле.

Глава 1.
ПРОСТРАНСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
от «расширенной библиографии»
к ситуационным исследованиям

... чрезвычайно важно знать, что мы можем
рассчитывать найти и о чем бесполезно беспокоить
прошлое и архивы научных учреждений и библиотеки ...
история научных исследований в крае может дать ценный
материал для истории нашего хозяйственного и
культурного развития.

Н.Н. Козьмин, [1934]

Приступая к характеристике предметной области настоящего исследования и подходов к ее познанию, прежде всего, укажем на сложившиеся к настоящему времени институциональные различия в ее изучении. С одной стороны, прошлое историко-экономического знания как субдисциплинарная историография выступает неотъемлемой частью исторической науки. С другой — «экономическая историография» («историко-экономическая историография», «историография экономической истории») является самостоятельным исследовательским направлением в экономической истории как отрасли науки экономической. Указанные различия стали результатом более чем полувекового диалога между историками и экономистами.

Традиционная экономическая историография: историки. Отечественная историческая наука обратилась к обсуждению проблем экономической историографии как дисциплины, занятой изучением процесса развития историко-экономического знания (науки), в середине XX столетия, лишь полстолетия спустя после введения в научный обиход термина «экономическая ис-

ториография»¹. Это свидетельствовало о том, что сами историко-экономические исследования находились в нашей стране на достаточно низком уровне, для того, чтобы рефлексия по поводу историографирования этого процесса могла выделиться в самостоятельную отрасль знания.

Зачинателем этого исследовательского направления, автором первых фундаментальных работ по истории историко-экономической науки в стране (только малая часть которых увидела свет), стал В.К. Яцунский.

В октябре 1946 г. на заседании историографической комиссии Института истории АН СССР В.К. Яцунский выступил с докладом «Возникновение экономической историографии», в котором признал наличие значительной диспропорции между развитием мировой историко-экономической науки и степенью ее изученности, при этом уточнив, что «по историографии экономической в нашей советской литературе мы не знаем ничего»².

¹ И в работах историков, и в работах экономистов, в качестве автора, впервые пустившего в научный оборот понятие «экономическая историография», называется Е.В. Тарле. Такой, едва ли не единодушный, выбор объясняется, на наш взгляд, тем, что и в названии — «Чем объясняется современный интерес к экономической истории?», и в содержании статьи, где оно впервые было использовано, присутствует элемент рефлексии относительно историографирования экономической истории. Историк определяет границу между причинами, обусловившими общественный («в широких слоях читающего общества») и научный («среди людей науки») интерес к экономической истории, фактически как границу между «внешней» и «внутренней» историей науки, рассматривает отклонение историографического процесса в направлении изучения экономической стороны истории как порождение социального контекста эпохи и т.д. (см.: Тарле Е.В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 17. С. 741; См. также: Тарле Е.В. Соч. Т. 1. М., 1957. С. 301). Впрочем, справедливости ради заметим, что используемое Е.В. Тарле выражение «произведения экономической историографии» мало чем отличается от словосочетания «экономическое направление в историографии», десятилетием ранее употреблявшегося в широко известных статьях, посвященных «экономическому материализму в истории», Н.И. Кареевым (см.: Кареев Н.И. Экономический материализм в истории // Вестник Европы. 1894. Т. 4. № 7. С. 10). В том и другом случае речь фактически идет об исторических сочинениях, посвященных экономической стороне исторического процесса и выяснении причин роста совокупной массы подобных трудов, то есть, ставится знак равенства между историко-экономической наукой и экономической историографией.

² Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 120, л. 33.

Обсуждение доклада (в котором приняли участие В.П. Волгин, Н.М. Дружинин, В.М. Лавровский, А.В. Ефимов и др.) показало, что на пути такого изучения немало «подводных камней». Основной из них — многовариантность использования термина историография, под которым присутствующие понимали и совокупность научных трудов о какой-либо проблеме или периоде, и труды, созданные в определенную эпоху, и работы собственно по истории науки. Докладчик, например, использовал понятие «экономическая историография» для обозначения совокупности сочинений, фиксирующих отдельные периоды экономического развития в различных странах. Возникновение экономической историографии он связывал с появлением специальных сочинений или, по крайней мере, глав специального экономического содержания в общих работах в достаточном количестве³.

Предпринятый В.К. Яцунским анализ таких сочинений позволил исследователю сформулировать два положения. Во-первых, экономическая историография, т.е. экономическая история как отрасль исторической науки, занятая изучением хозяйственного прошлого, стала складываться в основных своих чертах в XVIII столетии. Во-вторых, формирование ее происходило вне рамок исторической науки (общей историографии). Ее творцами были экономисты в широком смысле этого слова, не столько «теоретики», сколько авторы, писавшие по вопросам экономической политики и статистики, что, считал ученый, было характерно для всех отраслевых историографий — истории права, литературы, искусства и т.д.⁴ (Заметим в скобках, что позднее В.К. Яцунский усилит второе положение: экономическая история не только формируется за пределами общей историографии, но и развивается параллельно ей, расширяя проблематику исследований отнюдь не благодаря историкам, которым становится небезынтересно прошлое хозяйства⁵).

По мнению одних участников дискуссии, последнее утверждение В.К. Яцунского фактически выводило обсуждаемые воп-

³ См.: Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 120, л. 35.

⁴ См.: там же, л. 67.

⁵ См.: там же, д. 127, лл. 49, 54.

росы за пределы проблемного поля историографии как истории исторической науки. В.М. Лавровский, например, полагал, что в своем сообщении докладчик вел речь фактически о проблемах зарождения экономической истории как науки, которые в порядке историографического исследования надлежало ставить более узко и конкретно. Поднимался даже вопрос об уместности использования самого термина «экономическая историография» в историко-научном контексте.

Другие, напротив, настаивали на необходимости расширения рамок анализа, перехода от изучения «истории книг» к исследованию «истории идей». Проблемы экономической историографии надлежало рассматривать в кругу истории развития экономических наук, занимаясь поиском проблесков теоретической обобщающей мысли, обобщающих концепций, прослеживать связь отдельных, частных исследований в области экономической истории с общим развитием экономической науки, с изменениями ее теоретических и методологических оснований.

Компромиссом выглядела позиция третьих (А.В. Ефимов), усмотревших основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом, начиная от «экономического направления» буржуазной исторической науки, вульгарного материализма и завершая «научным решением проблемы» классиками марксизма-ленинизма⁶.

Если доклад на заседании историографической комиссии был сделан В.К. Яцунским преимущественно на материалах западной историографии, то впоследствии вектор историко-научных интересов ученого переместился к достижениям в области экономической истории отечественных исследователей. В подготавливаемой в начале 1950-х гг. для «Исторических записок» статье «Возникновение экономической историографии в России», В.К. Яцунский охарактеризовал экономическую историографию как малоизученный участок истории отечественной науки: «Историки исторической науки, сосредоточив свое внимание на отдельных историках и на ведущих течениях исторической мысли в России, вообще уде-

⁶ См.: Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д.127, лл. 77–91.

ляли мало внимания историческому рассмотрению проблематики исторических исследований и в частности изучением истории экономической историографии совсем не занимались»⁷.

Комментируя свое второе замечание, В.К. Яцунский не просто констатировал факт отсутствия специальных работ по истории экономической историографии России, написанных историками, но подверг критике общие историографические работы, авторы которых стали заложниками схемы — «направлений» и «течений» развития исторической науки, «встраивая» в нее целые отрасли исторического знания⁸.

Рецензенты дали по существу отрицательные отзывы на эту статью (которая, очевидно, по этой причине так и не была опубликована). Они подвергли, думается, справедливой критике «обзорно-библиографический» способ подачи автором материала. Однако совершенно безосновательно упрекали его за отсутствие попыток «вскрыть различные направления ... литературы и борьбу этих направлений», «наметить различные течения, классовый подход к изучению экономических явлений»⁹, встроить в уже привычные схемы, т.е. как раз за то, от чего пытался отказаться историограф в своем анализе историко-экономических работ.

В известной мере В.К. Яцунскому удалось сделать это в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», для которого ученый написал параграф «Изучение экономической истории»¹⁰. Давая характеристику отечественной историко-экономической литературе конца XVIII—начала XIX вв., указывая на привлекаемые авторами работ для целей анализа источники, он группирует исследования по их проблематике: история промышленности, торговли, сельского хозяйства, денежного обращения и государственных финансов. Яцунский не только повторяет свой вывод о возникновении экономической историографии вне рамок общей историографии, но напрямую связывает с этим фактом содержание историко-экономических сочинений доре-

⁷ Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 127, л. 106.

⁸ См.: там же.

⁹ Там же, д. 665, лл. 1, 3.

¹⁰ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 578–597.

форменной эпохи. Экономическая история тех лет представляла собой, по мнению исследователя, главным образом историю экономической политики правительства.

Особого внимания заслуживает тот факт, что рассматриваемый параграф завершал главу, посвященную источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. «Узкий» и «конкретный» взгляд на экономическую историографию фактически вынес экономическую историю на периферию исторической науки, поставил ее в один ряд с дисциплинами, изучающими отдельные исторические процессы и явления и поставляющими результаты своих исследований исторической науке для нужд политико-идеологических обобщений. Перефразируя высказывание самого Яцунского о месте исторической географии в системе исторического знания¹¹, можно сказать, что и экономическая история, даже превратившись в самостоятельную отрасль исторической науки, не теряет своего значения в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Подобная «периферийность», однако, могла бы способствовать самоопределению этой отрасли знания, обретению ею предмета, собственных методов и содержания, а также активному привлечению для целей исторических изучений достижений экономической науки.

Последующие тома «Очерков истории исторической науки в СССР», однако, вовсе не содержали параграфов, посвященных экономической историографии. Однако не в силу изменившегося к ней отношения. В книгах, освещающих ход развития исторической науки в XIX и XX вв., в период зарождения и торжества марксистской историографии, было бы непростительной оплошностью указать экономической истории ее истинное место. Восторжествовала точка зрения тех, кто усматривал основную проблему экономической историографии в изучении подходов к экономическому обоснованию исторического процесса в целом, а точнее одного — марксистско-ленинского. Тем более что авторский коллектив этих томов возглавила М.В. Нечкина — ярый ее апологет, считавшая главной задачей исторической науки анализ

¹¹ См.: Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. С. 11.

влияния экономики на политику, право, идеологию, и еще в ранних своих историографических трудах выносившая экономическую историю за пределы исторической науки.

Традиционная экономическая историография: экономисты. В.К. Яцунский, характеризуя состояние отечественной экономической историографии, отметил крайне недостаточное внимание к ней со стороны экономистов: «Историки русской экономической мысли интересовались развитием в России экономической теории и оставляли совершенно вне поля зрения развитие историко-экономических исследований»¹². Справедливость этого замечания подтвердили увидевшие вскоре свет первые книги фундаментальной «Истории русской экономической мысли», на страницах которой не нашло отражение развитие историко-экономических исследований.

Лишь конец 1950–начало 1960-х гг. были отмечены обращением к проблемам экономической историографии экономистов. Одна за другой появляются статьи С.И. Крандиевского¹³, а затем и его докторская монография «Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.)»¹⁴. В ней, а также в своей более поздней работе «Проблемы экономической историографии», исследователь, не отрицая факта формирования экономической истории как отрасли исторического знания, последовательно отстаивал мысль об экономической истории как самостоятельной экономической науке, имеющей свой собственный предмет и специфическое содержание. Соответственно под экономической историографией ученый понимал «историографию экономической истории, т.е. самую историю этой науки, начиная с первых работ, посвященных этим вопросам и кончая современным ее состоянием»¹⁵, особо подчеркивая связь ее не только с борьбой различных

¹² Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 127, л. 106.

¹³ Крандиевский С.И. Историческая школа в политической экономии и буржуазная экономическая история // Харьковский ин-т сов. торг. Научные записки. Вып. 9 (11). Харьков, 1959. С. 217–234; Он же. К критике методологии буржуазной экономической истории конца XIX века // Ученые зап. Харьк. ун-та. Т. 129. Труды ист. ф-та. Т. 10. Харьков, 1962. С. 70–84.

¹⁴ См.: Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. 305 с.

¹⁵ Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.): Автореф. дис. ... докт. экон. наук. Киев, 1966. С. 5.

школ и направлений в историографии (исторической науке), но и с развитием науки экономической, политической экономии¹⁶.

По своей структуре, да и содержанию, монография в полной мере соответствовала «стандартам» историографических сочинений тех лет. Автор уже на первых ее страницах перечислил круг тех вопросов, которые должны решаться исследователем, задавшимся целью проследить путь, пройденный исторической наукой с момента ее зарождения: дать характеристику главных школ исторической науки, ее направлений и течений; увязать изменения в развитии науки с переменами в социально-экономической и идейной жизни общества, с характером классовой борьбы; дать критическую оценку научной продукции, вскрыв классовую сущность исторических концепций, используемых ее авторами и т.д. И завершается этот перечень выводом о само собой разумеющейся необходимости отнесения этих требований и к экономической историографии¹⁷.

Работа в известном смысле учла претензии, прозвучавшие ранее в адрес работ В.К. Яцунского как сторонника тематической историографии или историографии проблемы. Автор проследил возникновение и развитие историко-экономической литературы в докапиталистический период, в период победы и утверждения капитализма, особо выделив главу, посвященную экономической истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в период домонополистического капитализма, последовательно реализовал классовый подход к изучению прошлого историко-экономической науки.

Любопытен, однако, пассаж из единственной рецензии, появившейся в печати после выхода книги в свет. Рецензент увидел главное достоинство монографии в том, что она «поможет как советскому, так и зарубежному читателю найти необходимую историко-экономическую литературу»¹⁸. Уместная более

¹⁶ См.: Крандиевский С.И. Проблемы экономической историографии // Экономические науки. 1972. № 2. С. 63.

¹⁷ См.: Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. С. 4.

¹⁸ Бахтадзе В. Книга по историографии экономической истории // Научные доклады высшей школы. Экономические науки. 1966. № 2. С. 129.

в рецензии на библиографическое пособие оценка указывала на болевую точку большинства подобных работ, содержащих преимущественно библиографическую, нежели историографическую информацию. Впрочем, автор и сам ставил перед собой задачу дать «обзор главнейших историко-экономических работ», не загромождая работу излишними деталями и подробностями, за которыми «трудно было бы уловить основные тенденции и закономерности в развитии историко-экономической науки», лишило бы работу «четкой прямолинейности и целеустремленности»¹⁹.

Примечательно при этом, что исследователь усматривал порочность подходов к изучению истории науки, используемых буржуазными историками-экономистами, не только в игнорировании ими «марксистского метода материалистической диалектики», но и в стремлении ограничить свои сочинения именно библиографическим обзором, перечнем историко-экономических произведений. Задача же историографического изучения, на его взгляд, — «систематизировать эту литературу по принципу принадлежности авторов к определенным школам и направлениям»²⁰, перечень которых уже давно был выработан общей историографией.

Последующие поколения экономистов, во-первых, развивали высказанные впервые С.И. Крандиевским идеи, отстаивая обусловленные наличием специфики анализа экономической литературы права экономистов заниматься историей своей науки, и, во-вторых, расширяли плацдарм исследований, включая в их орбиту новые периоды развития науки, новые имена и историко-экономические сочинения. О возникновении новой отрасли историко-экономического знания — историографии экономической истории, занятой изучением истории экономической истории, писал, например, Р.М. Гусейнов, анализируя

¹⁹ Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII–XIX вв.). Харьков, 1964. С. 5.

²⁰ Там же. С. 14.

экономическую литературу по истории советского хозяйства 1917–1937 годов²¹.

На исходе столетия главы, посвященные развитию историко-экономических исследований (преимущественно в нашей стране), были включены в состав фундаментальной «Всемирной истории экономической мысли». И первая же из них, подготовленная для этого издания М.М. Солодкиной, резко порывает с традицией подменять историографический анализ обзором историко-экономической литературы, призванным охарактеризовать состояние науки соответствующего периода. В тексте мы находим указания на «внешние» и «внутренние» факторы развития науки, формирование национальных школ, процессы институционализации, развитие представлений о предмете науки и ее категориального аппарата, оценку роли и функций дисциплины в системе экономических наук, наиболее актуальные научные проблемы, решаемые ею²², т.е. все элементы историографии экономической истории как науки.

К сожалению, почин М.М. Солодкиной не был поддержан, и другие главы демонстрируют все тот же традиционный историографический подход «обзорно-библиографического» движения вспять по научным результатам, в основу которого положена группировка материала в соответствии с историческими периодами (античность, средневековье, новое и новейшее время и т.д.)²³.

²¹ Гусейнов Р.М. Вопросы истории советского хозяйства в экономической литературе 1917–1937 годов. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1977. С. 1; См. также: Гусейнов Р.М. Первые опыты научного освещения советской экономической истории // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1977. № 1. Вып. 1. С. 142–151; Он же. Первые шаги советской экономической истории // Экономические науки. 1990. № 7. С. 66–73. Справедливости ради заметим, что первым историографическое исследование этого периода предпринял тот же С.И. Крандиевский в своей статье «Изучение экономической истории в СССР за 40 лет» (См.: Ученые записки Харьковского ун-та. Т. ХСII. Труды экон. ф-та. Каф. полит. экон. Т. 3. С. 319–346).

²² См.: [Солодкина М.М.] История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 3. Начало ленинского этапа марксистской экономической мысли. Эволюция буржуазной политической экономии (конец XIX–начало XX в.) / Гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1989. С. 295–298.

²³ См.: [Дроздов В.В.] История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период / Гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1990. С. 286–292.

Подобная группировка применяется даже тогда, когда в центре внимания оказываются только работы экономистов, с вполне объяснимым в этом случае переносом акцента на исследования, посвященные проблемам экономической истории эпохи капитализма и советской эпохи²⁴. Лишь мимоходом перечисляются основные центры, занятые разработкой историко-экономической проблематики, называются специальные историко-экономические издания, выход которых в свет способствовал активизации научных исследований. Крайне бегло, автор касается вопросов теории и методологии историко-экономических исследований — предмета науки, используемых ею методов и подходов, проблемы периодизации²⁵.

Рассмотренные главы «Всемирной истории экономической мысли» наглядно демонстрируют тот факт, что в результате более чем полувековой эволюции экономическая историография осталась частью самой науки. Ей присущ, как правило, «обзорно-библиографический» характер обобщения накопленного научного потенциала, его осмысления и оценки с точки зрения современного состояния науки, главным образом, для решения учебных и просветительских задач.

Не произошло становления особого исследовательского направления, имеющего своим предметом саму историографию — истории экономической истории как науки, своеобразной «профессиональной» истории этой научной дисциплины. Направления, формулирующего и решающего собственные исследовательские задачи, не связанные с решением исключительно внутринаучных проблем. Освещающего разнообразные аспекты складывания экономической истории как дисциплины, процессы профессионализации и институционализации этой отрасли знания и т.д.

Проблемы экономической историографии так на деле и не стали рассматриваться в кругу проблем истории экономической науки. Одна из причин этого кроется в состоянии последней, уже не одно десятилетие существующей в качестве самостоятельной

²⁴ См.: [Дроздов В.В.] История народного хозяйства // Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е–первая половина 90-х годов) / Гл. ред. В.Н. Черковец. М., 1997. С. 495–501.

²⁵ См.: там же. С. 495–496.

области исследования и выработавшей собственные методологические подходы историко-научного исследования. История экономических учений (мысли) в нашей стране долгое время находилась в плену «абсолютизма» — методологического принципа, признающего существование абсолютной истины и возможности ее познания. Как результат, вся история экономической науки сводилась к предыстории марксизма как некой «эталонной теории»²⁶, с неизбежным акцентом на истории научных идей (экономико-теоретического знания) и преемственности в их развитии — прогрессивном, непрерывном и кумулятивном, стремлением отследить развитие идей в терминах их внутренней динамики или привычной логики, господством «вульгарного экстернализма».

Под последним мы понимаем не только присущее отечественной истории экономической науки стремление ограничиться изучением лишь классовых позиций экономических теорий и их идеологических установок. Но также попытки установить непосредственное воздействие внешних социальных факторов на содержание экономических идей (последние — есть функция экономической реальности), в то время как это воздействие носит весьма опосредованный характер, оказывает влияние лишь на общее направление и скорость развития научной мысли.

«Смена вех» в историографии науки. Перемены в сегодняшнем состоянии истории экономических учений связываются, как правило, с приходом в науку методологии «релятивизма», которая сместит внимание исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой из них в контексте собственного времени, места и окружения. Примечательно, что необходимость «смены вех» в историографии науки, напрямую связывается с принципиальными изменениями в структуре самого объекта изучения — экономической науки, утратившей единство и целостность научной дисциплины²⁷. Дифференциация и фрагментация экономического знания предопределяют необходимость выяснения исторических и культурных корней

²⁶ См.: Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 48.

²⁷ См.: там же. С. 50-51.

каждого экономического направления, дисциплины, школы, исследовательской программы.

Необходимость смены исследовательских ориентаций историографии экономической науки обуславливается также серьезным влиянием, оказываемым на нее в последние десятилетия бурно прогрессирующими науковедением и социологией науки (в историко-научной литературе это влияние характеризуется как «натиск социологии»). Последняя заставила историков науки взглянуть на объект своего изучения как на социальную реальность, подверженную влиянию многообразных факторов. Как результат, все дальше в прошлое стало уходить представление об объекте исследования истории науки, ограничивающее его научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста, или интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Все большую популярность стал завоевывать поход, требующий привязки выработанных в прошлом научных идей к конкретным научным сообществам, характерной для них практике. Соответственно, тексты, идеи прошлых лет должны осмысливаться и интерпретироваться в контексте, а не по отношению к современным суждениям.

Движение по данному пути в области экономической историографии первыми начали историки, предпринявшие, например, интересную попытку изучить тридцатилетний отрезок истории науки сквозь призму международных конгрессов по экономической истории, эволюции их тематики, что позволило проследить за изменениями предмета и методов, используемых наукой²⁸. В структуре научной программы форумов и содержании докладов, представленных на каждом конгрессе, в наибольшей мере выявляется «общий вектор развития экономической истории»²⁹.

²⁸ См.: Супоницкая И.М. Международные конгрессы по экономической истории: проблемы, методология // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии / Под ред. Ю.Н. Розалиева. М., 1993. С. 209–219.

²⁹ Бородин Л.И., Петров Ю.А. Экономическая история к началу XXI века: итоги XIII Международного конгресса по экономической истории // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 138.

Разговор об участии отечественных исследователей в работе таких конгрессов³⁰, перерос в обсуждение актуальных проблем экономической истории в нашей стране, сопровождавшееся попыткой выделить основные этапы развития науки, проиллюстрировать (с помощью библиометрического анализа) резкий спад исследовательской активности в 1960–1980 гг., обусловленный идеологическим прессингом, оторванностью от мировой науки и т.д.³¹

Предметом историографического изучения становятся целые историко-экономические направления. Но если историки рассматривают, например, так называемое «новое направление» в контексте развития исторической науки в постсталинский период³², то экономисты, нарушая логику развития дисциплины или движения эмпирических исследований его представителей, «встраивают» направление в традиционную схему истории идей, объявляя его школой российского институционализма³³.

Заслуживают упоминания также работы посвященные истории такого направления в развитии науки как «новая экономическая история» или «клиометрика»³⁴. Заметим, однако, что внимание

³⁰ См.: Бовыкин В.И. Миланский конгресс экономической истории и наша историко-экономическая наука // Экономическая история: Обзорение. Вып. 1 / Под ред. В.И. Бовыкина и Л.И. Бородкина. М., 1996. С. 7–27.

³¹ См.: Бовыкин В.И. Актуальные проблемы экономической истории // Новая и новейшая история. 1996. С. 11–27. Заметим, впрочем, что эта тема была впервые поднята едва ли не десятилетием ранее В.А. Виноградовым еще в совершенно иной социально-политической обстановке в стране (см.: Виноградов В.А. Состояние и перспективы историко-экономических исследований // Вопросы истории. 1988. № 4. С. 3–12).

³² См., например: Осадченко Б.А. Поиски на гранях марксистской парадигмы. «Новое направление», его основные представители, теоретико-методологические позиции // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 562–575.

³³ См., например: Погребинская В.А. «Новое направление» как школа российского институционализма // Экономический журнал. 2001. № 1; Фролов Д.П. «Институциональная оттепель» в экономической истории и политической экономике СССР // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 108–118.

³⁴ См.: Ломова С.А. Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направления в России и за рубежом // Новая и новейшая история. 1997. С. 3–20; Бородкин Л.И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Там же. 1998. № 5. С. 3–16.

авторов данных работ приковано преимущественно к истории зарубежной науки, которая хотя и не была безоблачной, демонстрирует, тем не менее, логику процесса оформления экономической истории в самостоятельную отрасль социального знания.

Смена исследовательских ориентаций в историографии выливается в дискуссию о допустимости использования исторических источников в историографических исследованиях. И если одни ее участники, апеллирующие к различиям в объектах исторического и историографического исследований, допускают возможность работы лишь с опубликованными текстами, то их оппоненты ратуют за обращение к архивным материалам, широкое привлечение историографами исторических источников. Историческая реконструкция науки невозможна, на их взгляд, без обращения к эпистолярному наследию ученых, материалам автобиографического характера, мемуарам, документам научных институций, что позволяет проследить становление научных взглядов и их последующую эволюцию, влияние на них многообразных социокультурных факторов, институциональной среды и т.д. В историографический оборот вовлекается значительный круг оригинальных исторических источников, позволяющих много шире, а, нередко и иначе, взглянуть на содержание научного знания, доносимого до нас опубликованными документами, монографиями или научными статьями.

В истории экономической науки, как следствие, расширяется область исследований, методология которой ориентирована в большей мере на историографические, нежели на телеологические, доктринальные или идеологические критерии, а конечные цели исследований являются не теоретическими или педагогическими, а эмпирическими. Исследования, основанные на «археологических» разысканиях их авторов в архивах, а не на идеях изложенных в канонических текстах, ставят под сомнение «эволюционный характер, традиционно приписываемый экономистами истории их дисциплины, и героические штампы, при помощи которых они характеризуют своих старых мастеров»³⁵.

³⁵ Дин Ф. Роль истории экономической мысли // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт. Пер. с англ. В 2-х т. СПб., 2002. Т. 1. С. 47.

В этом случае историография становится неотличимой от интеллектуальной истории и социальной истории науки. Первая, претендующая на роль дисциплинарной истории социального и гуманитарного знания³⁶, «осуществляет реконструкцию прошлого знания, выявляет исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания наук, формирование научной картины мира, стиля научного мышления, различных средств и форм научного исследования — на фоне общей духовной культуры, социально-организационных и информационно-идеологических условий конкретной эпохи»³⁷ (и в этом ее качестве может рассматриваться как весьма небезуспешная попытка привнести в историографию достижения современных истории и социологии знания). Вторая — рассматривает скорее социальные отношения в контексте развития знания, нежели развитие знания в социальном контексте.

Под «крышу» интеллектуальной истории (а тем более, социальной истории науки) ранее и охотнее других под «флагом» обновления профессиональной историографии ушли многие отечественные историки исторической науки, осознавшие, «что историография как история исторической науки, безусловно, является частью интеллектуальной истории, которая демонстриру-

³⁶ Эти претензии выглядят обоснованными, если согласиться с делением современной истории знания на интеллектуальную историю и историю науки (естествознания). Такое деление обусловлено признанием факта существования лишь истории естественнонаучного знания, но отсутствием истории обществознания — не предусмотренной философией науки, проводящей непреодолимую границу между объектами естествознания и обществознания.

³⁷ Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репиной и В.И. Уколовой. Вып. 1. М., 1999. С. 9. Подробнее см.: Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П. Репиной и В.И. Уколовой. Вып. 2. М., 2000. С. 5–13; Она же. Современная историческая культура и интеллектуальная история // Там же. Вып. 6. М., 2001. С. 5–10; Она же. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков / Отв. ред. А.А. Фурсенко. М., 2001. С. 175–192; Она же. От истории идей к интеллектуальной истории (Аналитический обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов. В 2-х ч. / Редкол. Ястребицкая А.Л. и др. М., 2002. Ч. 2. С. 86–103; и др.

ет в ретроспективе сложный, противоречивый, часто прерываемый процесс познания ... истории»³⁸.

Не остались в стороне от этого движения и историки экономической науки. Можно привести уже не единичные примеры их участия в издательских проектах, предпринятых социальными историками науки (например, в продолжающихся изданиях «Деятели русской науки XIX–XX веков» и «Русская наука в биографических очерках») и интеллектуальными историками (в альманахе «Диалог со временем»).

Поскольку персонализированный подход является по существу приоритетным в исследованиях интеллектуальных историков, не удивительно, что именно в жанре интеллектуальных биографий созданы немногочисленные работы, посвященные истории историко-экономической науки. Б.Д. Бруцкусу — историку народного хозяйства России, посвящена монография Н.Л. Рогалиной³⁹, специальный параграф которой раскрывает исследовательские методы Бруцкуса как историка-экономиста. Историко-экономические взгляды другого экономиста — И.М. Кулишера — подверглись обстоятельному разбору в книге и статьях С.М. Виноградова⁴⁰. Посвященные выявлению из текстов источников объективных сведений о зарождении и последующем развитии авторских подходов и принципов исследования прошлого экономики, используемых методов, их мировоззренческих установок и т.д., позволяющих отнести историка-экономиста к той или иной школе или направлению

³⁸ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX века: Учебное пособие. Омск, 2001. С. 10.

³⁹ Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России. М., 1998. 192 с. См. также: Рогалина Н.Л. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства СССР // Экономическая история: Обзор / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 6. М., 2001. С. 107–109.

⁴⁰ Виноградов С.М. Историко-экономические воззрения И.М. Кулишера. СПб., 2002. 133 с.; Он же. Историко-экономические произведения И.М. Кулишера // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 79–91; Он же. И.М. Кулишер как историк-экономист // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 221–235; и др.

(Бруцкуса к либеральному⁴¹, а Кулишера — историческому), эти исследования демонстрируют скорее приверженность традиционной историографической культуре, с достаточно жестко заданными границами познания предметной области историко-экономической науки⁴².

Не приходится сомневаться, что после падения наиболее укрепленного бастиона сторонников истории экономического анализа (рациональной реконструкции истории науки)⁴³, число приверженцев интеллектуальной истории экономической науки — ее исторической реконструкции — возрастет.

Интеллектуальная история, однако, вряд ли может служить надежным прибежищем для исследователей истории экономической науки, поскольку имеет более широкое проблемное поле. Уже сегодня очевидно, что статус дисциплинарной истории для гуманитарных и социальных наук был промежуточной «станцией» в движении интеллектуальной истории от «истории идей» к «новой культурно-интеллектуальной истории», чьи ин-

⁴¹ Можно отчасти согласиться с критикой попыток представить Б.Д. Бруцкуса «крупнейшим специалистом по истории народного хозяйства» (Бокарев Ю.П. Экономическая история // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 605). Попыток, объяснить которые можно, в том числе, и стремлением историографии откликнуться на возросший «спрос» на представителей либерального направления экономической мысли в период либеральных рыночных реформ, что увязало друг с другом методы и задачи историографического исследования.

⁴² Мы сознательно оставляем за пределами анализа работы, которые через обращения к текстам лишь «раскрывают черты российской экономики» и «объясняют их происхождение» (см., например, Лузан П.П. Василий Осипович Ключевский как историк экономики России // ЭКО. 2001. № 9).

⁴³ О своем переходе под знамена интеллектуальной истории экономической науки (исторической реконструкции) заявил недавно один из последовательных сторонников ее рациональной реконструкции М. Блауг, работы которого благодаря переводу на русский язык весьма популярны среди отечественных историков экономической науки. Будучи приверженцем философско-методологических построений К. Поппера и И. Лакатоша, долгое время и он оставлял за рамками своих исследований внешнюю социальную среду научной деятельности и институты научного сообщества (см.: Блауг М. Мы прежде всего экономисты! // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2. Экономика. Реф. журн. М., 2003. С. 7–13).

тересы лежат в области истории исторической культуры, «которая включает в себя весь комплекс представлений о прошлом и способов его репрезентации»⁴⁴.

В силу широты своего проблемного поля, интеллектуальная история может попросту игнорировать многие проблемы, крайне важные для написания истории науки. Сошлемся в качестве примера на многочисленные публикации исследователей из Омска — центра историко-научных изысканий в сибирском регионе, которые фактически разрабатывают новую модель историографии науки — своеобразный культурологический ракурс видения последней, с акцентом на изучении «историографического быта», «культурных гнезд», «культуры повседневности», «интеллектуального ландшафта» и т.д.⁴⁵

Вектор историографических разысканий омских ученых невольно совпал с вектором социальных историков науки (новосибирская школа). Последние под влиянием социологии науки и науковедения основным объектом историко-научного изучения избрали систему организации науки, рассматриваемую ими в тесной связи с проблемой формирования советской интелли-

⁴⁴ Репина Л.П. Современная историческая культура и интеллектуальная история // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001. С. 6. Само уточнение — «культурная», по справедливому замечанию П. Берка, «... указывает на тяготение к ментальностям, стихийным представлениям и чувствам, которые ... явно предпочитают идеям и системам мысли...», в силу чего культурно-интеллектуальной истории «свойственна некоторая расплывчатость» (Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 78).

⁴⁵ См.: Корзун В.П. Провинциальная историография: поиски координат исследовательской модели // Региональная история в российской и зарубежной историографии: Тез. докл. межд. науч. конф. Рязань, 1999. Ч. 1. С. 24–28. Более подробно см.: Проблемы истории науки и культуры России. Омск, 1993; Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). В 2-х ч. Омск, 1998; Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика. Омск, 1998; Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и центр): XX век. В 2-х ч. Омск, 2000; Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX–начало XXI вв.). Омск, 2003; и др.

генции⁴⁶. Точка совпадения — принципиальный отказ от анализа сугубо профессиональных, дисциплинарных аспектов научного творчества, способствовавших приращению потенциала той или иной отрасли знания⁴⁷.

Причина этого, на наш взгляд, проста и очевидна. Гражданская история, частью которой является как интеллектуальная история, так и социальная история науки, никогда не изучала когнитивных процессов, в силу чего «ее собственная методология предельно далека от подлинных потребностей историко-научных исследований»⁴⁸. Отсутствие у гражданских историков интереса к содержанию научного знания объясняется и тем, что их карьерные стимулы не создают заинтересованности в историко-методологической реконструкции научного знания (за исключением прошлого их собственной науки), поскольку конкретный историко-научный материал крайне сложно вписывается в известные методологические схемы.

Признавая безусловные заслуги интеллектуальной истории в деле преодоления сложившихся в традиционных историографиях отдельных дисциплин конвенциональных форм представления прошлого и расширения перспектив исторической реконструкции⁴⁹, истории экономической науки суждено оставаться специа-

⁴⁶ См., например: Развитие науки в Сибири (методология, историография, источники). Новосибирск, 1986; Социально-исторические аспекты организации науки в Сибири. Новосибирск, 1989; Кадры науки советской Сибири (проблемы истории). Новосибирск, 1991; Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996; Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000; Соскин В.Л. Российская советская культура. 1917–1927: Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. и др.

⁴⁷ Показательный, в этом отношении, пример. Один из «героев» данной книги — В.Н. Шерстобоев — в исследовании, посвященном истории науки и интеллигенции Восточной Сибири середины прошлого века, фигурирует исключительно как ученый-аграрник. Совершенно очевидно, что автор следует за сложившейся в те годы системой организации науки, тогда как научные интересы упоминаемого им исследователя и основные его труды тех лет лежали в области экономической истории (см.: Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х–середина 60-х гг. XX в.). Иркутск, 1998. С. 118, 176–178).

⁴⁸ Кузнецова Н.И. История естествознания в контексте естественнонаучных и гуманитарных дисциплин // Науковедение. 2002. № 4. С. 97.

⁴⁹ См.: Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 15.

лизированной дисциплиной, сохраняющей автономное положение в рамках интеллектуальной истории, если она не намерена остаться «историей науки без науки». Скорректировав при этом свои исследовательские ориентации с учетом привносимого интеллектуальной историей методологического плюрализма, признания права на существование в рамках историографии разнообразных методологических подходов и исследовательских приемов.

Как справедливо заметил Д. Блур, ограничение исследования науки ее институциональной структурой и внешними факторами, связанными с направлением или уровнем ее развития «оставляет незатронутым сущность таким образом произведенного знания»⁵⁰. Содержание научного знания должно быть привязано к конкретным сообществам, в рамках которых оно вырабатывалось, осмыслено, интерпретировано в социальном контексте их существования, что не означает отказа истории науки от изучения важнейшей составляющей своего предмета — научных инноваций, конкретного содержания научных трудов. «Речь идет ... о взаимосвязанном изучении социального контекста, культурных форм, научных открытий и изобретений... Всего комплекса конвенций, практик, стратегий, задействованных в постановке и решении научных проблем...»⁵¹.

На практике это означает, что исследовательские подходы, зарекомендовавшие себя в рамках разнородных составляющих интеллектуальной истории — от истории идей до истории естествознания — могут использоваться для реконструкции прошлого и экономических наук, где долгое время господствовал либо сугубо когнитивный подход, либо макроаналитическая стратегия изучения социальной истории науки.

Микроаналитическая стратегия в истории экономической науки: ситуативная историография. Инвентаризация историографических концепций, используемых при изучении

⁵⁰ Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 163.

⁵¹ Репина Л.П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков / Отв. ред. А.А. Фурсенко. М., 2001. С. 187.

истории экономической науки, проведенная И.П. Гуровой⁵², позволила автору придти к выводу о недостаточном внимании, уделяемом отечественными исследователями «микросоциологическому анализу и исследованию закономерностей развития профессиональной экономической науки»⁵³. Этот вывод, однако, в значительной степени обесценивается крайне узким авторским видением проблем истории экономической науки, основанной на использовании микросоциологического метода. К ним относятся лишь выяснение структуры науки и причин объединения экономистов в научные школы и направления, а также соперничества экономических теорий и научных школ⁵⁴.

Причина этого кроется не только в преимущественном внимании автора к экономико-теоретическому знанию, но и в ее трактовке внутренней социальности науки, сводимой исключительно к психологическим и социальным факторам, регулирующим жизнь профессионального научного сообщества, к так называемому «давлению профессии»⁵⁵.

Действительно, социальность в науке не понимается ныне лишь как совокупность внешних по отношению к ней факторов, как взаимосвязь науки с проблемами общества в целом. Признано, что на содержание научного знания оказывают серьезное влияние социальные отношения внутри научного сообщества. Однако, развитие исследований в философии, социологии и истории науки во второй половине минувшего столетия поставило вопрос о необходимости более широкого толкования проблемы внутренней социальности в науке. Помимо социальных характеристик ученых как членов научного сообщества, при изучении истории тех или иных областей знания должен быть учтен более широкий спектр субъектных, личностных характеристик, как ученых, так и других действующих в истории лиц. Более того, микроаналитическая стратегия в истории науки акцентирует ис-

⁵² См.: Гурова И.П. Сравнительный анализ методологии истории экономических учений: Автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2000; Она же. История метода историко-экономической науки. Ульяновск, 1999.

⁵³ Гурова И.П. Сравнительный анализ методологии... С. 34.

⁵⁴ См.: там же. С. 12.

⁵⁵ См.: там же. С. 22.

следовательское внимание и на объективных условиях деятельности ученых, многообразных формах, средствах, институтах интеллектуального общения, без которых невозможна познавательная работа, формирование продукта науки⁵⁶.

Такое расширительное толкование проблема внутренней социальности науки получила благодаря появлению нового типа историко-научных исследований (исторической реконструкции науки) — ситуационных исследований, кейс стадис (case studies), распространение которых свидетельствует об отказе от кумулятивистских, линейных моделей развития науки и получающем признании взгляде на историю науки как на совокупность индивидуальных событий-эпизодов, обладающих определенной, хотя и относительной, независимостью. Несмотря на то, что новое историографическое направление отказывается от выявления преемственности отдельных этапов в развитии науки, специалисты сравнивают ситуационные исследования с воронкой, в которую «втягиваются и предшествующие события, и последующие, хотя предмет изучения характеризует настоящее науки, теперь, пусть даже это теперь и относится к прошлым векам»⁵⁷.

Методология ситуационного анализа заслуживает оформления в самостоятельное исследовательское направление в рамках истории экономической науки, поскольку содержит богатый эвристический потенциал, способный серьезно усилить научно-методологические основания историографического исследования, расставить новые акценты и найти нюансы, меняющие представления о развитии науки.

Философы и методологи науки считают, что переход к историографии науки, в которой главным способом реконструкции выступают ситуационные исследования, позволяет рассматривать то или иное событие в истории «как некий фокус, средоточие всех проблем историко-научного анализа», которые «перестают быть отдельными предметами изучения, а оказываются

⁵⁶ См.: Маркова Л.А. Трансформация оснований историографии науки // Принципы историографии естествознания: XX век / Отв. ред. И.С. Тимофеев. СПб., 2001. С. 76-78.

⁵⁷ Там же. С. 75.

сторонами одного события, приобретают эвристическую силу для понимания самих этих событий»⁵⁸.

На смену подходу, достаточно жестко отделявшему различные уровни историко-научного исследования и выделявшему ситуационной историографии самый низший «примитивный» уровень (так называемое «наивно-реалистическое» направление в историографии, с присущими ему эмпирическими, фактографическими методами), приходит комплексное изучение историко-научных феноменов, не исключающее из поля зрения ситуационного исследования таких вопросов как: изменение структуры научного знания, взаимоотношения эмпирического и теоретического его начал, языка науки, ее методов и т.д. Исследование события в истории науки, другими словами, предполагает рассмотрение совокупности как когнитивных, так и социальных (внешних и внутренних) признаков, характеризующих проблемную (исследовательскую) область как эпицентр исследовательских интересов, с учетом исторического их характера, как и исторической природы самого подхода.

Последний момент подчеркнем особо. Экономическая история и поныне является когнитивно и социально слабоинституционализированной дисциплиной, в силу чего единицами историко-научного изучения науки правильнее считать проблемные (исследовательские) области, представляющие собой ступени становления еще не оформившейся дисциплины. Это тем более справедливо по отношению к междисциплинарным исследованиям: уровень исследовательской области оптимален в качестве места когнитивной и социальной идентификации, как историков, так и экономистов, занятых ими. И в наши дни, не говоря уже о прошлом, ученые работают во всем спектре дисциплинарных различий, что крайне затрудняет проведение дисциплинарных границ. При рассмотрении же проблемы в ретроспективе это чревато еще и модернизацией прошлого.

Каждая исследовательская область как структурная единица науки, в свою очередь, может быть представлена в виде со-

⁵⁸ Маркова Л.А. Новые формы историко-научных исследований и их перспективы // Принципы историографии естествознания. Теория и история / Отв. ред. А.П. Огурцов, И.С. Тимофеев, В.С. Черняк. М., 1993. С. 345.

вокупности конкретных программ получения (производства) и систематизации историко-экономического знания. Выделение, подробное описание таких программ, определение способа их бытия, выявление характера функционирования и взаимодействия в ретроспективе и составляет основную задачу историко-научного исследования⁵⁹.

Программы получения знания «представлены методами эмпирического и теоретического исследования, вербально сформулированными или существующими на уровне постоянно воспроизводимых образцов»⁶⁰. Их описание преследует цель перенести акцент в историко-научном исследовании с анализа продукта науки на деятельность по его производству, изучение решаемых исследователем проблем, рассматриваемых им вопросов. В поле зрения при этом неминуемо оказываются организационные структуры, в рамках которых осуществляется интеллектуальная деятельность, научная инфраструктура и т.д.

Программы же систематизации знания, связанные во многом со спецификой решаемых исследователями задач, в значительной мере способствуют определению дисциплинарных границ науки, отнюдь не задаваемых «объективно», а чаще «приписываемых», «устанавливаемых» извне научным сообществом, органами управления наукой, идеологическими институтами и т.д. Описание таких программ в рамках ситуационных исследований в противовес современному, во многом искусственному выделению проблемной области экономической истории, не отражающему действительных границ внутри науки и преследующему, главным образом, дидактические цели, позволяет наблюдать конкретную конфигурацию дисциплинарного поля историко-экономического знания в каждый момент истории.

С когнитивной стороны значительный интерес при изучении программ производства и систематизации знания представляет выяснение источников научной проблематики, предмета исследования, используемых методов и аналитического инструмента-

⁵⁹ См.: Кузнецова Н.И., Розов М.А. История науки на распутье // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 1. С. 7.

⁶⁰ Там же. С.11.

рия, способов теоретизирования, междисциплинарных связей, влияния, оказываемого на развитие других дисциплин и т.д. Социальная сторона указанных программ это: интересы, традиции, профессиональные навыки исследователей, кооперация ученых, занятых реализацией программ, формы институционализации их деятельности и представления результатов, внутринаучная коммуникация, а также социальный заказ, формируемый обществом, финансовое обеспечение исследований, практическое использование результатов и т.д.

Использование ситуационных исследований как способа реконструкции прошлого науки в данном исследовании предполагает представление объекта микроанализа не в качестве некоего «идеально-типического» случая (мысленной логической конструкции, созданной автором методики вычленения объекта исследования), а исторической эмпирии, данности, и не требует специальной рефлексии по поводу выбора того или иного события-случая. Это является результатом, в том числе и того факта, что проблематика исследования не освещена богатой историографической традицией и крайне остро стоит проблема не столько интерпретации, сколько описания историко-научных фактов.

Впрочем, события все же выбираются исследователем (даже если он и не осознает этого) с точки зрения воспроизводимости ими общезначимой ситуации в науке в тот или иной период ее развития. И особый интерес с этой точки зрения представляют местные научные практики.

Долгое время в исследованиях по истории науки доминировал подход, разводящий на противоположные полюса «передний край науки» и ее «второй эшелон», науку центра и регионов⁶¹. Традиционная экономическая историография в лице В.К. Яцунского лишь зафиксировала острую потребность в активизации местных историко-экономических изучений, в разработке материалов местных архивов («экономическая история больше, чем

⁶¹ См.: Касьян А.А. Центризм и регионализм как исследовательские подходы в истории науки // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 17: Региональная конфликтология: Нижегородский вариант. М., 2000. С. 73–79.

какая-либо другая отрасль исторической науки, нуждается в разработке местной истории»⁶²) и откликнулась на появление первых результатов регионализации исследовательской активности в этой области⁶³.

Вряд ли сближению полюсов будет способствовать само по себе более активное обращение исследователей к изучению истории науки в ее «региональном измерении» (творчества провинциальных ученых, местных институций и обществ и т.д.). Дело не в смещении акцентов, и не в отказе от «центристского» подхода к истории науки, что в принципе вряд ли возможно, ибо, как верно подмечено, «регионально» ориентированным исследованиям изначально свойственно «оглядываться» на национальный исторический нарратив. Но даже если исследования «местной науки», благодаря этому, перестанут быть расследованием особых обстоятельств и приобретут характер повседневный и естественный⁶⁴, куда более плодотворным останется изучение конкретных программ производства и систематизации знания, погруженных в местный контекст, но выражающих общие тенденции в развитии науки.

Речь не идет, стало быть, о «провинциальной» историографии (противопоставляемой столичной или универсальной), которой, как утверждают, «были присущи свои особые идейно-теоретические установки..., своя источниковая база, тематика, проблематика исторических работ и в конечном счете свои комплексы исторических сочинений»⁶⁵. Или об историко-научной составляющей местной истории, сосредоточенность которой на локальных объектах исследования (пространственный масштаб историографии), как и в целом лежащий в основе краеведения пространственный принцип, не соответствуют, на наш взгляд,

⁶² Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 119, л. 17.

⁶³ Яцунский В.К. Изучение местной истории в СССР (обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы) // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 74–112.

⁶⁴ См.: Хектен Э. Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3.

⁶⁵ Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 282.

задачам историко-научного исследования — «краеведческий» материал крайне слабо поддается концептуализации. Далеко не случайно историографические работы в этом случае представляют собой не более чем аннотированные перечни исторической литературы, опубликованной на рассматриваемой территории за определенный промежуток времени.

Наряду с «провинциальной историографией», выявляющей особенности провинциального историописания, а также историографической составляющей краеведения, отягощенной «объектной» спецификой, актуально существование историографии «предметной». В центре внимания последней находится история отдельных научных практик в локальном контексте, но которая способна подняться над единичным фактом и поместить его в целостную картину развития историко-экономической науки, благодаря «совместимости» когнитивных и социальных параметров, характеризующих соответствующую исследовательскую область.

В рамках данного исследования внимание будет сфокусировано на детальном описании и анализе программ получения и систематизации историко-экономического знания, осуществленных на материалах Прибайкалья в рамках проблемных областей «живой истории общины», «количественной экономической истории», «экономической истории отдельного предприятия» и «локальной аграрной истории».

Глава 2. «ЖИВАЯ ИСТОРИЯ» СИБИРСКОЙ ОБЩИНЫ: Л.С. Личков

Статистическое наблюдение, идя рука об руку
с изучением истории, составляет главное
орудие для познания хозяйственной жизни во всей ее
действительности и для обнаружения связи
между явлениями в пространстве и времени.
Оно есть важнейший путь к познанию истории
хозяйственного быта.

А.А. Исаев, 1887

Один из первых успешных исследовательских проектов в области экономической истории был реализован в конце XIX–начале XX вв. русскими статистиками в ходе изучения «живой истории» общины.

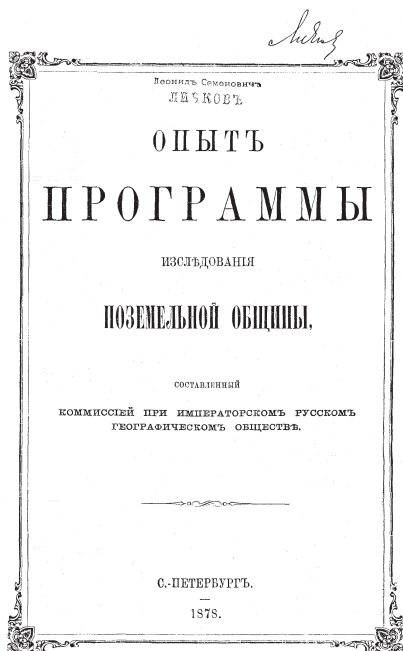
По поводу происхождения русской земледельческой общины в среде отечественной научной интеллигенции, начиная с середины девятнадцатого столетия, шла весьма оживленная дискуссия. Одни видели в крестьянской общине пережиток «первобытного коммунизма», призванный быть вытесненным более высокими хозяйственными отношениями. Другие связывали появление института общины с деятельностью государства, руководствовавшегося фискальными соображениями и создавшего этот институт для облегчения взимания с крестьян налоговых повинностей. Сельская община, по общему мнению, переживала критический момент в своем существовании: надлежало ли поддерживать этот «осколок русской старины», или способствовать процессу разложения общины и переходу крестьянской массы к «участковому землевладению», каковое сложилось в большинстве стран Европы.

Полемика эта долгое время носила преимущественно отвлеченный, «теоретический» характер. Лишь на исходе 1870-х годов было положено начало новому, «фактическому» подходу к изучению общины. И именно «сибирским» статистикам, получившим возможность наблюдать исторические различия как этнографическое явление, принадлежал приоритет в разработке новых аналитических методов познания прошлого, как этого общественного феномена, так и хозяйства в целом. Им удалось осуществить син-

тез экономической истории с социальной этнографией, «экстраполируя» в историю результаты непосредственных наблюдений различных моментов эволюции экономики. Довелось первыми наглядно продемонстрировать роль устных источников в экономической истории.

Программа исследований. Старт реализации исследовательского проекта был дан в 1878 году, когда практически одновременно увидели свет программы изучения поземельной общины, составленные под эгидой двух крупнейших отечественных научных институций того времени — Вольного экономического (ВЭО) и Русского географического (РГО) обществ¹.

В связи с появлением указанных программ обратим внимание на два факта. Одним из составителей программы ВЭО, наряду с другими членами комиссии отделения сельскохозяйственной статистики и политической экономии — Ф.Л. Барыковым и А.В. Половцевым, был П.А. Соколовский, в книге которого «История сельской общины на севере России» всего лишь годом ранее прозвучала мысль о необходимости проверки исторических фактов сведениями о современном общинном быте крестьян, являющимся «живым архивом», «в котором можно найти гораздо более исторических данных, чем во всех сохранившихся памятниках»². Все

Обложка программы исследования общины, изданной ИРГО, из личной библиотеки Л.С. Личкова (НБ ИГУ)

¹ См.: Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине, выработанная III отделением Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1878. 34 с.; Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при Императорском Русском географическом обществе. СПб., 1878. 28 с.

² Соколовский П.А. История сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 159.

исторические формы общинного землевладения и землепользования, по мнению историка, можно было воочию наблюдать в различных районах России.

В следующей своей работе «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом» (СПб., 1878) ученый более определенно указал на Сибирь как на «живой архив» сведений об «охотничьих, рыболовческих и пастушеских народах», в явлениях общественной жизни которых «мы можем найти ключ для восстановления и уяснения генезиса различных стадий земельных отношений»³. К выводу о допустимости экстраполяции из этнографии в «доисторию» («в виду чрезвычайного однообразия явлений жизни первобытных народов, такое сравнение может привести к результатам весьма точно приближающимся к действительности»⁴) ученый пришел под впечатлением от работ А.П. Шапова, который задолго до начала широкомасштабных, систематических исследований предпринял попытку изучения сибирской инородческой и крестьянской общины, указав на наличие исторической связи общины инородческой и оседлой⁵.

Рецензенты, живо откликнувшиеся на работы П.А. Соколовского, не только отметили весомый вклад ученого «в только что возникающую науку русской экономической истории»⁶, но и прямо поставили его имя в один ряд с именами ведущих европейских историков-экономистов⁷.

³ Соколовский П.А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом. СПб., 1878. С. 82.

⁴ Там же.

⁵ См.: Шапов А.П. Бурятская улусная родовая община // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1875. Т. V. № 3–4; Он же. Оседлая инородческая и русская крестьянская община // Известия СОИРГО. 1875. Т. VI. № 3. Достаточно точную характеристику занятиям А.П. Шапова историей общины дал, на наш взгляд, Н.М. Ядринцев: «Работы эти страдают иногда недостатком материала, скоростью выводов и т.п. Отсутствие научных исследований в Сибири мешало этому. Шапов намечает скорее план и вехи исследованию. Он не мог, конечно, создать сам ни местной этнографии, ни истории» (Ядринцев Н. Жизнь и труды А.П. Шапова // Восточное обозрение. 1883. № 31. 4 авг. С. 9).

⁶ Н.З. К истории русской общины // Слово. 1879. № 8. С. 196.

⁷ См.: Н. Р-ский. К экономической истории крестьянства // Свет. 1879. № 7. С. 299.

Именно идея П.А. Соколовского о необходимости использования материалов «живого архива» при изучении прошлого русской поземельной общины, получила дальнейшее развитие в объяснительной записке к программе, разработанной комиссией отделения этнографии и статистики РГО⁸. Последняя увязала ее с развитием отечественной экономической науки: «все политико-экономические законы и положения относительно землевладения ... основаны на тех порядках ..., которые развивались в государствах западной Европы, и на крайне отрывочных наблюдениях, собранных западными же учеными в других странах мира, большею частью случайных, и притом нередко у народов, стоящих на крайне различных ступенях культуры и живущих при совершенно особых от европейских условиях жизни»⁹. Такие экономические построения, на взгляд авторов программы, лишены прочной опоры. Последнюю могут дать лишь оригинальные отечественные исследования, главным образом, «живой истории» русского общинного землевладения и землепользования, проводимые на окраинах страны, где «общинного землевладения в его чистой форме не существует»¹⁰, и воочию можно наблюдать постепенное его развитие.

Укажем также на известную двойственность программы, которая ориентировала на получение как «практических», так и «научных» результатов, что впоследствии очень ярко проявится в ходе полевых исследований статистиков в Сибири. С одной стороны, их хозяйственно-статистические исследования будут направлены на описание экономического быта сельского населения сибирских губерний, и, будучи организованы по инициативе Министерства государственных имуществ, преследовать утилитарную цель «определения нормальных размеров крестьянского надела и оброчной подати», а с другой — немало способствовать

⁸ Программа РГО увидела свет лишь месяцем позднее документа, составленного ВЭО. Составители ее не скрывали факта заимствований из программы ВЭО. Более того, вторая редакция программы Вольного экономического общества была принята и Географическим обществом и последующие издания увидели свет уже «под грифом» обеих научных институций.

⁹ Опыт программы исследования поземельной общины, составленный Комиссией при Императорском Русском географическом обществе. СПб., 1878. С. 2–3.

¹⁰ Там же. С. 4.

развитию «общей экономической науки» путем выяснения генезиса аграрных отношений.

Это обусловило избирательное использование впоследствии результатов исследований отечественной экономической и исторической науками, развивавшимися исключительно в рамках марксистской парадигмы. Если статистическая часть, дающая детальное представление об экономическом положении сибирской деревни в конце XIX в., распределении земельных угодий, скота, инвентаря и т.д., и по сей день востребована наукой, то «аналитическая же часть работ не подвергалась систематическому и критическому анализу», хотя и «представляет большой научный интерес и для изучения развития русской экономической мысли»¹¹.

Программа дала и название исследовательской области — «живая история общины», хотя исследователь, введший это выражение в научный оборот — А.А. Кауфман — первоначально использовал понятия «живой архив», «застывшая история», «осколок истории» и т.п.

На появление программ ВЭО и РГО откликнулась и Сибирь, подхватившая идею в стремлении не только не отстать от передовых тенденций, принять посильное участие фактически в общенациональном исследовательском проекте, но также расставить точки над «i» в давно дискутируемом вопросе о самом факте существования общины на этой окраине страны¹². Немалый интерес представлял поиск ответов и на другие вопросы. Существуют ли различия между общинными порядками в Сибири и в европейс-

¹¹ Научитель М.В. Социально-экономические проблемы Сибири в экономической литературе 2-й половины XIX в. Автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 1968. С. 9.

¹² См., например: Есть ли в Сибири община? // Восточное обозрение. 1885. № 2; Общинное землевладение // Сибирская газета (Томск). 1885. № 32–36. Укажем и на огромный интерес к сибирским общинным порядкам, проявленный отделением статистики РГО. Тот же 1885 год начался в деятельности отделения двумя докладами об общинном быте крестьян Западной Сибири (С.Я. Капустина) и Забайкальской области (К.П. Михайлова). Как отмечала газета «Восточное обозрение», отделение статистики «единогласно признало неотложность и важность этих исследований и постановило предложить отделам географического Об-ва в Восточной и Западной Сибири обратить на этот предмет особое внимание» (Крестьянская земельная община в Восточной Сибири // Восточное обозрение. 1885. № 9. 28 февр. С. 4).

кой части России? В состоянии ли сибирская община продемонстрировать новые пути в организации крестьянского труда?

В 1879 году в Омске, Западно-Сибирским отделом РГО была выпущена «Программа исследования сельской общины в Сибири», составленная Н.М. Ядринцевым и носившая в большей мере этнографический характер, которую, впрочем, составитель дополнил хозяйственно-статистическими вопросами, ибо «потребность в них обуславливалась отсутствием каких бы то ни было экономических исследований о народном хозяйстве в Сибири, без чего само этнографическое исследование было бы неполно»¹³. В предисловии Ядринцев подчеркнул и актуальность изучения общины в различных местностях региона, выявления многообразных ее разновидностей, с точки зрения формирования представлений о постепенном зарождении, росте и последующем развитии поземельной общины.

Распространение программы Н.М. Ядринцева среди лиц, пожелавших принять участие в этой работе, не привело к скольконибудь значимым результатам: было получено лишь несколько ответов, главным образом от волостных писарей, частично использованных впоследствии в работах С.Я. Капустина.

Аналогичная судьба постигла и программу, распространенную Восточно-Сибирским отделом РГО в 1879 году с просьбой доставить отделу сведения о существующих в губернии поземельных общинах. Вопросы программы находились в широком диапазоне, начиная с выяснения самого факта существования в селениях общинного владения землей, причин и времени появления этой формы землевладения, механизмов передела земли, завершая получением сведений о причинах и времени перехода от общинного к подворному, наследственному владению.

Разосланная работникам межевого ведомства и военным топографам она принесла не более десятка ответов, которые в большинстве своем не соответствовали поставленным в программе вопросам¹⁴. Взявшийся за их обработку В.И. Вагин вы-

¹³ Программа исследования сельской общины в Сибири. Сост. при Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русского Геогр. об-ва. Омск, 1879. — [X], 22 с.

¹⁴ Заполненные бланки сохранились в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) (ф. 293, оп.1, д. 18).

нужден был признать, что «исследование поземельной общины не для всех может быть доступно; оно требует некоторой, и не маленькой, подготовки. Необходима известная степень образования, известное знакомство с литературой предмета, с научной и сельскохозяйственной терминологией»¹⁵.

Среди других работ сибирских авторов, посвященных «истории народного землевладения», упомянем статью Н.Е. Петропавловского, привлекающую внимание своим названием — «Схема истории сибирской общины»¹⁶, но не основанную на сколько-нибудь серьезных исследованиях, проведенных автором. Не случайно редакция «Сибирского сборника», опубликовавшего статью, вынуждена была заключить ее комментарием, в котором указала на голословность многих утверждений автора и предложила рассматривать ее лишь как программу возможных изучений, благодаря наличию ряда «систематически поставленных вопросов по исследованию общинного землевладения в Сибири»¹⁷. Среди последних обращает на себя внимание утверждение автора, что «одно из удобств при наблюдении сибирской жизни заключается в том, что до самого последнего времени здесь сохранились следы всей истории и всего пути, по которому шла жизнь»¹⁸. Задача исследователя, который возьмется за «восстановление старины по оставленным ею следам», будет заключаться в обнаружении «типических черт», характеризующих каждый из периодов в истории общины, которые в совокупности и составят «схему» или путь, по которому шла эта история.

Несмотря на откровенные неудачи первых шагов на пути изучения истории сибирской общины, следует обратить внимание на несомненное положительное влияние, оказанное ими на интеллектуальные круги сибирского общества. Практически аксио-

¹⁵ Вагин В. Заметки об общинном быте Забайкальских казаков III пешего Отдела // Известия ВСОИРГО. 1881. Т. XII. № 1. С. 28. Неудача в деле изучения общины повлекла за собой крайне негативную оценку деятельности статистической секции ВСОИРГО со стороны ревизионной комиссии («отдел статистики находится в упадке» (Известия ВСОИРГО. 1885. Т. XVI. № 4–5. С. 5), а также рекомендацию включить в число первоочередных задач отдела «систематическое изучение сибирской крестьянской и инородческой общины» (Там же. С. 4).

¹⁶ См.: Сибирский сборник. 1886. Кн. 2. Иркутск, 1886. С. 62–82.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ Там же. С. 65.

мой стало утверждение, что община, как и другие бытовые и социальные формы жизни, имеет свою историю, что великорусская община, с присущими ей регулярными переделами, — результат длительного процесса развития, установить ступени которого можно благодаря систематическим наблюдениям за формированием общинных порядков в Сибири, что открывает простор для работы местных исследователей.

Это, в свою очередь, обратило взоры научного сообщества на состояние науки, основные направления ее развития в Сибири, положение научных институций, кадровое обеспечение исследований и т.д. Непредвзятый взгляд, брошенный на историю научных исследований в Сибири, показал преимущественное развитие особого научно-исследовательского жанра — описаний «естественной истории» региона, вызванного к жизни открытием новых территорий, увлекших людей науки далеко вглубь Северной Азии. «Манией, доселе продолжающейся» назвала редакционная статья «Восточного обозрения» взгляд на Сибирь, как на «страну пустынную и обитаемую чуждыми племенами», тогда как позади стремящихся вперед исследователей давно уже «сформировалось целое общество, целая русская жизнь с весьма оригинальным складом, жизнь, которую мы не постигаем и перед которой задаемся вопросами»¹⁹.

«Неспорно, что почтенное дело — изучать природу во всех ее царствах; но ведь никто же не станет спорить, что “человек — ближе всего к человеку”», — вторила ей «Сибирь», устами своего издателя-редактора М.В. Загоскина утверждавшая, что настала пора перенести акцент на изучение «хозяйства в обширном смысле», а именно — на познание форм общежития и «исконных способов пользования землею и ее дарами»²⁰. Инициатива в проведении таких исследований должна была принадлежать, при отсутствии в Сибири земств, прежде всего, местным администрациям, нуждавшимся в достоверной информации для нужд управления территориями. «Ни ученые общества, отданные чистой науке, ни промышленные классы Сибири, ни золотопромыш-

¹⁹ Восточное обозрение. 1883. 30 июня (№ 26). С. 3.

²⁰ Загоскин М.В.] Изучение сибирских общин // Сибирь. 1887. № 2. С.4.

ленники не были заинтересованы этими исследованиями. Сибирский капиталист часто сочувствовал отвлеченной науке, он покровительствовал многому, что может быть названо роскошью цивилизации, но не мог поощрять вопросов народного труда и народной жизни»²¹.

При этом высказывалось оправданное сомнение в осуществимости исследований силами отделов РГО, а фактически — добровольных корреспондентов (учителей, священнослужителей, волостных писарей и пр.), в чей адрес рассылались программы. Роль отделов как научных организаций была более заметна в организационном отношении, в деле внедрения научных установок и принципов, нежели прироста собственно научного знания. Тем более в области социогуманитарных дисциплин, крайне плохо обеспеченных действительными членами, получившими подготовку, достаточную для обработки полученных опросных листов и интерпретации результатов. Поэтому местные научные круги и губернские администрации задавались закономерным вопросом о необходимости организации специальных экспедиций или комиссий, опыт учреждения которых был уже накоплен отечественной наукой. И действительно реальный вклад в дело изучения генезиса общины внесли исследования, осуществленные экспедиционным путем — полевые исследования русских статистиков.

Исследователь. Прежде чем обратиться к ходу исследований, взглянем на рассмотренные выше проблемы глазами одного из непосредственных их участников, попутно остановившись на фактах его биографии, формировании научного мировоззрения.

Старт хозяйственно-статистическим исследованиям был дан Государственным Советом, рассмотревшим в апреле 1887 года представление Министерства Государственных имуществ «О мерах к поземельному устройству сельского населения Восточной Сибири» (Мнение Госсовета было высочайше утверждено 12 мая того же года) и поручившим «организовать особый отряд из чинов ведомства Министерства Государственных Имуществ для исследования условий быта сельского населения в Восточ-

²¹ Восточное обозрение. 1883. 30 июня (№ 26). С. 3.

ной Сибири в видах правильного разрешения вопросов о размерах земельного надела и оброчной подати»²².

Высшее руководство работами было возложено на Иркутского генерал-губернатора графа Алексея Павловича Игнатьева, по представлению которого²³ непосредственная организация и осуществление работ были поручены статистикам, снискавшим себе «лестную известность работами в сфере земской статистики» — Л.С. Личкову, Н.М. Астыреву и Е.А. Смирнову. Поскольку с точки зрения предпринятого нами исследования наибольший интерес представляет фигура Л.С. Личкова, дадим краткую характеристику его соратникам, тем более что еще будем упоминать их имена при описании хода исследований и систематизации полученного знания, но более подробно остановимся на биографии «главного героя», который выступил фактическим руководителем временного творческого коллектива.

Евгений Александрович Смирнов (1859–?) окончил курс в Казанском университете кандидатом математики. До командировки в Сибирь был помощником заведующего статистическим бюро казанского губернского земства. С 1894 года — состоял на службе в Министерстве земледелия и государственных имуществ и неоднократно командировался в Сибирь по землеустроительным и переселенческим делам. Свое участие в исследованиях Иркутской и Енисейской губерний использовал фактически в качестве «трамплина» для успешной чиновничьей карьеры. Николай Михайлович Астырев (1857–1894) в 1881 году, оставив учебу в петербургском Институте инженеров путей сообщения, под влиянием народнических идей отправился «в народ» и служил писарем в Воронежской губернии. С 1884 по 1887 год работал в московском губернском земском статистическом бюро под руководством В.И. Орлова. В 1888–1889 гг. заведовал Иркутским губернским статистическим бюро. С марта 1888 г. в течение года, до своего отъезда из Сибири, был председателем отделения статистики Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

²² ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 8.

²³ Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях утверждал, что А.П. Игнатьеву кандидатуры статистиков для проведения подворной переписи рекомендовал глава статистического бюро Московского губернского земства В.И. Орлов (Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1915. 18 янв. С. 2).

Леонид Семенович Личков родился 16 апреля 1855 года в г. Холмогоры²⁴. По окончании в 1873 году Архангельской гимназии поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, курс которой, однако, не завершил из-за «прикосновенности» к студенческим волнениям²⁵. В 1878 г. после ареста Личков был выслан на родину, в Архангельскую губернию, где приступил к изучению хозяйственного быта местного населения. В 1879–1880 гг. Л.С. Личков принял активное участие в исследовании архангельским губернским статистическим комитетом земледельческой общины. Результатом стала небольшая работа «Семужинская община (Архангельской губернии)», опубликованная в «Сборнике материалов для изучения сельской поземельной общины»²⁶, призванном подвести первые итоги исследования общины с использованием программ ВЭО и РГО.

Леонид Семенович Личков
(фото, конец 1880-х гг., ИОКМ)

²⁴ Автор выражает признательность внучке Л.С. Личкова — Ольге Борисовне Личковой, любезно предоставившей в его распоряжение копию машинописного экземпляра работы ее отца Б.Л. Личкова «Памяти Л.С. Личкова (1855–1944)». (Рукопись работы хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в личном фонде Бориса Леонидовича Личкова (ф. 1039).

²⁵ Впрочем Б.Л. Личков высказывает иную точку зрения, считая, что Леонид Семенович «оставил ее (Петровскую академию. — Д.М.) вполне сознательно, исходя из следующих соображений. Ему представлялось, что не такое теперь время, чтобы учиться, жизнь требует дела, действия; действие же представлялось в виде вхождения в более тесные связи с народом, уяснения, чем он живет, что он собой представляет.» (там же. С. 13). Сам же Л.С. Личков настаивал на факте окончания им полного курса высшего учебного заведения, что в частности зафиксировано было в биографической статье, помещенной еще при жизни ученого во втором дополнительном томе энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (СПб., 1906. С. 92). Мы, однако, будем придерживаться сведений, содержащихся в работах Б.Л. Личкова и С.А. Венгерова (См.: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова: Аннотированный указатель: В 2 т. Т. 1. А–Л. СПб., 2001. С. 600–601).

²⁶ См.: Личков Л.С. Семужинская община (Архангельской губернии) // Сборник материалов для изучения поземельной общины / Под ред. Ф.Л. Барыкова, А.В. Половцева и П.А. Соколовского. СПб., 1880. С. 389–393.

Автор весьма самокритично отзывался о своей фактически первой работе о формах крестьянского землевладения и землепользования, вынесенной на суд широкой читательской аудитории, называя «беглым очерком, набросанном на том основании, что лучше что-нибудь, чем ничего»²⁷. Более того, использовал собственный опыт составления ответа на программы, для того чтобы продемонстрировать существенные недостатки, им присущие. К таковым он относил, прежде всего, преимущественно юридический характер программы Вольного экономического общества, вопросы которой нацеливают исследователя на сбор сведений исключительно об уже сложившихся формах землевладения с целью «установления более или менее правильного законодательства относительно владения землею в том смысле, который, на основании собранного фактического материала, сочтется наиболее благоприятным для будущности нашего земледельческого населения»²⁸.

Куда более актуальным считал Личков проведение исследования общины, носящего экономический характер (который, на его взгляд, был присущ в большей мере программе РГО). Такое исследование призвано было рассмотреть формы землевладения и землепользования в их динамике, собрать факты свидетельствующие о влиянии экономических, прежде всего, условий на изменение земледельческих порядков (и не только общинных). И произвести это изучение надлежало «в интересах экономической науки, в смысле выяснения и поправки политико-экономических тезисов и положений»²⁹, доверие к которым серьезно подорвано вследствие заимствований из западной экономической науки и отсутствия отечественных исследований порядков и форм владения землей³⁰.

²⁷ Личков Л.С. Первые опыты по исследованию поземельной общины // Дело. 1881. № 1. С. 69.

²⁸ Там же. С. 51.

²⁹ Там же.

³⁰ При этом любопытно отметить, что Личков отказывался признавать экономическими, исследования, направленные на описания «богатого, среднего и бедного типов хозяйств», считая, что они не имеют в себе «никаких прочных и достаточно точных оснований». Между тем, именно под таким углом зрения, предоставляющим «слишком широкое поле даже для очень бедной фантазии» (там же. С. 54), использовала результаты хозяйственно-статистических исследований марксистская историография.

«Сборник» же, на взгляд Л.С. Личкова, продемонстрировал явное преобладание работ, реализовавших «юридический подход» к исследованию общины. В нем доминировали описания земельных порядков, причем выполненные в виде изображения «сплошной картины» конкретной общины, т.е. своеобразного свода наблюдений над ней, что крайне затрудняло как анализ, так и обобщение собранного материала. Такой жанр «краеведческих описаний», весьма распространенный в провинции, откровенно не устраивал исследователя. Наиболее удобной формой подачи материала представлялись ему обстоятельные ответы на каждый вопрос программы, изложенные в строгом порядке, но отдельно друг от друга. А это, в свою очередь, предъявляло завышенные требования к «собираателям» материалов, в качестве каковых выступали, как показали первые опыты (в т.ч. изучения сибирской общины), волостные старшины, писаря, сельские учителя и священники, т.е. люди сравнительно малоразвитые и образованные, а нередко и малограмотные, неспособные связно излагать свои мысли на бумаге³¹.

К вопросу об организации статистических исследований Л.С. Личков вновь обратился на рубеже 1881–1882 гг., но уже в качестве представителя земской статистики — заведующего рязанским губернским земским статистическим бюро. В статье, опубликованной на страницах газеты «Русские ведомости», сравнивая деятельность губернских статистических комитетов с работами земских статистиков, он указывает на недостоверность «казенной» статистики, оперирующей «официальными» цифрами. «Ошибка» заложена, на его взгляд, в «единице исследования», в качестве которой та берет единицу административную (волость, сельское общество). В то время как земская статистика избрала самую мелкую хозяйственную единицу: частновладельческое помещичье хозяйство и крестьянский двор. Но главное преимущество последней, которое следует использовать при изучении общины — хорошо подготовленные люди, умение,

³¹ См.: Личков Л.С. Первые опыты по исследованию поземельной общины... С. 62.

опытность и интерес к делу которых являются залогом точности статистических наблюдений³².

С точки зрения нашего исследования представляет интерес и другое замечание Личкова, прозвучавшее в статье. Исследователь обращает внимание отечественных научных обществ, заинтересованных в изучении форм землевладения, на необходимость «серьезно озаботиться о предоставлении частным исследователям побольше простора, побольше прав на собирание сведений, а без того у нас теперь никакое частное исследование невозможно и всегда преткнется о какое-нибудь “законное” урядническое “основание”»³³. Вспомнить это замечание заставляет тот факт, что успех сибирских исследований, в которых вскоре примет участие Личков, во многом будет обеспечен вниманием со стороны генерал-губернатора, его канцелярии, использованием «административного ресурса».

В 1883–1886 гг. исследовательские интересы Л.С. Личкова (занимавшего должность секретаря Саратовской губернской земской управы) все больше смещаются в сторону изучения истории форм крестьянского землевладения. Описание существующих поземельных отношений и их изменений во времени должны, на его взгляд, служить обязательным введением к изучению сельского хозяйства каждого уезда. Что последовательно реализуется им в «Сборнике статистических сведений по Саратовской губернии» при описании форм крестьянского землевладения в Саратовском уезде. Исследование не обнаружило в чистом виде подворно-наследственной формы землевладения, зато констатировало факт различного по продолжительности существования общинных порядков: «в то время как большинство селений уезда совсем не помнит происхождения у них общинного землевладения, или же воспоминания эти очень смутны и спутаны, в некоторых волостях ... они еще довольно свежи, а в некоторых ... не изгладились еще некоторые следы образования общин»³⁴.

³² См.: Личков Л.С. К вопросу об организации статистических исследований на местах // Русские ведомости. 1882. 30 янв. С. 3.

³³ Он же. К вопросу об организации статистических исследований на местах // Русские ведомости. 1881. 28 дек. С. 3.

³⁴ Личков Л.С. Формы крестьянского землевладения // Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 1. Саратовский уезд. Саратов, 1883. С. 32.

Предметом изучения в следующем очерке стала история форм крестьянского землевладения у бывших государственных крестьян Царицынского уезда, сохранивших воспоминания о времени, причинах и обстоятельствах поселения в южных степях Саратовской губернии. Используя опрос как метод не только статистического, но и исторического исследования, Личков фактически реконструирует историю возникновения и развития общинных порядков, начиная с захватного пользования землей, завершая общинным владением ею, с разверсткой путем частных и коренных переделов между домохозяевами по душам, работникам и т.п.

Исследователь уделяет особое внимание установлению связи между продолжительностью существования захватного владения и временем поселения, между исчезновением «захвата» и увеличением населения в результате переселения и естественного прироста. От внимания Личкова не ускользнули «сложные» общины (в основе которых совместное владение землей нескольких поселений), которые рассматриваются как наследие захватного способа владения землей. В заключении он отмечает многообразие форм общинного землевладения на территории губернии, которое объясняет различной плотностью населения в различных ее уездах³⁵.

Заслуживают упоминания и относящиеся к данному периоду творчества выводы об отсутствии: исторической связи между круговой порукой и общиной — общинная форма землевладения не только появилась ранее круговой поруки, но и в своем современном состоянии может легко без нее обойтись³⁶; влияния этнографического фактора на установление общинных порядков в области землевладения, сделанный им на основе изучения общинных форм у немцев-колонистов Саратовского уезда («в колониях этих утвердились совершенно те же общинно-поземельные порядки, как и в русской общине», ... возникшие в ответ на

³⁵ См.: Личков Л.С. Заселение и история форм крестьянского землевладения южных степей саратовской губернии (По земско-статистическим исследованиям) // Земский обзор. 1885. № 8–9. С. 109–112; № 10. С. 133–137.

³⁶ См.: Личков Л.С. Круговая порука и общинное землевладение // Русская мысль. 1886. № 10. С. 21–39.

естественную «потребность каждого живого человека — иметь средство существования»³⁷).

С таким весьма внушительным интеллектуальным заделом в области изучения форм крестьянского землевладения исследователь подошел к началу нового этапа в истории исследовательского проекта изучения «живой истории» общины.

Производство знания. Исследование землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской губернии, осуществленное в 1887–1891 гг., принято относить к «земскому типу», имея в виду не только и не столько участие в нем земских статистиков, лишь временно причисленных к Министерству государственных имуществ и откомандированных в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири³⁸, сколько присущие ему характерные черты. Если первоначально земская статистика преследовала вполне конкретную фискальную цель — оценку объектов земского обложения, то к рассматриваемому нами времени она уже приняла характер общеэкономического изучения народного быта.

«Господствующим в земской статистике способом, в частности единственным, применявшимся в основных земских статистических исследованиях — земельно-хозяйственных переписях, сделался так называемый экспедиционный способ: устный опрос населения, по заранее выработанным формулярам»³⁹, разработка которых, и, прежде всего, пообщинного бланка, добавим, осуществлялась с опорой на вышеназванные программы для изучения земельной общины⁴⁰.

Патриотически («областнически») настроенная сибирская интеллигенция, группировавшаяся вокруг издававшегося Н.М. Ядринцевым «Восточного обозрения», увидела в «экспедиционном методе» лишь факт привлечения к исследованиям

³⁷ Личков Л.С. Еще к вопросу об общине // Юридический вестник. 1887. № 10. С. 219.

³⁸ См. переписку по этому вопросу между Департаментом общих дел министерства и Главным управлением Восточной Сибири (ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 66–68).

³⁹ Кауфман А.А. Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806–1917. Историко-критический очерк. М., 1922. С. 53.

⁴⁰ См.: ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 10–65.

«экскурсантов», отсутствие опоры на местные интеллектуальные силы, о чем красноречиво говорит одно только название помещенного в газете фельетона, встретившего появление информации о предстоящих работах — «В Сибирь, так в Сибирь! Или приключения цивилизаторов (из путевых очерков и картин)»⁴¹. Между тем, куда более важным представляется уже отмеченный нами выше факт использования статистиками метода устного опроса, общего для статистического, этнографического и исторического исследования, что позволило на практике осуществить их синтез.

Как и у этнографа, главной функцией статистика стало описание изучаемого им объекта — общины как общественного феномена, но не на основе лишь чувственного ее восприятия. Статистики попытались дать ответ не только на вопрос «как?», традиционный для этнографа, но и на вопросы «почему?» и «сколько?». Пускай даже эти «почему» и «сколько», применительно к познанию «живой истории» общины, призваны были продемонстрировать всего лишь причины и степень распространения тех или иных изменений в общинных порядках сибирской деревни в конкретный момент времени. Другими словами, статистики помимо функции сбора материала предприняли попытку его обобщения, систематизации, анализа и даже концептуаль-

⁴¹ Автор фельетона — Н.М. Ядринцев, скрывавшийся за псевдонимом «Добродушный Сибиряк», включил в число ехавших в Сибирь «чиновников для насаждения цивилизации», двух персонажей, имевших поручение «заняться исследованием крестьянского быта и собиранием подробных статистико-экономических сведений», для чего те собирались купить даже руководство, но по ошибке приобрели «роман для холостяков “Девушка Монтеспан” (Восточное обозрение. 1886. № 40. С. 12). Комичным фигурам «цивилизаторов» автором противопоставлены «русские люди, которые отдавали этой суровой стране лучшие силы свои, стремились помочь ей и клали камни ее будущему обновлению» (Там же. 1886. № 43. С. 13). Заметим, что этот выпад не остался без ответа. Газета «Сибирский вестник» (Томск) писала: «Придет время, наука разберется в этом деле, и каждому воздаст свое, отделив тружеников от крикунов» ... «современное же общество ... сумеет по достоинству оценить отношение своеобразных “патриотов своего отечества” к первой крупной попытке выяснить экономическое положение преобладающей части населения нашей окраины» (1887. 31 мая. С. 1). Впрочем, полемика между «областниками» и «центристами» будет сопровождать весь ход экспедиции.

ного осмысления⁴². Продemonстрировали статистики и первый опыт устно-исторического исследования.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении достоинств экспедиционного способа исследования (среди которых профессионализм участников и их беспристрастность, «одушевленность только исканием истины»⁴³ не вызывают сомнений) и вопроса достоверности полученных в его ходе статистических данных. Оценочный характер статистических описаний хорошо сознавался его организаторами: «по самому существу своему ... проводимая экспедиционным путем ... подворная перепись не может иметь характера ревизии и, как основанная на опросе, на разговоре, не может иметь документального значения»⁴⁴.

Хотя тот же Л.С. Личков настаивал на высокой степени достоверности сведений, получаемых при подворной переписи, производимой посредством опроса крестьян на миру, главным образом, благодаря наличию хорошо составленной программы такого опроса, а также предварительной подготовке статистиков⁴⁵. Тем более, что опрос производился в каждом селении на сходе, в присутствии всех или большинства домохозяев данного селения, что не только ускоряло процесс опроса, но и повышало достоверность информации, благодаря контролю со стороны участников.

В вопросе же о формах крестьянского землепользования и вовсе речь идет, о получении опросным путем, прежде всего, качественных характеристик, нежели количественных показателей⁴⁶. В

⁴² Поскольку имели место попытки вывести закономерности, изучая различия, инвариантность типов связей социальных явлений, встречающихся во всем мире и проходящих через всю историю, правильнее было бы говорить не об «этнографии», а об «антропологии».

⁴³ Осипов Н.О. Об организации земской статистики // Труды Императорского Вольного экономического общества. 1886. № 11. С. 317.

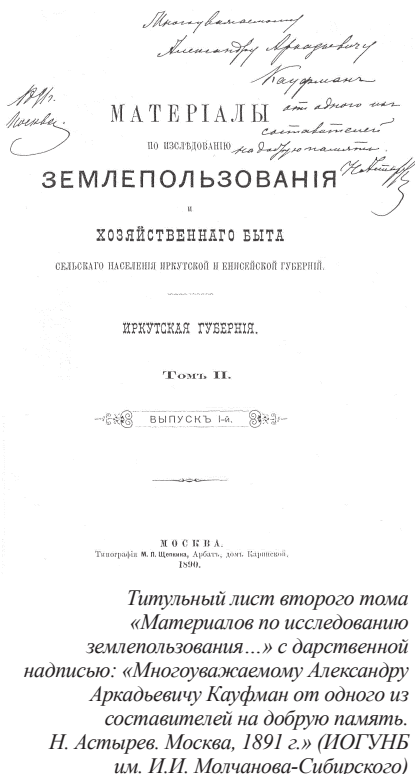
⁴⁴ ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т.1, л. 309 об.

⁴⁵ См.: Восточное обозрение. 1888. № 16-17. С. 7-8.

⁴⁶ Это подтверждают воспоминания некоторых непосредственных участников экспедиций: «Результатом собирания “статистических сведений по экономическому быту крестьян Западной Сибири” были цифровые данные весьма сомнительные, особенно относительно количества земель и скота и как бы не поднимали и не раздували значение этих цифр некоторые авторы многотомных “материалов”, но, искренне говоря, эти цифры неверны и дуты. Еще общие выводы по характеру землепользования, по системам сибирского земледелия, имеют значение, равно как и описание характера местности представляет некоторый интерес, но цифры!... Бог с ними!» (Соколов-Костромской П. Записки колонизатора Сибири. СПб., 1903. С. 84).

силу этого, исследование общинных порядков достаточно широко использовало материалы наиболее компетентных корреспондентов, пожелавших поучаствовать в общем деле⁴⁷.

Опросы в селениях Иркутской губернии были начаты в декабре 1887 и завершены к январю 1889 года, прерываясь лишь на время полевых земледельческих работ. Им предшествовал подготовительный период, взявший старт с момента приезда статистиков в Иркутск в августе 1887 г., посвященный знакомству с районом их будущей деятельности, главным образом, по печатным источникам статистико-экономической информации, составлению программ (по общинного бланка и подворной карточки), проведению пробного исследования одной пригородной волости Иркутского округа, а также выработке плана работ. До осени 1889 г. шла обработка собранных материалов. В конце того же года в Иркутске увидел

⁴⁷ Укажем, например, на факт участия в работах экспедиции известного иркутского писателя, публициста М.В. Загоскина, которому в феврале 1890 г. распоряжением генерал-губернатора за труды по исследованию быта сельского населения Иркутской губернии было выдано из средств экспедиции 100 р. (ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 409, 410). Работы Загоскина по изучению общинной формы хозяйственной организации подытожила статья «Одна из сибирских общин (селение Грановское)», опубликованная в «Памятной книжке Иркутской губернии на 1891 г.» (Иркутск, 1891). Впрочем, чаще лицам, оказавшим особенные услуги делу собирания статистических сведений) содействием в опросе местных жителей, предоставлении сведений об экономических условиях жизни сельского населения, в том числе в форме присылки ответов на вопросы рассылавшихся программ, от имени иркутского генерал-губернатора объявлялась благодарность, публиковавшаяся на страницах местного отдела «Иркутских губернских ведомостей».

свет первый том «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения...», содержащий таблицы. В 1890 г. уже в Москве были изданы пять выпусков второго тома, содержавшие и текстовую часть⁴⁸. В том же году исследование было перенесено на территорию Енисейской губернии⁴⁹.

Коллектив авторов, уже по самой природе своей работы, скорее тяготеет к дроблению, а не синтезу предмета. Поэтому, несомненным достоинством организации работ, отразившимся на результатах, стало их распределение между участниками полевых исследований не по территориальному (что было характерно для западносибирской экспедиции, начавшей свою работу годом ранее), а по предметному принципу. При этом каждый исследователь взял на себя по всему региону разработку материала по тем вопросам, в которых был наиболее компетентен и сведущ. В этом можно усмотреть реализацию давнего замысла Л.С. Личкова провести *«одновременное и параллельное исследование землевладельческих порядков [и] хозяйственно-экономических условий (их обусловивших. — Д.М.) в каждой отдельной данной местности*, потому что сопоставление друг с другом, хотя бы и одновременно, но в *разных* местностях собранных сведений обоих сортов, ... может привести к совершенно неправильным заключениям»⁵⁰ (курсив — Л.С. Личкова). Не удивительно, поэтому, что разработку вопроса о формах крестьянского землевладения Личков оставил за собой.

Не этот ли, однако, принцип проведения исследований и осуществленное распределение работ привели к первым разногласиям между статистиками?⁵¹ Слишком уж различались их представления о целях и задачах научного исследования. Вот как определял

⁴⁸ Шестой выпуск второго тома «Материалов...» по Иркутской губернии был издан в Иркутске в 1892 г.

⁴⁹ Подробнее см.: Астырев Н. Организация и ход статистических исследований в Восточной Сибири // Юридический вестник. 1890. Т. IV. Кн. 4. С. 664–682.

⁵⁰ Личков Л.С. Первые опыты по исследованию поземельной общины ... С. 54.

⁵¹ О существовании таковых свидетельствуют строки из письма Н.М. Астырева к В.Г. Короленко, датированного 5 февраля [1888 г.]. Рассказывая о ходе работ экспедиции, он писал: «Что-то в воздухе нависает мрачное; отчасти не совсем ладим мы между собою; отчасти — натягивается струна, связующая нас с графом (А.П. Игнатьевым. — Д.М.) » (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 135, р. II, п. 18, д. 19, л. 4).

свое кредо Н.М. Астырев: «...таково уж мое мировоззрение, что мне всегда бывает больно, когда я услышу, что какой-нибудь писатель или общественный деятель начинает увлекаться глиняными черепками доисторической эпохи; ...мне как практику, с головой ушедшему в насущные интересы окружающих (“голодно, холодно, темно!...”), просто непонятно, как это люди, доказавшие уже, что в них есть душа живая, могут предаваться смакованию десерта науки, когда вокруг них такая бездна человеческого горя, требующего непосредственного внимания и скорейшей помощи? Отсюда я переношу свое неодобрение также и на труды вообще очень почтенные, но не отвечающие на вопросы дня...»⁵². И хотя конкретным адресатом этой гневной отповеди был Н.М. Ядринцев и его окружение⁵³, под критику Астырева попадало и предпринятое Личковым (в этом мы еще получим возможность убедиться ниже) исследование форм крестьянского землевладения. Которое не только преследовало в большей мере научные, а не практические цели, но и в нарушение уже сложившихся в земских описаниях традиций претендовало на самостоятельное значение. Описанию общинных форм землевладения была посвящена самостоятельная глава (а не параграф, рассматривавший общинное владение в ряду с частным и крестьянским владением надельными землями), следовавшая непосредственно за главой «Землевладение», составленной Е.А. Смирновым.

Прежде чем обратиться к результатам, полученным Л.С. Личковым, обратим внимание еще на одно место «производства» знания, каковым выступила единственная научная институция Иркутска — Восточно-Сибирский отдел РГО.

⁵² Сибирский листок (Тобольск). 1891. 8 сент. (№ 69). С. 2.

⁵³ Еще раз сошлемся на воспоминания Г.Н. Потанина, утверждавшего, что с приездом в Иркутск статистической экспедиции, совпавшим по времени с переводом туда издания газеты «Восточное обозрение», сформировались и с неизбежностью столкнулись два течения — «областническое» и «централистическое». Во главе последнего встал Астырев. «Чем более обрисовывался ее (группы Астырева. — Д.М.) характер, тем яснее становилось, что Николай Мих. Ядринцев и Николай Михайлович Астырев принадлежали к двум различным типам, между которыми не могло быть согласия. У них различные дороги, различные средства, различные цели... В глазах молодежи Астырев рисовался как человек, готовый на самопожертвование ради идеи, Ядринцев, по сравнению с Астыревым, представлялся сибаритом» (Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1915. 6 февр. С. 2).

Как отмечал в своем «Очерке статистических работ в Азиатской России за последние 50 лет, произведенных при содействии Императорского Русского Географического Общества и его отделов» чиновник по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе (а впоследствии известный отечественный историк) А.А. Корнилов, «работы ... статистиков, хотя и были предприняты совершенно независимо от Императорского Географического Общества и его отделов, тем не менее отозвались на жизни и деятельности этих последних, особенно Восточно-Сибирского Отдела, самым чувствительным образом, породив целый ряд рефератов, докладов и споров, внесших настоящее оживление в серенькую жизнь статистической секции Восточно-Сибирского отдела»⁵⁴.

Л.С. Личков, Н.М. Астырев и Е.А. Смирнов вскоре после своего приезда в Иркутск (7 декабря 1887 г.) были избраны членами Восточно-Сибирского отдела РГО⁵⁵. А Астырев, как уже отмечалось, в марте следующего года возглавил его статистическую секцию. Однако этому событию предшествовали изменения в жизни отдела, заслуживающие упоминания в контексте нашего исследования. В самом начале 1888 г. Распорядительный комитет отдела выступил с инициативой образования в его рамках секций по основным направлениям деятельности, каковые уже существовали в «головной» организации. Образование секций, по замыслу авторов проекта (среди которых был председатель отдела — Г.Н. Потанин), должно было активизировать деятельность отдела и его членов («усилить ученую производительность отдела»), инициировать чтение в секциях научных докладов и их обсуждение («провести в общее сознание наибольшее количество отдельных мнений»).

В разосланном в адрес членов отдела письме, текст которого был воспроизведен газетой «Восточное обозрение», говорилось: «... число трудящихся на пользу науки и любителей знания в Иркутске увеличилось и порядок публичных сношений отдела... перестал удовлетворять потребности общения между членами»⁵⁶. В редакционном же комментарии подчеркивалась связь этого шага Распорядительного комитета с процессами дифференциации и

⁵⁴ Известия ВСОИРГО. 1896. Т. XXVII. № 1. Иркутск, 1897. С. 95.

⁵⁵ См.: там же. 1888. Т. XIX. № 1. С. 52.

⁵⁶ Восточное обозрение. 1888. 17 янв. (№ 2). С. 4.

специализации научного знания, выражалась надежда на повышение качества производимых отделом работ.

Докладам и рефератам участников экспедиции⁵⁷ довелось, фактически, открыть новый этап в публичной жизни отдела, установить высокую планку обсуждения как статистических, так и этнографических и даже исторических тем. Хотя Л.С. Личкову не удалось убедить членов отдела объединить статистическую и этнографическую секции (поскольку последнюю возглавил Н.М. Ядринцев в этом можно усмотреть продолжение «идеологического» противостояния его и Н.М. Астырева), было поддержано предложение, содержащееся в его письме на имя председателя этнографического отделения: «по тесной связи между явлениями хозяйственно-экономической жизни населения с формами его землевладения, не является ли необходимость доклады о формах землевладения читать в соединенных заседаниях секции этнографической и статистической?»⁵⁸.

Выступить с данной инициативой Личкова побудили результаты состоявшегося 8 марта 1888 г. в этнографической секции обсуждения сообщения известного иркутского краеведа В.В. Птицына «О Тамирской сельской общине», в котором он принял самое активное участие. Основным изъяном в целом интересного доклада,

⁵⁷ Среди таковых назовем, прежде всего, сообщение «Значение и современное состояние статистики», сделанное Н.М. Астыревым на Общем собрании отдела 7 января 1888 г. (см.: Известия ВСОИРГО. 1888. Т. XIX. № 2. Иркутск, 1888. С. 34–35), в заключении которого докладчик познакомил собравшихся с организацией статистических работ в Восточной Сибири (текст выступления был опубликован редакцией томской газеты «Сибирский листок» в виде отдельной брошюры (Астырев Н. Значение и современное состояние статистики. Томск, 1888. — 9 с.). Отметим также реферат «К вопросу о ценности данных, получаемых подворною переписью», прочитанный Л.С. Личковым на заседании секции статистики 9 апреля 1888 г. (см.: Известия ВСОИРГО. 1888. Т. XIX. № 3. Иркутск, 1888). Эти и другие сообщения вызывали не только вполне понятный интерес, но и далеко не беспристрастные суждения о них слушателей. Чего стоят только записи в дневнике, сделанные по горячим следам выступлений одним из активнейших деятелей ВСОИРГО на поприще статистики В.И. Вагиным: «Эти господа всегда и во всем стараются играть роль, хотя бы для этого приходится делать из мухи слона». Или: «Эти господа приезжие воображают, что они-то и есть святильники, стоящие на горе, и что все должны перед ними преклоняться» (Цит. по: Базалийская О.Т. ВСОИРГО: взгляд изнутри (страницы дневника В.И. Вагина) // Сибирский архив: Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарии. Научно-популярный историко-краеведческий сборник. Вып. 3. Иркутск, 2002. С.108, 109).

⁵⁸ Известия ВСОИРГО. 1888. Т. XIX. № 3. Иркутск, 1888. С. 87.

статистик считал использование краеведом для сбора сведений программы ВЭО. Последняя же не содержит вопросов, позволяющих установить влияние экономических условий на изменение форм крестьянского (общинного) землевладения, в то время как связь эта «...настолько сильна, что в исследованиях вопросов, касающихся общины, чрезвычайно трудно отделить экономическую сторону от бытовой»⁵⁹. А потому, экономика (статистика) и этнография должны следовать в деле познания общинных порядков рука об руку.

Следует обратить внимание и на тот, о многом говорящий факт, что первое заседание только что образованного отделения статистики было посвящено заслушиванию и обсуждению доклада А.А. Ионина «Материалы к вопросу об экономическом положении населения Якутской области в XVII веке», имевшего целью продемонстрировать собравшимся «...какие важные историко-экономические данные об Якутской области заключаются в свитках, принадлежащих ... Отделу»⁶⁰. Как видим, в силу отсутствия в отделе подразделения, координировавшего исследование гуманитарной направленности, его функции не без успеха выполняла статистическая секция.

Вот и подготовленную Л.С. Личковым для «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения...» главу «Формы крестьянского и инородческого землевладения» следует рассматривать как пример успешного синтеза экономического, этнографического и исторического знания.

Как и в предшествующих работах Личков начинает свое повествование с описания картины происхождения начальной ступени развития форм крестьянского землевладения («захватно-родовой»), полученной единственно доступным ему методом устной истории, «по рассказам стариков», приведенным теми «...фактам образования различных выселков и заимок и, наконец, по аналогии с формами захвата, ныне практикуемыми... Два-три примера, взятые наудачу, выяснят, как происходил этот захват “на памяти дедов и стариков”»⁶¹.

⁵⁹ Известия ВСОИРГО. 1888. Т. XIX. № 3. Иркутск, 1888. С. 85.

⁶⁰ Там же. С. 95.

⁶¹ Личков Л.С. Формы крестьянского и инородческого землевладения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 3. М., 1890. С. 115.

Поскольку заселение края производилось не одновременно и условия, в которые попадали переселенцы, были различны, как различаются и современные условия ведения хозяйственной деятельности, «...совершенно невозможно проследить историю постепенного, последовательного развития тех изменений, какие с течением времени происходили в чистой форме захватно-родового землевладения. Представляется лишь возможным констатировать происшедшие уже изменения, ...уяснить их причины и значение и указать относительную степень распространенности тех или других изменений в данный момент в различных общинах»⁶².

Именно в наблюдении исторических изменений как этнографических явлений, а точнее, превращении недоступных последовательному наблюдению изменений в пространственные моменты, видел Личков задачу изучения «живой истории» общины. Если бы существовала возможность проследить эти изменения во времени, «...то перед глазами исследователя прошло бы, вероятно, весьма много фактов этого рода, тогда как если изучать распространенность этих переходных явлений за каждый данный момент, — их, без сомнения, найдется сравнительно немного»⁶³. Большинство изменений происходит «не оставляя часто по себе следов». От словесного решения той или иной общины, неоднократно указывает исследователь, «не осталось и следа».

Наибольший интерес исследователь проявил к «захватно-родовому» владению землей. И прежде всего потому, что долгое время в литературе господствовала точка зрения, отрицавшая существование общинного землепользования в Сибири и настаивавшая на широком (за исключением густонаселенных районов) распространении индивидуальной земельной собственности, являющейся, в известной степени, «порождением» именно первоначального «захватно-родового» владения землей.

Кроме того, именно в этой форме хозяйственной организации исследователь небезосновательно усматривал корни всех последующих изменений в общинных порядках. Поэтому он рассматривает «характерные черты захватно-родового владения

⁶² Личков Л.С. Формы крестьянского и инородческого землевладения... С. 135.

⁶³ Там же. С. 164.

в его чистом виде», а затем на основании собранных материалов выясняет как под воздействием меняющихся условий жизни населения (увеличивающейся в результате роста численности населения нужде в земле), меняются и эти черты, нарушается «равновесие взаимоотношений отдельных членов общины» и «отношения междуобщинные». Появляющиеся и усиливающиеся споры из-за земли, случаи самовольного запахивания меж, нарушения земельных прав разрушают чистую форму «захватно-родового» владения, приводят к увеличению прав «мира», в ущерб правам отдельных его членов.

Страницы, посвященные Л.С. Личковым «захватно-родовой» форме владения землей, предоставляют, кроме всего, уникальную возможность наблюдать за выработкой понятийного аппарата науки, который впоследствии будет не только использован другими хозяйственно-статистическими исследованиями, но и востребован этнографией и исторической наукой. Для характеристики первоначальной формы владения исследователь сконструировал, например, понятие «захватно-родового владения землей» используя слова «захват» и «родовое владение» как «весьма употребительные среди местного сельского населения» и точно отражающие отношения, складывающиеся в процессе вольного заселения края, изобилующего свободными землями⁶⁴.

Несло это понятие и отпечаток оригинальной трактовки автором природы захватно-родового владения землей как формы землевладения общинного. «Захватно-родовое владение, — подчеркивает исследователь, — как это могло бы показаться на первый взгляд, отнюдь не исключает существования права мира быть владельцем и распорядителем земель, разрабатываемых и утилизируемых его отдельными членами; иными словами, *не исключает возможности существования общинной формы землевладения*»⁶⁵ (курсив Л.С. Личкова. — Д.М.). Опираясь на материалы опросов, Личков пытается доказать, что уже с момента возникновения захватно-родовое владение несет в себе свойства, харак-

⁶⁴ См.: Личков Л.С. Формы крестьянского и инородческого землевладения... С. 115.

⁶⁵ Там же. С. 122.

терные для общинного землевладения, препятствуя, например, переходу своих земель в другие, как он пишет, «чужие» руки.

Подводя итог своего исследования, статистик констатирует факт существования на большей территории Иркутской губернии преимущественно переходных к общинным форм землевладения, настойчиво включая в их число и захватно-родовое: «Вообще же, захватно-родовое землевладение переживает здесь в настоящее время переходный момент своего существования и, вследствие различия во времени возникновения разных общин, а также и чрезвычайного разнообразия условий, в каких они жили с момента своего возникновения, современное захватно-родовое владение исследованного района являет ... чрезвычайное разнообразие форм своего существования»⁶⁶.

В шестом выпуске второго тома «Материалов...», посвященном описанию Верхотурского округа Иркутской губернии, статистик публикует главу «Формы землевладения», в которой вопреки более широкому названию вновь сосредоточивает внимание на тех изменениях, что происходят с захватно-родовой формой крестьянского землевладения. Его научный интерес прикован к «исключениям из правил» захватного владения пашнями, демонстрирующими механизмы нарушения захватно-родовых начал правами мира (общины) распоряжаться земельными угодьями. Начиная с чисто формальных отводов земли, лишь санкционирующих и утверждающих произведенный захват, и завершая теми, что распространяются на земли уже принадлежащие отдельным хозяевам⁶⁷.

Именно эта часть исследований Л.С. Личкова (в том числе и термин, предложенный им) будет подвергнута самой ожесточенной критике за стремление любыми способами скрыть факт первоначального господства «захватной», «займочной» частной собственности; доказать, что смысл истории развития форм землепользования в Сибири заключался в победе общин-

⁶⁶ Личков Л.С. Формы крестьянского и инородческого землевладения... С. 256.

⁶⁷ См.: Личков Л.С. Формы землевладения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. 2. Вып. 6. Иркутск, 1892. С. 94–95.

ного начала над личным⁶⁸. Но именно ее исследователь сочтет необходимым довести до сведения как можно более широкой аудитории, используя для этой цели страницы газеты «Восточное обозрение»⁶⁹.

Личков отводил периодическим изданиям важную роль в деле распространения результатов исследования, резонно полагая, что печать «должна дать веский отзыв об этом труде», «указывать неизбежные недостатки и вероятные достоинства работы». Пр процитированные выражения содержатся в письме, адресованном статистиком Е.В. Васильеву — правителю канцелярии иркутского генерал-губернатора — задолго до окончания работ. Уже в ноябре 1888 г. он, определяя тираж будущего издания материалов экспедиции, составил список учреждений, в адрес которых надлежало отправить экземпляры. В нем заметно преобладание научных и образовательных институций. Из 250 не предназначавшихся для продажи экземпляров почти две трети

⁶⁸ Марксистская историография уравнивает, в этом смысле, «народника» Личкова и представителя «буржуазного» направления Кауфмана, критикуя и того и другого за чрезмерное внимание к проблемам эволюции форм крестьянского землепользования (т.е., фактически, к проблемам хозяйственной истории) и игнорирование социально-политических аспектов экономического развития страны (см.: Шейнфельд М.Б. Социально-экономические исследования сибирской деревни А.А. Кауфмана // Из истории Сибири. Вып. 5. Красноярск, 1971. С. 71–72).

⁶⁹ Статья «Захватно-родовое владение землей и община» была опубликована в «Восточном обозрении» (1891. № 28. С. 1–3) без подписи. Но поскольку она практически дословно излагает содержание части седьмой главы «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта населения Иркутской и Енисейской губерний» можно, не боясь ошибиться, назвать ее автором Л.С. Личкова. Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях отчасти объяснил причину отсутствия подписи под статьей: «Из статистиков только один Личков принял участие (в газете. — Д.М.), но и тот, поместив две-три статьи, в газете более не появлялся, отчасти вследствие препятствий, которые он встречал со стороны генерал-губернатора Игнатьева, когда попробовал воспользоваться данными подворной переписи, во главе которой стоял, отчасти — под давлением своих товарищей» (Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1915. 17 февр. С. 3). «Восточное обозрение», хотя и регулярно знакомила читателей с ходом работ, помимо упомянутой статьи лишь однажды обратилась к ее результатам опубликовав в пяти номерах статью «Итоги сельской статистики» (1891. № 46, 47, 50, 51, 52), ограничившись «только ознакомлением читателей с теми выводами, к каким пришли исследователи..., предоставляя самим читателям изучить по самому изданию все данные, которые привели к тем или другим выводам», высказав при этом опасение, что «капитальный этот труд найдет не много читателей в самой даже Сибири» (Восточное обозрение. 1891. № 46. С. 10).

надлежало, на его взгляд, разослать: во все сибирские губернские статистические комитеты; ученые общества (РГО и его отделения, ВЭО, Московское юридическое, сельскохозяйственные, этнографические и т.п.); в редакции местных и ведущих столичных газет и журналов; в Императорскую публичную библиотеку, в Московскую «румянцевскую», а также во все университетские и других высших учебных заведений библиотеки, общественные библиотеки крупнейших сибирских городов; в средние учебные заведения сибирских городов. В этот перечень, вне всяких сомнений, можно включить и авторские экземпляры, «...принимая во внимание необходимость рассылки знакомым статистикам, профессорам, публицистам и пр.»⁷⁰.

Приоритету научных целей и задач экспедиции, ясно просматривавшемуся в деятельности Л.С. Личкова, откровенно противостоял «утилитаризм» Н.М. Астырева. Покинувший Иркутск в сентябре 1889 г. по семейным обстоятельствам и возложивший на себя обязанности по наблюдению за печатанием выпусков второго тома «Материалов...» в Москве, он в своем письме А.А. Кауфману (скорее как чиновнику Министерства государственных имуществ, нежели ученому-исследователю) выражал надежду, что после их выхода в свет «...“сферы” (чиновничьи. — Д.М.) отнесутся несколько внимательнее к сибирским исследованиям, ибо убедятся, что подобные исследования нужны не только науке, но и практику-администратору»⁷¹.

В другом своем письме Астырев не только и не столько солидаризировался с критикой Кауфманом построений Личкова, прозвучавших со страниц журнала «Северный вестник», сколько в очередной раз продемонстрировал неприятие научной компоненты хозяйственно-статистических исследований в целом. «Относительно Ваших возражений Личкову по поводу «захв[атно] родов[ого] и проч. — можно сказать и так, и этак; сам я склоняюсь к тому, что говорите Вы: никаких общ[инных] начал при заселении страны колонисты, конечно, не питали, и эти начала

⁷⁰ ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 1, л. 66 об.

⁷¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5101, оп. 1, д. 24, л. 10 (письмо Н.М. Астырева к А.А. Кауфману от 6 августа 1891 г.).

развились впоследствии только. Но это считаю не самым существенным пунктом для статист[ической] работы: этим пусть занимаются социологи, а нам бы своими делами управиться, и то бы в пору; а Личков затратил массу труда совсем не производительно и требует от читателя такого труда читать его невозможно длинное, растянутое и сбивчивое изложение. Вот на этот пункт Вы мало обратили внимания!»⁷²

Упомянутая выше статья А.А. Кауфмана, опубликованная в трех номерах «Северного вестника»⁷³ и посвященная в большей своей части изложению для широкой аудитории результатов восточносибирской экспедиции, интересна нам в другом отношении. Высоко оценив организацию работ, предметный принцип разработки материалов, а также в целом полученные результаты как «чрезвычайно ценный вклад в науку изучения нашего отечества», Кауфман отнес к числу «самых слабых мест» исследования именно главу о формах крестьянского землевладения, написанную Личковым⁷⁴. И отнюдь не за трактовку Личковым захватно-родового владения как землевладения общинного, поскольку прекрасно сознавал, что община в обследованном регионе существует только в зародыше. Границы ее, порой, неуловимы, и в плоть и кровь она облекается лишь там, где появляется душевое пользование земель. А потому, фактически поддержал вывод оппонента о подвижности захватно-родовой формы землевладения, ее переходном к общинным формам состоянии.

Причина неприятия построений коллеги кроется, на наш взгляд, в борьбе за признание приоритета в постановке задач изучения «живой истории» общины и уже полученных на этом пути результатов за западносибирской экспедицией. В том числе и самим Кауфманом, разрабатывавшим те же вопросы: на момент появления в печати этой статьи еще продолжали публиковаться материалы тобольской и не появлялись из печати томской экспе-

⁷² ГАРФ, ф. 5101, оп. 1, д. 24, л. 16 (письмо Н.М. Астырева к А.А. Кауфману от 6 ноября 1891 г.).

⁷³ См.: А.А.К. [Кауфман А.А.] Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губернии // Северный вестник. 1891. № 8. С. 24–42; № 9. С. 28–41; № 10. С. 39–63.

⁷⁴ См.: там же. № 10. С. 39–40.

диции (в которых он принимал участие), тогда как «иркутские» тома были уже изданы⁷⁵. Поэтому далеко не случайно А.А. Кауфман по ходу изложения неоднократно подчеркивает, что Личков пришел в ходе своих наблюдений к тем же выводам, к каким пришли западносибирские исследования, т.е. он сам⁷⁶.

Еще более наглядно свидетельствует об этом текст доклада «Организация и главнейшие выводы хозяйственно-статистического исследования Иркутской и Енисейской губерний», прочитанного А.А. Кауфманом в статистическом отделении Московского юридического общества 13 января 1894 г. Свой рассказ о первоначальных формах землевладения он иллюстрирует обширной цитатой, но не из соответствующей главы давно увидевших свет иркутских «Материалов...», а из служебной записки ... «близко стоявшего к делу», «почтенного Е.А. Смирнова», выстраивая затем весьма замысловатую цепочку доказательств своего приоритета. «Я позволю себе обратить внимание только на то обстоятельство, что схема перехода от захватно-наследственного к душевому владению, набросанная в последних строках прочтенной мною выдержки, вполне совпадает ... с тою схемою ..., которую я пытался построить в одной моей недавней статье. Это совпадение для меня тем более отрадno, что записка, которую я цитировал, была написана до выхода в свет моей ста-

⁷⁵ Восточно- и западносибирским «Материалам...» довелось «встретиться» на страницах библиографического отдела одного их номеров журнала «Русская мысль» и весьма примечательным представляется нам тот факт, что лишь разбор первых их них наводит рецензента на мысль о сибирском хозяйстве, как «живом архиве документов», изучение которого представляет колоссальный научный интерес, независимо от тех практических целей, какие ставила перед собой восточносибирская хозяйственно-статистическая экспедиция (см.: Русская мысль. 1892. № 5. С. 217–218).

⁷⁶ В этой связи стоит отметить, что в автобиографии, составленной много позже описываемых событий для биобиблиографического словаря С.А. Венгрова, А.А. Кауфман признавал, что его обращение к проблемам крестьянского землевладения и землепользования было обусловлено случайностью, «счастливым стечением обстоятельств». Более того, «с работами уже кое-что сделавшей к тому времени земской статистики К[ауфман] в то время (к маю 1887 г., к моменту включения в состав западносибирской экспедиции. — Д.М.) не был знаком, и лишь по указаниям В.И. Семевского прочел несколько книг по крестьянскому землевладению и хозяйству» (Автобиография А.А. Кауфмана // Вестник статистики. 1921. № 5–8. С. 262).

ты, я же написал эту последнюю почти годом раньше, нежели была написана записка»⁷⁷.

Впрочем, критика в адрес раздела, автором которой выступил Л.С. Личков, не помешала А.А. Кауфману дать благоприятный отзыв об исследовании в целом для комиссии по присуждению медалей отделения статистики РГО. Его вывод, что «работа была отлично выполнена и дала, как с научной, так и с практической точки зрения, богатейшие результаты, которые ...надолго останутся одним из лучших украшений нашей статистической литературы»⁷⁸, послужил основанием присуждения этому труду в 1893 г. большой золотой медали по отделению статистики Русского географического общества⁷⁹. Двумя годами ранее и сам Кауфман был удостоен подобной награды, что закрепило за ним приоритет в изучении «живой истории» сибирской общины, ибо в отзыве, на основании которого и состоялось представление к награде, утверждалось, что составленный соискателем очерк общинного строя «проливает много света на историю развития форм землепользования вообще»⁸⁰.

⁷⁷ А.А. Кауфман отчасти объяснил свое стремление подчеркнуть заслуги Е.А. Смирнова в деле изучения сибирской общины. В письме А.А. Корнилову сетуя на недостойное поведение Смирнова, стремящегося отстранить его от дел в министерстве государственных имуществ, Кауфман напоминает не только о своем содействии переводу последнего в это ведомство, но и о шагах, направленных на то, «чтобы доставить ему то положение (конечно, я имею в виду не официальное положение», которое он там занял (ГАРФ, ф. 5102, оп. 1, д. 589, л. 7–7об (письмо А.А. Кауфмана к А.А. Корнилову от 18 июля 1897 г.). Однако только этой причиной невозможно объяснить замалчивание работ Личкова.

⁷⁸ Отзыв А.А. Кауфмана об исследованиях землепользования и хозяйственного быта государственных крестьян и инородцев Иркутской и Енисейской губерний // Отчет Императорского русского географического общества за 1893 год. СПб., 1894. С. 26. Заметим, что Кауфман считал работу достойной и высшей награды Общества — Константиновской медали, которой, однако, награждались лишь труды, «носящие имя автора», тогда как «Материалы...» являлись продуктом коллективного труда.

⁷⁹ Не имея возможности установить индивидуальный вклад каждого участника исследований в конечный результат, Совет РГО принял решение выразить каждому из участников труда отзыв о его значении и научной ценности. В отзыве, направленном Л.С. Личкову и подписанном вице-председателем РГО П.П. Семеновым, в частности говорилось: «...заслуги Ваши как одного из составителей программы исследований и его руководителя, а также редактора интересных глав коллективного труда ... ставят Вас, безусловно, в первый ряд деятелей по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской губернии» (цит. по копии документа, любезно предоставленной автору О.Б. Личковой. См. также: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 111, л. 67).

⁸⁰ Отзыв Д.П. Семенова о труде А.А. Кауфмана «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» // Отчет Императорского русского географического общества за 1891 год. СПб., 1892. С. 31.

Деятельность А.А. Кауфмана по пропаганде материалов восточносибирской экспедиции⁸¹, содействие признанию ее результатов большой наукой, не осталась незамеченной. В 1895 г., без какого-либо ходатайства с его стороны, по инициативе Восточно-Сибирского отдела РГО он был избран в действительные его члены, в чем усматривал для себя «особую честь — знак внимания к ...трудам по исследованию Сибири и популяризации относящихся до последней статистических работ»⁸². Неоднократно публиковал свои материалы в Иркутске, как отдельными изданиями, так и на страницах «Известий ВСОИРГО», газеты «Восточное обозрение», «Сибирского сборника». Благодаря активной научной и публицистической деятельности именно за А.А. Кауфманом общественное мнение закрепило славу первооткрывателя общины в Сибири⁸³.

Другая судьба была уготована «сибирским» работам Л.С. Личкова, о которых спустя много лет после отъезда из Сибири он, заполняя анкету научного работника, также писал, что они «выяснили ни для кого еще не известное существование общинного землевладения у русского населения и даже инородцев. Это

⁸¹ Помимо уже названных отнесем к ним статью «Новые труды по исследованию крестьянства в Сибири», опубликованную в «Сибирском сборнике» (СПб., 1892. Кн. 2. С. 106–126) и совершенно необоснованно приписываемую библиографией А.А. Корнилову вследствие неправильно раскрытого криптонима (См.: Приложение к газете «Восточное обозрение» («Литературный сборник», «Сибирский сборник»): Указатель содержания / Сост. Н.И. Кондратьев. Иркутск, 1974. С. 24, 44).

⁸² ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 163, л. 8–9.

⁸³ Так, например, иркутский краевед и летописец Н.С. Романов снабдил свои записи, относящиеся к январю 1908 г. и сообщающие о кончине в Петербурге присяжного поверенного Иркутской судебной палаты С.И. Кауфмана, примечанием: «Это не он нашел общину в Забайкалье?». Необходимость в уточнении была вызвана, очевидно, тем, что имя Кауфмана, но только Александра Аркадьевича, уже встречалось на страницах летописи: 9 сентября 1901 г. она зафиксировала прибытие в Иркутск «...известного исследователя быта крестьян Тобольской и Томской губерний, едущего из г. Благовещенска, куда он был командирован Министерством земледелия для ознакомления с делом заготовления переселенческих участков», опубликовавшего за год до этого в Иркутске свое исследование «Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье...» (Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Сост., предисл. и прим. Н.В. Куликауска. Иркутск, 1993. С. 465), в котором, как и в случае с восточносибирской экспедицией, лишь обобщил и сделал доступными для широкой аудитории материалы, полученные другими исследователями. Обычной практикой даже в Сибири (на страницах газет или в публичных выступлениях) станет изложение хода и результатов хозяйственно-статистических экспедиций со ссылкой не на первоисточник, а на многочисленные обобщающие работы А.А. Кауфмана (см., например, Богдановский А.Е. Сибирская община и ее роль в политико-экономическом отношении // Сибирский листок (Тобольск). 1898. № 14, 15; То же. Отд. отд. (Тобольск, 1898. — 22 с.).

было открытие»⁸⁴. Такая же участь — быть преданными забвению — постигла и работы, написанные на основе собранных в Сибири материалов. Опубликованные в малотиражных изданиях научного общества, интересы которого лежали далеко от сибирской проблематики, они остались, фактически, незамеченными, как большой наукой, так и местными сибирскими исследователями⁸⁵. Между тем, работы эти представляют немалый интерес как попытка ученого систематизировать ранее полученное знание.

Систематизация знания. Еще летом 1890 г. Л.С. Личков получил приглашение от А.П. Игнатьева, незадолго до этого ставшего генерал-губернатором Юго-Западного края, переехать в Киев с целью изучения форм землевладения на Украине⁸⁶. Но только на исходе 1891 г. состоялся его перевод, в результате чего экспедицию по обследованию Енисейской губернии возглавили М.М. Дубенский, А.Н. Козлов и А.Н. Ушаков, ранее рядовые ее сотрудики⁸⁷.

⁸⁴ Цит. по копии документа, предоставленной автору О.Б. Личковой. Судя по тексту, анкета была заполнена Личковым в 1933 г.

⁸⁵ Более того, Личкова считали умершим задолго до того, как это произошло. Об этом, в частности, писал в своих воспоминаниях Г.Н. Потанин (См.: Потанин Г. Воспоминания // Сибирская жизнь. 1915. 18 янв. С. 3). Л.С. Личков умер в оккупированном немцами Киеве 24 февраля 1943 г. (Личков Б.Л. Памяти Л.С. Личкова... С. 57).

⁸⁶ Переписку по этому вопросу см.: ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 3, л. 200, 205, 216.

⁸⁷ Л.С. Личков хотя и рассматривал работу в Енисейской губернии как самостоятельную, не без оснований полагал, что «...все однородное с Иркутской губ. отнюдь не будет вновь подробно описываться, так как подобные описания легко могут быть при каждом удобном случае заменены ссылками на работу по Иркутской губ., и при том по возможности описание будет вестись сравнительно с Иркутской губ., чтобы легче выяснялись общие и своеобразные черты экономического быта населения обеих губерний. Такой прием дает некоторое право смотреть на труд в Енисейской губернии как на продолжение — если не дополнение — работы по Иркутской губ., т.е. между ними будет установлена возможная связь» (ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 621, т. 3, л. 227 об). Надеждам Личкова не суждено было сбыться, по крайней мере, в той части работы, что касалась форм крестьянского землевладения. Ее автор — Михаил Маркович Дубенский, окончивший курс Новороссийского университета кандидатом прав и работавший в земской статистике Орловской и Саратовской губерний, — избрав предметом своего изучения обычно-правовые институты, попытался дать характеристику форм землевладения с точки зрения определяющих их норм обычного права, т.е. использовал «юридический» подход, против господства которого в хозяйственно-статистических исследованиях выступал Личков (см.: Дубенский М.М. Формы землевладения // Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 3. Иркутск, 1894. С.135).

В 1892 г. Л.С. Личков переехал в Киев, где возглавил отделение по крестьянским делам канцелярии киевского, подольского и во-лынського генерал-губернатора. В нашу задачу не входит рассмотрение его деятельности на этом посту, как и последующих перипетий его жизненного пути. Обратим внимание лишь на факты, имеющие непосредственное отношение к теме исследования.

Уже в январе 1893 г. Личков становится действительным членом Исторического общества Нестора-летописца при Университете Св. Владимира, где близко сходитя с известным историком, профессором И.В. Лучицким (членом совета Общества). Как отмечает Б.Л. Личков, это сближение стало результатом общего интереса к проблемам истории общины: «когда приехал в Киев Л.С. Личков, И.В. Лучицкий был чрезвычайно заинтересован его открытиями по истории общины в Сибири и они нашли много созвучных мотивов между прошлым Украины и живой творящейся историей землевладения Сибири и ее земельной общины»⁸⁸.

Думается, что внимание к собственным оригинальным построениям в области «живой истории» общины со стороны столь авторитетного ученого-историка поощрили Л.С. Личкова не просто к ряду публичных выступлений с изложением уже хорошо известного по публикациям материала, но к стремлению сделать его интересным и полезным для академической аудитории профессиональных историков и любителей прошлого. Ибо в отличие от Иркутска, уже не доклады, посвященные истории, выносились на

⁸⁸ Личков Б.Л. Памяти Л.С. Личкова... С. 37. Стоит отметить, что подобно участникам восточносибирской экспедиции Лучицкому довелось столкнуться с отрицанием факта существования общины в Украине. Исследования по экономической истории и конкретно форм землевладения левобережной Украины по сохранившимся архивным данным привели историка к сформулированному в ряде работ выводу о существовании земельной общины, чем опровергалась едва ли не общепринятая точка зрения об индивидуализме землевладения, как характерной особенности украинского народа. Немалую роль в системе своих доказательств ученый отводил институту переживаний: «Учитывая, что община ... сохранилась на Украине не только в пережитках, но и в живой практике, Лучицкий в течение четырех лет наблюдал жизнь крестьян ряда сел Золотоношского и Переяславского уездов. Особенно высоко он ценил сообщения старожилов, внимательно изучал многочисленные судебные конфликты, связанные с борьбой крестьян за общинные земли и др.» (Лаптин П.Ф. Проблемы общины в трудах И.В. Лучицкого // Средние века: Сб. Вып. 23. М., 1963. С. 219).

суд далекой от этих проблем аудитории, а наоборот, привлечь внимание историков к далекому региону надлежало не специалисту.

Поэтому, далеко не случайно Личков избирает темой своего первого выступления, состоявшегося в заседании Общества 28 ноября 1893 г., отнюдь не эволюцию форм крестьянского землевладения, а историю заселения Сибири. Содержание этого доклада интересно не только и не столько конкретными фактами, в нем приводимыми (они касаются Енисейской губернии), сколько рассказом о новом для исторической науки методе их получения — методе устной истории, активно использовавшемся статистиками в ходе изучения крестьянской общины в Сибири, но еще не вошедшем в арсенал исторической науки.

В утвержденную программу исследований вопросы истории не входили, но необходимость бывать в каждом, самом незначительном, населенном пункте и вступать в беседу с местным населением, предоставила возможность попутно, «почти не увеличивая времени на производство исследования..., собирать от того же населения и сведения о времени его поселения, об истории основания селений и обстоятельствах его сопровождавших»⁸⁹. При этом статистик особо подчеркивает общность способа получения исторической и статистической информации — опрос, в данном случае, преимущественно «стариков и дедов», знакомство с преданиями, сохранившимися в памяти местного населения.

Останавливается он и на проблеме достоверности исторических сведений, полученных методом опроса. Сравнение добытых таким путем данных о времени заселения двух районов с информацией, почерпнутой из случайно сохранившихся архивных документов, убедило исследователя в том, что «пользоваться сведениями, собранными от жителей распросным путем, вполне допустимо и возможно при необходимой осторожности в обращении с ними, так как распросные сведения, в общем, незначительно отличаются от архивных...»⁹⁰.

Историки, привыкшие разрабатывать историю на основе сохранившихся в архивах документальных источников, счи-

⁸⁹ Личков Л.С. Новые данные по истории заселения Сибири // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX.. Киев, 1895. С. 76.

⁹⁰ Там же. С. 79.

тал Л.С. Личков, напрасно недооценивают информацию, содержащуюся в устных преданиях. Отношения собственности, зафиксированные в коллективной памяти общины, оставляют крайне мало следов на бумаге. Тем более что в архивах окладываются, главным образом, официальные документы, проливающие свет, в лучшем случае, на «внешнюю сторону» истории этих отношений. Реконструировать же историю «внутренней жизни» можно иногда исключительно по данным устной истории. Способны они и «восполнить брешь», образовавшуюся в результате гибели архивных материалов вследствие хищений и пожаров.

В заключение своего доклада статистик подчеркнул особую актуальность сведений, получаемых методом устной истории, для будущих историков Сибири, порой, не имеющих возможности опереться в своих работах на архивные, письменные источники. Оставив, впрочем, «окончательное решение о том, должен ли ... такого рода материал приниматься во внимание при изучении местной истории»⁹¹, за профессиональными историками.

Следующий доклад Л.С. Личкова, прочитанный на заседании исторического общества Нестора-Летописца 3 апреля 1894 г., судя по названию — «Очерк истории развития форм крестьянского и инородческого землевладения в Восточной Сибири по новейшим данным» — призван был, с одной стороны, познакомить слушателей с конкретными результатами недавно завершенного автором исследования, а, с другой, — продемонстрировать возможности новых аналитических методов для познания прошлого общины.

Понятием «история» статистики определяли, как правило, не хронологическую последовательность возникновения общинных порядков, а естественный переход от одной формы хозяйственной организации к другой (вплоть до современной передельной). Эти-то этнографически наблюдаемые и методом опроса устанавливаемые «переходы» они и предложили «экстраполировать» в «историю» (прошлое): «сама история развития форм землевладения у сибирского крестьянства может быть

⁹¹ Личков Л.С. Новые данные по истории заселения Сибири... С. 84.

в достаточной подробности изучена путем исследования тех условий землевладения и землепользования, которые могут быть наблюдаемы в Сибири в настоящее время»⁹². Значимость этих исследований не ограничивается, по мнению Личкова, вкладом в познание местной истории. Серьезное значение их результаты должны иметь и для изучения истории тех же форм в Европейской России.

Тот факт, что Л.С. Личков в ходе выступлений специально напоминал слушателям о роде своих занятий («я — статистик по специальности»)⁹³, вряд ли свидетельствует о неуверенности докладчика или растерянности перед лицом аудитории профессиональных историков. Специализация исторического знания, его институционализация еще не привели в те годы к корпоративности, а, напротив, благоприятствовали междисциплинарному общению. Однако, подобно тому, как политическая экономия, широко использовавшая исторический метод, создавала историко-экономические труды, продолжая числить их по разделу политической экономии, историческая наука, столкнувшись с новыми аналитическими методами, не предприняла никаких попыток методологической идентификации экономической истории. Более того, настойчиво рекомендовала исследователям «живой истории» либо вставить их построения в «историческую (хронологическую) рамку», либо искать прибежища у «социологии».

Нам неизвестна реакция на вопросы, поставленные в докладах, со стороны членов киевской научной институции. Но можно предположить, что она мало чем отличалась от точки зрения сибирского историка Н.Н. Козьмина, сформулированной по «горячим следам» осуществленных исследований: «Судить ... об этой истории (истории общины. — *Д.М.*) по исследованиям статис-

⁹² Личков Л.С. Очерк истории развития форм крестьянского и инородческого землевладения в Восточной Сибири по новейшим исследованиям // Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX. Киев, 1895. С. 18.

⁹³ К подобному приему будет позднее прибегать и А.А. Кауфман, начинавший некоторые свои заметки и выступления по проблемам «живой истории» словами «Я — не историк».

тиков XIX века — весьма рискованная вещь. Неужели, обладая богатыми архивными материалами, мы должны играть с “может” и “должно” и развлекаться историко-философскими соображениями, которые, ведь, должны идти *post factum*?»⁹⁴.

Л.С. Личков еще дважды выступил в Обществе с докладами, основанными на собранных в Сибири материалах⁹⁵, на чем, фактически, прекратилось его участие в исследовании «живой истории» общины, а, следовательно, закрылась «иркутская» страница исследовательского проекта. Но не завершилась история этой исследовательской области.

Элементы оригинальной историко-экономической концепции эволюции народного землевладения, разработанные усилиями «сибирских» статистиков, довелось свести воедино А.А. Кауфману. На исходе XIX в. одна за другой выходят его монографии, обобщающие результаты местных исследований, осуществлен-

⁹⁴ С-ль [Козьмин Н.Н.]. Сибирская община // Восточное обозрение. 1897. № 32. С. 2. Не случайно, уже совершенно иначе оценивались результаты еще продолжавшегося на тот момент хозяйственно-статистического исследования в Забайкалье: «...современный хаос Заб-го землевладения не предвечный хаос — он дитя последних двух столетий. Нельзя разобраться в нем, нельзя избежать ошибок, если не будет положена в основу история поземельной политики Забайкалья» (По поводу статистического исследования Забайкалья // Восточное обозрение. 1897. № 27. 24 окт. С. 1). Любопытно, что в советскую эпоху Н.Н. Козьмин вынужден будет признать заслуги восточносибирской экспедиции перед исторической наукой: «материал, собранный статистиками и обработанный Личковым, имеет большое историко-экономическое значение» (Козьмин Н.Н. Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири // ГАИО, ф. 1406, оп. 3, д. 334, л. 13). В этом можно усмотреть влияние на ученого марксистских представлений о закономерностях общественно-исторического развития, сформировавшихся и развивавшихся в рамках эволюционистской парадигмы, в соответствии с которой русская крестьянская община рассматривалась как пережиток «первобытного коммунизма». Между тем, результаты полевых исследований сибирских статистиков нанесли по ней сокрушительный удар. Материалы «живой истории» общины свидетельствовали, что в России изменение форм землевладения шло от захватного, семейного хозяйства к общинному, то есть в направлении противоположном тому, каким его представляли себе социологи-эволюционисты.

⁹⁵ Темы этих докладов далеки от темы нашего исследования: «К истории шаманства у инородцев Восточной Сибири» (см.: Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX.. Киев, 1895. С. 24–26), а также «Штрафная колонизация Сибири» (см.: Чтения в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. X.. Киев, 1896. С. 29–34; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX а. С. 926–928).

ных в Западной (Тобольская и Томская) и Восточной (Иркутская и Енисейская губернии) Сибири⁹⁶, а также в Забайкалье⁹⁷.

Истоки многолетней дискуссии о происхождении общины ученый усмотрел в неразработанности теоретико-методологических вопросов истории хозяйства как науки. Схемы генезиса и развития земледельческой общины, создававшиеся на основе сохранившихся документальных, архивных материалов, он, как и ранее Л.С. Личков, предложил не только дополнить, но и проверить на предмет достоверности, с помощью описательного материала местных экспедиционных исследований, «живой истории» общины⁹⁸. Итог многолетних исследований автора в области «живой истории» общины уже не одной только Сибири, но и европейской части России и Кавказа был подведен ученым в книге «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (М., 1908). Благодаря которой, автор снискал авторитет основоположника «историко-социологической теории эволюции народного землевладения»⁹⁹.

Не отрицая несомненных заслуг ученого, по праву занявшего достойное место в русской историко-экономической науке конца XIX–начала XX веков, будем помнить и о тех исследователях, что остались в тени своих более известных и успешных современников. Тем более что им принадлежит приоритет в постановке ряда актуальных проблем историко-экономической науки, генерировании новых идей, подхваченных и развитых впоследствии научными лидерами.

⁹⁶ См.: Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб., 1897.

⁹⁷ См.: Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. Иркутск, 1900. (Сибирский сборник. 1900. Вып. 2).

⁹⁸ См.: Кауфман А.А. Документы и живая история русской общины. (Историко-критический очерк) // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 9. С. 67–109.

⁹⁹ См.: В.В. [Воронцов В.П.] Учения о происхождении земельной общины в России // Вестник Европы. 1910. № 4. С. 278.

Глава 3.
«НАУЧНО ИЗУЧИТЬ ХОЗЯЙСТВО, МОЖНО ЛИШЬ
ПОЛЬЗУЯСЬ СТАТИСТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ»:
Н.А. Рожков

... он (историк) должен сделать все возможное, чтобы составить себе вполне реальное, конкретное представление о существе тех областей хозяйственной жизни, которые он намеревается изучать в прошедшем. ... только знание живой жизни может обеспечить правильное понимание того, что дают мертвые, без этого, документы.

А.А. Кауфман, 1917

Выступая за использование данных «живой истории» для проверки степени достоверности суждений, основанных на архивных данных, А.А. Кауфман прибег к описанию гипотетической ситуации, в которую неизбежно попадет историк XXII века, пытающийся воссоздать картину эволюции форм землепользования на основании только документальных материалов губернских, уездных или волостных сибирских канцелярий. Такой историк, на его взгляд, едва ли мог избежать серьезных ошибок в понимании смысла документов и невольно нарисовал бы верную документам, но, безусловно, не соответствующую действительности историческую картину.

Однако не историку будущего, а его современнику, известному историку-экономисту Н.А. Рожкову суждено было, если не опровергнуть справедливость этих слов¹, то, по крайней мере, отстоять высокую информативную ценность для хозяйственной

¹ Исследование Рожкова зафиксировало самый начальный этап становления общинных порядков в изучаемом им районе, в силу чего он был вынужден судить об отсутствии «поравнений» земли по косвенным свидетельствам — отсутствию в рассматриваемый период какого бы то ни было соответствия между количеством окладных (ревизских) душ и размером пашни и сенокоса. Его вывод о том, что на практике владение землей не регулировалось никакими нормами, скорее подтверждает, нежели опровергает, справедливость высказываний А.А. Кауфмана.

истории традиционных документальных источников, исследуя экономический быт Макаровской волости Киренского уезда Иркутской губернии конца XVIII–первой половины XIX веков на основании сохранившихся данных волостной статистики.

Начало реализации данного исследовательского проекта было положено задолго до приезда исследователя в Сибирь. Еще в 1883 г. членом Ревизионной комиссии ВСОИРГО В.В. Птицыным, в ходе обсуждения деятельности этой научной институции, было высказано особое мнение о давно назревшей потребности «исследовать и описать самые важные для науки и самые древние архивы в Сибири — киренский и якутский, остающиеся до сих пор совершенно неизвестными»². Распорядительный комитет обратился к «начальнику губернии» за содействием в составлении кем-либо из местных жителей г. Киренска описи архива, обязуясь, со своей стороны, направить представителя Отдела «для рассмотрения архива». Подчеркнув при этом, что «часть архива вследствие небрежности уничтожена, тоже в будущем может случиться с оставшимися бумагами... В виду этого было бы не лишним принять быстрые и энергичные меры, чтобы воспользоваться оставшимися историческими материалами»³.

В ноябре того же года запрошенная краткая опись, составленная киренским исправником, была передана в распоряжение ВСОИРГО. Экспертное заключение, подготовленное В.И. Вагиным, лишь подтвердило важность архива в научном отношении⁴. Однако реальных шагов к перевозке архивных документов в губернский центр, их передаче в распоряжение единственной научной институции, способной осуществить научную обработку и использование, предпринято не было. В.В. Птицын, не утративший интереса к судьбе этого собрания, спустя пять лет в брошюре, изданной по распоряжению Санкт-Петербургского археологического института типографией Императорской Академии наук, задавался вопросами: «Что останется от киренского архива, пока дождется он научной обработки? Кто опишет его

² Известия ВСОИРГО. 1885. Т. XVI. № 4–5. Иркутск, 1886. С. 12.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 19.

подробно, приведет в порядок, кто сохранит нынешние остатки его от расхищения, а также от дождя и снега?»⁵.

Упрекая Восточно-Сибирский отдел географического общества, сосредоточившийся на статистических и геологических изучениях, в отсутствии должного внимания к древнейшим архивам Прибайкалья, краевед видел хотя бы частичное решение проблемы в привлечении к делу их спасения «невольных жителей» Сибири — административных ссыльных, «большею частью, бывших студентов»⁶. Однако отнюдь не бывшим студентам, а профессиональному историку — приват-доценту Московского университета Н.А. Рожкову, довелось принять непосредственное участие в научной обработке материалов киренского архива.

Справедливости ради заметим, что к моменту приезда Рожкова в Иркутск, ситуация с документами киренского архива счастливо разрешилась по крайней мере в отношении материалов двух волостных правлений. В сентябре 1908 г. губернское управление предложило ВСОИРГО просмотреть опись 668 дел архива Макаровского волостного правления Киренской управы, относящихся к 1767–1842 гг., в связи с предполагавшимся их уничтожением. Отдел выразил «желание приобрести этот архив ввиду его большого интереса как в историческом, так и в бытовом отношении»⁷. А уже в мае 1911 г. правитель дел ВСОИРГО Ф.Г. Ширяев в своем письме восточносибирскому генерал-губернатору как покровителю отдела сообщает о получении в распоряжение действующей в рамках этой институции особой архивной комиссии материалов двух волостных правлений. Подчеркивая при этом актуальность концентрации в отделе архивных дел всех общественных учреждений края, как содержащих весьма ценные исторические документы, «которые оставаясь долгое время без разработки и

⁵ Птицын В. Киренский архив. [Б.м.], [Б.г.]. С. 5. Материалы для брошюры могли быть собраны В.В. Птицыным в ходе посещения киренского архива в 1887 г., о котором упоминает Н.С. Романов (см. Романов Н.С. Сибирские архивы // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1913. С. 211). Хотя сам Птицын указывает, что очерк был составлен на основании сведений, доставленных ему А.Д. Добронравовым (С. 5).

⁶ Птицын В. Киренский архив... С. 6.

⁷ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Сост., предисл. и прим. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1994. С. 113.

присмотра, в конце концов могут придти в совершенную ветхость и даже исчезнуть, причем наука лишится единственных в своем роде первоисточников»⁸.

Исследователь. К моменту своей высылки на поселение в Сибирь, в первые годы XX столетия, благодаря активной научной и преподавательской деятельности Николай Александрович Рожков (1868–1927) снискал авторитет ведущего специалиста в области экономической истории. Начало его изысканиям в этой области было положено работой над книгой «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке»

(М., 1899), которая легла в основу магистерской диссертации. Работа, по словам историка, «... имела огромное значение: она заставила изучить экономическую историю вообще и углубиться в изучение политической экономии..., специальное историко-экономическое исследование открыло... новые перспективы, дало ключ к пониманию социальной и политической истории»⁹.

Последующие научные занятия, вплоть до весны 1908 г., когда он был арестован и после более чем двухлетнего заключения сослан на поселение с лишением прав в Сибирь, лишь закрепили

*Николай Александрович Рожков
(фрагмент фотографии, 1910-е гг.,
НИОР РГБ)*

⁸ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 318, к. 20, л. 69. Последнее замечание призвано устранить неточность, вкравшуюся в биографические материалы об ученом с легкой руки А.Н. Турунова. В некрологе, опубликованном в журнале «Северная Азия», он связал появление «превосходного очерка», являющегося «одной из немногих работ по экономической истории края», с разбором и научной обработкой дел «старого Киренского архива, привезенного в Иркутск М.П. Овчинниковым» (А.Т. [Турунов А.Н.] Николай Александрович Рожков (1868–1927) // Северная Азия. 1927. № 4. С. 102). Документы киренского архива были доставлены в Иркутск в 1915 г. в рамках деятельности Иркутской губернской архивной комиссии, созданной в 1911 г., в то время как статья Рожкова основана на материалах дел Макаровского волостного правления, отложившихся в музее ВСО-ИРГО и полученных архивной секцией последнего несколько ранее.

⁹ Памяти Рожкова. Сб. статей. М., 1927. С. 8.

за Н.А. Рожковым репутацию «ревностного и успешного работника» в области экономической истории. В течение короткого времени издаются многочисленные работы ученого, в которых оформляется не только его теоретическая концепция экономической истории, но и поднимаются многие методологические вопросы этой науки¹⁰.

В контексте предпринятого нами ситуационного исследования, давая представление об исследовательских методах Рожкова как историка-экономиста, следует особо выделить тот факт, что в отличие от большинства своих коллег по «цеху», которые только отмечали в своих работах возросший интерес к исторической статистике и предполагали возможность получения с ее помощью в будущем важных для экономической истории выводов, или сводили задачу историка к подбору фактического материала, оставляя за экономистом задачу его анализа, Н.А. Рожков фактически одним из первых отказался от иллюстративного метода использования статистического материала, попытался соединить в одном лице того, кто «производит» данные, и того, кто анализирует их.

Уже в первых своих статьях Рожков коснулся многих методологических вопросов количественной экономической истории. Это, прежде всего: проблема достоверности данных исторической статистики; требования, предъявляемые к исследованию, использующему статистические методы; методы обработки массовых источников в историко-экономических исследованиях; и др. К имеющим методологическое значение можно отнести и его вывод о том, что сам предмет историко-экономического исследования бросает вызов историку, заставляет «потратить много труда и времени на чисто механическую счетную работу и принуждает углубиться в изучение и применение многих частных и подробностей статистической техники»¹¹.

Новые для исторической науки методологические приемы были впервые реализованы Рожковым в уже упоминавшейся работе «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» в ходе

¹⁰ Подробнее см.: Майдачевский Д.Я. Н.А. Рожков как историк-экономист // ЭКО. 2003. № 6. С. 172–187.

¹¹ Рожков Н. К вопросу о степени достоверности писцовых книг // Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 2. С. 253.

обработки такого сложного источника исторической статистики как писцовые книги. Эта составляющая работы не осталась незамеченной исторической наукой. Высокую оценку исследованию Рожкова дал В.О. Ключевский, считавший «большою заслугой автора то, что он собрал обильный и разнообразный архивный материал по разным отраслям народного хозяйства Московской Руси и данные, относящиеся к сельскому хозяйству, подвергнул тщательной разборке в длинном ряде статистических таблиц... В истории Московского государства у нас охотнее изучались юридические отношения, чем подробности экономической жизни народа... Помощью настойчивых статистических наблюдений автор детально осветил много мелких, малозаметных процессов, какие происходили в русском сельском хозяйстве XVI в., но из совокупности которых складывались крупные исторические факты»¹², что, однако, не помешало ему выступить оппонентом многих «технических приемов изучения писцовых книг» на магистерском диспуте Рожкова.

Будучи единодушны в оценке «терпения и громадного трудолюбия», проявленных автором в процессе изучения «очень тяжелого и громоздкого материала, никем еще не употребляемого в дело в такой степени для целей экономической истории»¹³, рецензенты, однако, увидели в работе, прежде всего, «бесконечный ряд таблиц», «массу счетного материала», а вместо методов обработки последнего — «ловкую и удачную эквилибристику» с цифрами¹⁴. Или, в лучшем случае, «полную его неопытность по части статистических выкладок, совершенно, впрочем, неудивительную, ибо изучение статистики для общих историков в наших университетах необязательно»¹⁵.

Если ответ Рожкова на столь снисходительное замечание о его познаниях в области статистики не заставил себя долго ждать и содержал достаточно жестко сформулированное требование к

¹² Ключевский В.О. Разбор сочинения Н.Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». СПб., 1904. С.18

¹³ [Милюков П.Н.] Рец. на кн.: Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899 // Мир Божий. 1899. № 11. С.76.

¹⁴ См.: Сторожев В. Очерки русской историографии. Очерк второй // Образование. 1900. № 11. С.60-64.

¹⁵ Сергеевич В.Н. Древности русского права. СПб., 1903. Т.3. С.482.

любому (включая и самого себя) историку, использующему количественные методы анализа: «кто берется за статистическую работу, тот должен быть знаком с основными приемами статистического исследования»¹⁶, то следующая работа, написанная им в русле количественной экономической истории, появилась спустя лишь пятнадцать лет.

Прошедшие годы не охладили интереса Рожкова к указанным методам исследования, напротив — укрепили его уверенность в том, что историко-экономические исследования практически немыслимы без применения статистического метода. Не прошли бесследно эти годы и для самой науки, которая не только обогатилась новыми работами в этом жанре, но и предприняла попытки методологического осмысления количественного направления в экономической истории, определив, тем самым, место и роль книги Рожкова в процессе становления последнего.

Несмотря на ряд серьезных и справедливых замечаний, высказанных в адрес приемов обработки статистических материалов, какие использовал в своей работе Рожков, последняя заняла прочное место в ряду «историко-статистических» исследований. Она выполняла функцию своеобразного «пробного камня» или ориентира, позволяющего квалифицировать их с точки зрения «тех методологических путей, которых должен держаться историк, работающий над цифровым материалом»¹⁷. По одну его сторону разместились исследования, реализовавшие «чисто исторический» подход, для которого характерно лишь «цифровое изображение фактов». По другую же — работы «чисто статистического» направления. Критика подхода, использующего «математические критерии», применение которых всегда предполагает наличность «прочих равных условий», в истории, где о равенстве условий не может быть и речи, лишь укрепила позиции работы Рожкова, поскольку поставила использование приемов и методов статистического анализа в зависимость от характера материала и задач исторического исследования.

¹⁶ Рожков Н.А. Рец. на: Сергеевич В.Н. Древности русского права. СПб., 1903. Т.3. // Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 2. С. 271.

¹⁷ Веретенников В. К вопросу о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала // Журнал министерства народного просвещения. 1912. № 1. С. 120.

Программа исследований. Современная историография справедливо называет работу Рожкова «широко задуманной экономической историей» России XVI в., поскольку наряду с проблемами сельского хозяйства в узком смысле в ней рассматривается широкий спектр вопросов, начиная с климатических условий и демографического фактора и завершая характеристикой торговли и отношений собственности¹⁸. Однако, она практически игнорирует небольшое предисловие к монографии, на страницах которого автор предпринял первую попытку представить академическому сообществу свою, еще весьма далекую от завершения, историко-экономическую концепцию. Концепцию, действие которой выходит далеко за хронологические рамки работы и которая будет интенсивно дорабатываться и шлифоваться Рожковым на протяжении последующих лет.

Историк экономического быта, на взгляд ученого, не должен ограничиваться изучением системы или техники хозяйства, т.е. совокупности приемов и средств его ведения. «Для историка, как и для экономиста, эти технические приемы имеют значение не только сами по себе, но и главным образом в их связи с другими сторонами жизни общества, в мере того влияния, какое на них оказывали другие элементы общежития, и какому эти последние элементы подвергались в свою очередь со стороны ... техники и ее ближайших результатов»¹⁹. Именно анализом влияния естественного фактора, природы на сельскохозяйственное производство и обусловленности последнего сложившейся организацией производства, обмена, распределения и потребления по существу исчерпывалась программа изучения Рожковым сельского хозяйства древней Руси в XVI веке, но не могла быть исчерпана исследовательская программа в области экономической истории в целом.

Исходя из свойств самого объекта, на исследование которого направлена историко-экономическая мысль, т.е. хозяйства, Н.А. Рожков включает в дальнейшем в круг интересов экономической истории процессы производства, обмена и распределения.

¹⁸ См.: Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 50.

¹⁹ Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. I-II.

Его взгляд на хозяйство как на совокупность средств (способов и приемов), какими люди обеспечивают удовлетворение своих насущных потребностей, не только обусловил отсутствие в этом ряду процессов потребления (которое есть цель, но не средство), но также предопределил своеобразное отношение к обмену.

Хотя обмен и выступает посредствующим звеном между производством и потреблением, он явно «тяготеет» к первому, он «производителен», т.к. приобретая нужную ему вещь, вступающий в обмен человек, создает для себя материальную возможность удовлетворения своих потребностей. Отмеченная близость обмена к производству не означает, однако, перемещения его в «тень» последнего. Рожков, соглашаясь с ролью производства хозяйственных благ как основного элемента народного хозяйства, подчеркивал, что только в сфере производственных отношений нельзя искать объяснения изменениям, происходящим в производстве. Эти перемены возможно познать лишь обратившись «к изучению обмена и распределения, тем более, что исследование этих сторон хозяйства имеет и самостоятельное значение, независимо от объяснений особенностей в процессе производства»²⁰. Более того, именно степень развития менового оборота хозяйственных благ, на его взгляд, выступает «основным признаком, характеризующим самые крупные перемены в экономическом строе: известные всем термины “меновое” и “натуральное” хозяйство резко намечают два крупных периода экономического развития, различаемых без труда и не нуждающихся в более подробном определении»²¹, т.е. признаком, конституирующим тип хозяйственного развития.

В своей историко-экономической концепции Н.А. Рожков ограничивает хозяйственную деятельность человека четырьмя отраслями «производства»: добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и торговли; формулирует «основной» (мы бы уточнили — исходный) вопрос экономической истории как вопрос относительного их (отраслей) значения в разные периоды

²⁰ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке и его влияние на социально-политический строй того времени // Исторические и социологические очерки. Сб. статей. Ч. 1. М., 1906. С. 57.

²¹ Рожков Н.А. Натуральное хозяйство и формы землевладения в Древней России // Там же. С. 103.

истории. Преобладание той или иной отрасли уже с исчерпывающей полнотой характеризует тип хозяйственного развития²².

Принцип относительного значения отраслей народного хозяйства активно эксплуатировался Н.А. Рожковым для выработки оригинальной периодизации экономической истории, которая являлась едва ли не обязательным элементом любого историко-экономического сочинения того времени. Стоит только присмотреться к отраслевой структуре хозяйства, считал ученый, как очевидной становится потребность в детализации уже практически общепризнанной схемы, разделяющей хозяйственную историю на периоды «натурального» и «менового» хозяйства, в привнесении эволюционной точки зрения в изучение каждого периода.

Соединение в рамках схемы двух систематизирующих факторов, характеризующих как «производство», так и «обмен», позволило Рожкову дать более «объемное» изображение процесса хозяйственной эволюции: самая общая схема развития может и должна быть конкретизирована исходя из специфической морфологии хозяйства конкретной страны или местности.

«Программой детального изучения истории хозяйства» назвал исследовательскую программу Рожкова один из первых его историографов — С.В. Бахрушин, считавший, что она «послужила до известной степени толчком для дальнейших многочисленных работ [по] истории хозяйства»²³. Добавим, в том числе

²² Вопрос о строении народного хозяйства формулировался историком и иначе — как проблема взаимного соотношения города и деревни в историческом прошлом каждого народа.

²³ Архив РАН, ф. 624, оп. 1, д. 409, л. 14. Стремление Рожкова предпослать изложению результатов исследования его программу, предварить свои построения «истории форм хозяйственного быта» изложением аналитического аппарата исследования, во многом заимствованным у экономической науки, крайне неодобрительно воспринималось современной ему исторической наукой. Обвинения в «схематизме» историко-экономических построений начались с разбора сочинения Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», предпринятым его учителем В.О. Ключевским, в котором «мэтр» указал на то, что автор приступил к работе над источниками «с готовой схемой, построенной из общих политико-экономических и сельскохозяйственных построений» (Ключевский В.О. Разбор сочинения Н.Рожкова ... С. 14). Историография же советской эпохи уже прямо относила работы Рожкова к жанру экономической истории, целиком и полностью находящемуся в ведении экономической науки. На взгляд М.В. Нечкиной, Рожков, в качестве «прилагателя» теории, оказывается на периферии исторической науки, если вообще не покидает ее пределов (См.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922. С. 36, 57).

и последующих исследований самого Рожкова, с одним лишь уточнением — это была программа детального и всестороннего *статистического изучения* явлений хозяйственного быта. Поскольку, как неоднократно отмечал историк в своих работах, «научно изучить хозяйство можно лишь пользуясь *статистическим* [курсив Рожкова. — Д.М.] методом, заставляя внятно, громко и ярко говорить цифры»²⁴.

С 1910 по 1917 год Н.А. Рожков, по меткому, не лишённому иронии, замечанию его «собрата по несчастью» В.А. Ватина (Быстринского), «волею судеб был вынужден отдавать часть своего досуга изучению прошлого далекой сибирской окраины»²⁵. Безусловно, оторванность от научных центров, библиотек, архивов, его политическая активность в этот период не могли не сказаться на творчестве Рожкова как историка-экономиста. Но эти обстоятельства отнюдь не прервали разработку фундаментальной темы в его творчестве. Более того, они укрепили его веру в «будущность экономического материализма», которую он усматривал не столько в его теоретическом развитии, сколько в практическом влиянии на историческую работу. Актуальнейшая задача последней — отнюдь не указание на приоритет экономического фактора в историческом развитии, а изучение реальных экономических процессов, будь то на уровне народного хозяйства в целом или хозяйства отдельной местности или области. «Исследование хозяйства дает именно ту нить Ариадны, которая способна вывести и отдельного

²⁴ Рожков Н. К вопросу о делении Забайкалья на хозяйственные районы // Забайкальский хозяин (Чита). 1915. № 15. С. 1.

²⁵ Сибирский архив. 1915. № 7-9. С.426. В связи с упоминанием имени В.А. Ватина, заслуживает цитирования рецензия Н.Н. Козьмина на опубликованную тем книгу «Минусинский край в XVIII веке» (Минусинск, 1913), в которой поднимается вопрос о роли «изгнанников», «невольных обитателей» в изучении Сибири: «Приходят пионеры-колонисты, расчищают леса, “утаптывают” землю, разоряются и гибнут, но создают своими затраченными силами и средствами условия для прочной и довольной жизни своих преемников... Не то же ли самое и в сфере мысли, культуры духовной?... Сибирская культура создается в значительной мере на жертвах, которые метрополия приносит. Метрополия посылает в Сибирь свои силы. Эти силы обрекаются на гибель, чтобы служить материалом, созидать почву для духовной жизни туземцев... Это — великая, волнующая драма русской жизни!» (Сибирь. 1913. 8 дек. С. 3). Слова эти, вызванные к жизни книгой Ватина, «посвященной саянскому архиву», в полной мере отнесены могут быть к работе Рожкова, посвященной архиву «киренскому».

человека, и ту или иную общественную группу и, наконец, все общество, весь народ, даже человечество из сложного, запутанного лабиринта современной общественности»²⁶.

В исследовательской программе Рожкова зазвучали и новые, отсутствовавшие в ней ранее, ноты. В ней со всей определенностью стал просматриваться современный интерес к системам (технике) хозяйства, формам землевладения и хозяйства и относительному значению различных видов общественного дохода на том или ином этапе экономической эволюции, т.е. ко всем тем вопросам, что находятся, на его взгляд, в компетенции экономической истории. Историк стремится выработать исследовательскую программу в области местной экономической истории, мотивированную уже не одним лишь научным, историографическим интересом, но и актуальными проблемами хозяйственной жизни изучаемого региона.

В этом отношении особое место в творческом наследии историка сибирского периода занимает статья «Насущная задача в деле изучения Сибири», в которой ранее выработанные теоретико-методологические установки были использованы им для характеристики современного этапа эволюции сибирской экономики. «Главное, что нужно для того, чтобы приобрести твердую почву в деле познания Сибири, — это определение того типа экономического развития, который свойственен в данный момент отдельным характерным сибирским районам. Только тогда можно будет с научной точностью определить и статистически или, что тоже, математически выразить ту ступень развития, на которой находится народное хозяйство в Сибири»²⁷.

За отсутствием регулярного статистического изучения, «типические особенности» современного этапа хозяйственной эволюции, считал ученый, внимательный наблюдатель «оглянувшись вокруг и присмотревшись к повседневной действительности» в состоянии подметить, руководясь собственным опытом и накопленными знаниями. В качестве такого наблюдателя за «явлениями

²⁶ Рожков Н. К вопросу о делении Забайкалья ... С. 1.

²⁷ Рожков Н. Насущная задача в деле изучения Сибири // Обская жизнь (Н.-Николаевск). 1911. 31 июля. С. 2.

местной хозяйственной жизни» выступил сам историк, на протяжении года проживавший в одной и той же местности Сибири («средняя полоса Иркутской губернии, лишенная преимуществ, даваемых железной дорогой, но вместе с тем и не таежная, не особенно глухая»²⁸) и регистрировавший эти наблюдения.

В поле зрения наблюдателя находился уже известный набор историко-экономических параметров, позволяющих охарактеризовать достигнутую ступень хозяйственного развития: сведения о системе или технике хозяйства, о формах землевладения, то есть отношениях человека к земле как естественному фактору производства, а также о формах хозяйства (способах использования другого фактора — труда). Наиболее пристальное внимание исследователя обращено на вопросы распределения, а точнее — на относительное значение различных видов дохода крестьянских хозяйств: от земледелия, скотоводства, извоза, сдачи в наем квартир и т.д. Именно структура доходов среднего хозяйства, по мнению историка, наиболее точно отражает соотношение различных отраслей экономики, и, следовательно, позволяет дать полную характеристику типу хозяйственного развития. Определение же «экономического типа данной местности имеет ... большое теоретическое, научное значение: в Сибири живьем наблюдается экономическая формация, в других местах уже отошедшая в прошлое: зарегистрировав ее точно и выразив в математической формуле, мы внесем посильную лепту в будущее построение точной науки о развитии человеческих обществ»²⁹.

В упомянутой статье Рожков фактически сформулировал все те вопросы, ответы на которые он спустя полгода будет искать в архивных делах Макаровского волостного правления Киренского уезда.

Производство знания. В январе 1912 года Н.А. Рожков ходатайствовал перед распорядительным комитетом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества о разрешении ему пользоваться рукописями, хранящимися в музее отдела³⁰. Заручившись разрешением, с непременно-

²⁸ Рожков Н. Насущная задача в деле изучения Сибири ... С. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 338, л. 25.

ным условием опубликовать реферат или полный текст своей работы на страницах издававшихся ВСОИРГО «Известий», он приступил к работе в музее, где его внимание привлекли дела Макаровского волостного правления Киренского уезда, заключающие, по его словам, «материал, важный для изучения истории народного хозяйства»³¹.

Интерес Рожкова к материалам «киренского архива», как и сам факт обращения к ним, возобновления после достаточно длительного перерыва научных занятий, вряд ли можно признать случайными.

Из сибирских страниц биографии ученого известно, что в конце мая 1911 года он был выслан в г. Киренск, где, прежде чем вернуться в Иркутск, прожил несколько месяцев³². Не трудно предположить, что если уж в процессе «переездов и проездов по Иркутской губернии» у ученого, по его собственному признанию, «накопился некоторый материал» по истории церковной архитектуры, представленный позднее в виде очерка³³, то вряд ли могли пройти мимо внимания профессионального историка незаурядные по местным меркам события, связанные с отправкой в столицу губернии дел волостного правления за более чем столетний период. Тем более, произошедшие незадолго до посещения им уездного центра и крупнейших киренских сел, включая Макарово, где и размещалось волостное правление, с архивными материалами которого ему доведется обстоятельно познакомиться уже в Иркутске.

Не столь уж далеким от истины представляется нам и факт знакомства на месте с материалами «киренского архива», поскольку маловероятно, что фраза «в глуши ссылки он (Рожков. — Д.М.)

³¹ ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 338, л. 25.

³² См.: Борисова Т.А. Основные вехи журналистской деятельности Н.А. Рожкова в Сибири // Возвращенная публицистика: Указ. публ. Н.А. Рожкова в сиб. период. изд. 1910–1917 гг. / Авт.-сост. Борисова Т.А. Иркутск, 2003. С. 16.

³³ Впервые под названием «Церковная архитектура и общественное развитие Сибири» был опубликован в читинской газете «Восточная Сибирь» (1915. 30 янв. С. 2). В 1918 г. под названием «Мысли об истории церковной архитектуры в Иркутской губернии» напечатан в «Записках Тулуновского общества изучения Сибири и улучшения ее быта» (Иркутск, 1918. Кн. 1. С. 3–6). См. также: Рожков Н. Мысли об истории церковной архитектуры в Иркутской губернии / Публ. Д. Майдачевского // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 68–69.

копается в местных, всеми позабытых архивах» из воспоминаний соратника Н.А. Рожкова по революционной борьбе, известного экономиста В.С. Войтинского³⁴, относится к занятиям историка в музее ВСОИРГО в губернском центре.

Возвращение историка из «ссылки» на север губернии в Иркутск и практически немедленно за тем последовавшее возобновление им научных занятий совпало с «оттепелью», наступившей в общественно-политической жизни региона после отъезда к новому месту службы генерал-губернатора А.Н. Селиванова. Как отмечал современник описываемых событий, «даже работа ученых обществ замерла под Селивановским режимом. Этой участи не избеж и Восточно-Сибирский отдел русского географического общества. Хотя иркутские генерал-губернаторы по традиции считались почетными покровителями этого славного научного учреждения, Селиванов сумел и на него наложить свою тяжелую руку»³⁵.

Назначение генерал-губернатором Л.М. Князева, пользовавшегося репутацией весьма гуманного и либерального администратора, не замедлило отразиться как на общественной атмосфере в целом (новым языком заговорили газеты, активизировали свою деятельность уже существовавшие, а также возникли новые общественные организации и культурно-просветительные общества), так и на положении политической ссылки. Либерализация коснулась создания и издания социал-демократической ссылкой периодических изданий, журналистской и публицистической активности, возможности, в известных пределах, участия в деятельности общественных, в том числе научных организаций.

Упомянутые выше пределы устанавливались скорее политическими пристрастиями членов, главным образом, руководства этих институций, нежели распоряжениями надзирающих органов или губернской администрации. И хотя, как вспоминал В.С. Войтинский, «в провинциальном городке, каким был Иркутск, появление Рожкова было целым событием. Он расшевелил публику, создал вокруг себя определенную атмосферу»³⁶, касалось это

³⁴ Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 364.

³⁵ Кроль М.А. Страница из сибирской общественности // Сибирский архив. Прага, 1930. Кн. 3. С. 106.

³⁶ Войтинский В.С. Указ. соч. С. 365.

замечание, прежде всего, круга ссыльных социал-демократов и сочувствующего ее идеям местного населения («местных левых кругов»). «Политический облик» историка, активного участника социал-демократического движения, первой русской революции, фактически поставил его вне академической среды, свел к минимуму контакты с местными научными институтами, сделал доступными преимущественно неакадемические формы участия в научном процессе.

Казалось бы, именно об этом пагубном влиянии революции 1905 г. на характер научной работы Рожкова писал в свое время В.Н. Сторожев, выражавший сожаление, что политическая активность историка оторвала его от ученой среды, искусственно извлекла из московской академической жизни, насильственно загнала на поселение в Сибирь. Однако отнюдь не к стремлению историка адаптироваться к новой среде, продолжить в изменившихся условиях свои научные занятия, привела она, на взгляд Сторожева, Рожкова, а лишь заставила «обратиться к широкого свойства компиляции», и при присущей ученому «страсти и способности к широким схемам» — к «не совсем научно-интересным» результатам³⁷.

Усомниться в справедливости подобного взгляда заставляет тот факт, что еще до революционных событий, так круто изменивших его жизнь, фактически сразу после защиты диссертации ученый «вышел за рамки стандартного исторического исследования»³⁸, излагая свою историко-экономическую концепцию преимущественно в неакадемической форме. Примерами могут служить и «Учебник русской истории для средних учебных заведений и для самообразования» (М., 1901), в котором он попытался в доступной, популярной форме продемонстрировать свое экономическое понимание истории. И выросший из публичных лекций, прочитанных в различных городах России, и неоднократно переиздававшийся впоследствии краткий очерк экономической истории «Город и деревня в русской истории» (М., 1902).

³⁷ Научные известия. Сб. первый. Экономика. История. Право. М., 1922. С. 275.

³⁸ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 51.

Особого упоминания заслуживает очерк «Эволюция хозяйственных форм» (СПб., 1905), изданный массовым по тем временам тиражом в социал-демократическом издательстве «Молот». Он интересен нам не только как опыт краткого схематичного изложения истории хозяйства, в котором историко-экономическая концепция Рожкова обрела завершённый вид. Но и включением в схему при характеристике первого периода хозяйственной жизни результатов исследований «живой истории сибирской общины» — полученных методом непосредственного наблюдения сведений о формах крестьянского землевладения на сибирской окраине. Историк (!), упрекнув «сибирских статистиков» в стремлении привнести в характеристику «старинных отношений к земле ... слишком много определенности и законченности, которой в действительности не было и быть не могло»³⁹, сделал шаг, на который не отважились сами статистики⁴⁰. Не случайно поэтому, появление перечисленных работ настороженно встречалось представителями академического исторического сообщества, в своих рецензиях предупреждавших читателя о том, что далеко не все утверждения автора являются «общепризнанными в научной литературе», а сами работы пригодны лишь для «общей ориентации в экономической истории», если брать ее в самых крупных и широких очертаниях.

В Сибири меняются формы участия Рожкова в научном процессе, жанр его научных публикаций. Среди последних заметную роль начинают играть рецензии, сам факт оперативного появления которых в центральных изданиях (главным образом на страницах журнала «Современный мир»), свидетельствует о пристальном внимании ученого к новинкам научной литературы⁴¹,

³⁹ Рожков Н. Рец. на кн.: Кауфман А.А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М., 1915 // Современный мир. 1915. № 6. С. 201.

⁴⁰ Например, тот же А.А. Кауфман, пять лет спустя опубликовавший курс лекций по хозяйственной истории, прочитанный в Московском народном университете, не решился включить в него результаты собственных исследований (см.: Кауфман А.А. Формы хозяйства в их историческом развитии. М., 1910. 152 с.).

⁴¹ Широко известен факт передачи Рожковым личной библиотеки, собранной за годы сибирской ссылки и состоящей преимущественно из общественно-политической литературы, клубу читинских железнодорожников накануне своего отъезда из города (см.: Петряев Е. Живая память. М., 1984. С. 21).

стремлении не отстать от набравшего быстрые темпы развития социогуманитарного знания⁴².

Сибирская проблематика, в том числе вопросы сибирской истории, находят отражение в публикациях, помещенных, главным образом, на страницах местных газет, лишь часть которых выявлена исследователями творчества историка⁴³. Знакомство с ними разрушает десятилетиями складывавшиеся в историографии стереотипы восприятия фигуры Н.А. Рожкова, соединившего в себе страсть к науке со страстью к политике. Исчезает желание, да и возможность втиснуть эту личность в узкие рамки привычных историко-партийных характеристик — «большевик», «меньшевик», «ликвидатор» и т.д. Перед их читателем — «интеллектуал», имеющий и отстаивающий собственные политические, экономические, философские, эстетические взгляды и идеи, которые только и надлежит реконструировать историку, соотнося их с контекстом эпохи и местными условиями.

В них Рожков предстает не столько объектом изучения «истории политической», сколько — «истории интеллектуалов» или «интеллектуальной истории», акцентирующей роль социального контекста. Неотъемлемым элементом такого исследования становится изучение форм и результатов интеллектуальной деятельности, в нашем случае — реконструкция истории взаимоотношений с местными научными институтами и их изданиями, использования газетных страниц для научных дискуссий, реализации накопленного научного потенциала, апробации своих теоретических построений и т.д.

⁴² Исследователи отмечают, что библиография ученого пополнялась с 1911 по 1916 г. 137 подобными работами (см.: Шейнфельд М.Б. К изучению истории Сибири политическими ссыльными в начале XX века (Н.А. Рожков) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX–февраль 1917 г.). Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 166). Добавим, что в этот период переиздаются некоторые из его прежних работ (например, очерк «Город и деревня в русской истории»), что не ускользает от внимания коллег по историческому цеху, откликнувшихся рецензиями. Публикуется и новая книга ученого «Основы научной философии» (СПб., 1911), которая активно рекламируется на страницах редактируемой им газеты «Иркутское слово».

⁴³ См.: Возвращенная публицистика: Указ. публ. Н.А. Рожкова в сиб. период. изд. 1910–1917 гг. / Авт.-сост. Борисова Т.А. Иркутск, 2003. (См. рецензию: Майдачевский Д.Я. «Дело, не лишенное тайной прелести» // Библиография. М., 2004. № 2. С. 116–119).

В газетных публикациях на фоне политической борьбы тех лет не только не потеряла своей актуальности, а, напротив, новыми красками заиграла концепция «культурного капитализма» Рожкова. Его теория «психологических типов» успешно «работала» в заметках, посвященных памяти ушедших или делам здравствовавших политических лидеров. Сформировавшееся еще в годы интенсивных занятий наукой представление, что подлинно научное изучение экономики возможно лишь при использовании статистического метода, методично реализуется им в материалах, анализирующих как состояние местного хозяйства, так и ситуацию в народном хозяйстве в целом.

Со страниц газет ученый призывает местное научное сообщество активизировать усилия в деле изучения Сибири, ее истории, развернуть «энергичную работу» по построению «науки о развитии человеческих обществ», подчеркивая, что ее результаты, «по мере их накопления отдельными лицами, редакция любой сибирской газеты, конечно, не откажется опубликовывать»⁴⁴.

Сам факт обращения «столичного» ученого к местным сельским архивам вряд ли остался незамеченным научным сообществом Иркутска, не оказал своего стимулирующего действия. Редкая колонка хроники местной жизни в фактически редактировавшихся в 1912 г. Рожковым газетах «Молодая Сибирь» и «Новая Сибирь» обходилась без упоминания о планах и делах губернской ученой архивной комиссии (ГУАК). Будь то репортаж с очередного ее заседания, факт передачи в ее распоряжение новых архивных дел или информация о состоявшихся или предполагаемых командировках ее членов в города и села губернии. Однако, написанные большей частью самим Рожковым, заметки свидетельствуют не только о пристальном внимании, какое историк проявлял к работе первой и долгое время единственной местной исторической научной институции. Они — свидетельства ответной реакции, нарастания интереса с ее стороны к судьбам сельских архивов, которые «расхищаются или, благодаря небрежному отношению к ним, приходят в ветхость». Архивная комиссия предпринимает шаги к выяснению «путем письменного опроса» научной ценнос-

⁴⁴ Рожков Н. Насущная задача в деле изучения Сибири // Обская жизнь (Н.-Николаевск). 1911. 31 июля. С. 2.

ти архивов Тельминского, Евсеевского, Усть-Удинского, Бельского и Усть-Кутского волостных правлений⁴⁵.

Примечательно, что саму работу, разбор которой нам еще предстоит, Рожков начинает со знакомства не обывателя, а, казалось бы, подготовленного читателя «Известий ВСОИРГО», с техникой архивной работы. Той «черной, предварительной» работы по хронологическому подбору материалов, нумерации дел и листов в них, составлению описи дел с указанием содержания заключенного в них материала, что потребовала значительных усилий и почти девятимесячного труда⁴⁶ от квалифицированного, подготовленного специалиста. Но которая сделала сырой материал удобным для научного использования.

В подобном вступлении, да и в статье в целом, можно увидеть отнюдь не одно только желание ученого на деле принять участие в той архивной и исторической работе, что на его глазах разворачивалась на далекой сибирской окраине. Статья производит впечатление упрека (если не вызова), брошенного «профессионалом» по существу «любителям местной истории», составлявшим основной контингент членов-сотрудников ГУАК, да и предшествовавшей ей архивной комиссии ВСОИРГО⁴⁷. Упрека, который

⁴⁵ См.: Хроника // Молодая Сибирь. 1912. 10 окт. С. 2. Обратим внимание, однако, на скепсис, звучащий в характеристиках ценности волостных архивов, даваемых членами ГУАК. Н.С. Романов: «Надо сказать, что вообще волостные архивы Сибири представляют несомненно большой интерес, но, к сожалению в них теперь старых документов встречается мало» (Романов Н.С. Сибирские архивы // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Иркутск, 1913. С. 221). Ему вторит М.П. Овчинников, посетивший в ходе поездки 1914 г. многие волостные правления, где «обнаружил полное исчезновение дел не только XVIII в. но даже и XIX-го» (Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Иркутск, 1916. С. 25).

⁴⁶ «В сентябре месяце [1912 г. — Д.М.] обзор архива г-м Рожковым был окончен и составлена была опись дел по годам, которая ныне и приобщена к архиву» (Отчет ВСОИРГО за 1912 год. Иркутск, 1914. С. 15).

⁴⁷ Этим замечанием мы не стремимся развернуть на страницах работы обсуждение проблемы взаимоотношения научного и околонучного пространства, историков «профессионалов» и «любителей». И уж тем более оно не несет негативной оценки деятельности последних, их роли в познании местной истории. Провинциальные историки-любители и сами достаточно трезво оценивали свой вклад в развитие знания. Примером подобной самооценки могут служить слова известного иркутского краеведа И.И. Серебренникова, состоявшего в рассматриваемый период членом едва ли не всех местных научных институций, автора большого числа исторических работ, записанные им в 1916 г. в дневнике: «Будет время, придут ученые и соберут, быть может, и те крупницы знания, которые добываем, между другим делом, и мы, дилетанты от науки...» (ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 5, л. 90).

касался, прежде всего, направлений деятельности этих научных институций, сосредоточивших усилия на поиске древних архивов, «куриозитетов» в них⁴⁸ и проявлявших гораздо меньший интерес к материалам минувшего XIX столетия. Практически не уделявших внимания вопросам научного осмысления (описания и использования) архивных материалов и довольствовавшихся формированием источниковой базы (комплектованием) и, в лучшем случае, публикацией отдельных документов.

Рожков же фактически формулирует задачу актуализации архивных документов, что очень ярко проявилось в стремлении использовать их не как источник изучения событийной, политической и церковной, а, прежде всего, экономической истории региона. «Местная история почти не изучена, а между тем ее изучение способно дать выводы высокой научной важности, способствовать установлению общих законов развития демократических колониальных стран. Экономический быт местного населения не изучен, а исследование его в высшей степени важно и в научном и в практическом отношении»⁴⁹.

Указанное впечатление усиливается после знакомства с опубликованной им на исходе 1912 г. статьей «Дней минувших анекдоты и история Сибири». Непосредственным поводом к ее написанию и знакомству читателей с промежуточными результатами собственной работы с архивными материалами послужила публичная лекция В.И. Анучина — красноярского историка и публициста, участника ряда научных экспедиций — «Сибирь в

⁴⁸ Мы использовали это устаревшее понятие для обозначения тяги провинциальных исследователей к сбору фактов, разысканию и опубликованию любопытных, курьезных исторических документов о провинциальной жизни, т.е. того, что современная историография обозначает как антикварный подход к истории. Именно против такого подхода протестовали представители нормативного исторического знания в лице, например, Н.Н. Козьмина, писавшего: «...если провинция желает иметь не фиктивное, не случайное участие в научной жизни, она должна покинуть это антикварное убеждение, что она может обойтись без строгой, систематической научной работы ... и ограничиться фантастической отправкой корзин, наполненных раритетами и куриозитетами...» (Восточное обозрение. 1897. 29 янв. С. 4).

⁴⁹ [Рожков Н.А.] Высшее заведение в Иркутске // Молодая Сибирь. 1912. 31 окт. С. 1.

ее прошлом и настоящем», состоявшаяся 15 декабря под эгидой местного отдела географического общества.

Уже три дня спустя Рожков откликнулся на лекцию небольшой заметкой, в которой не только познакомил читателей редактируемой им «Новой Сибири» с ее содержанием, но и охарактеризовал как «ряд ... анекдотов, отчасти оторванных друг от друга фактов, моментов из области колонизации и экономического развития Сибири»⁵⁰. Выразив в заключении сожаление, что отдел географического общества не допускает дискуссий по поводу прочитанных лекций, которые могли бы не только «пополнить пробелы ... лекции теми или иными данными», но и, хотя бы отчасти, уменьшить ощущение неудовлетворенности, оставшееся у публики после ее окончания, историк фактически заявил о намерении познакомить широкую аудиторию с собственными взглядами на поднятые в ней проблемы.

Свою обширную по газетным меркам статью, появившуюся неделей позже, он начинает с категоричного утверждения об отсутствии научной истории Сибири: «Самое большее, что имеется, это — сырые материалы, в небольшой лишь своей части приведенные в некоторый элементарный порядок...»⁵¹. А между тем, на взгляд историка, сложились все необходимые предпосылки для ее написания, причем не с опорой на легенды или предания, а по документальным материалам — «самому достоверному источнику, какой только может быть»⁵².

Значительный массив архивных документов важных для истории Сибири хранится и ждет своего исследователя в столичных древлехранилищах, но, подчеркивает Рожков, «...и на месте, в самой Сибири, существует множество документальных исторических источников. В волостных правлениях хранится много старых бумаг, очень ценных с исторической точки зрения. Особенно важны эти архивы для изучения хозяйственной истории

⁵⁰ [Рожков Н.А.] Сибирь в прошлом и настоящем. Лекция В.И. Анучина // Новая Сибирь. 1912. 18 дек. С. 2.

⁵¹ К. Ломзин [Рожков Н.А.]. Дней минувших анекдоты и история Сибири // Новая Сибирь. 1912. 25 дек. С. 3.

⁵² Там же.

Сибири — этого фундамента, на котором только и можно построить научное историческое здание»⁵³.

Склонность Рожкова к новаторским архивным разысканиям⁵⁴ в соединении со значительным элементом современности в поиске методов и обобщениях нашли выражение в сформулированных им выводах о теоретической и практической значимости изучения делопроизводственных записей, сохранившихся в волостных архивах, в качестве источников информации о широком спектре социально-экономических процессов и институтов в местной истории.

⁵³ К. Ломзин [Рожков Н.А.]. Дней минувших анекдоты и история Сибири ... С. 3. Любопытно, что едва ли не противоположная точка зрения на роль центральных и местных архивов в деле написания сибирской истории практически одновременно была высказана А.М. Гневушевым — учеником М.В. Довнар-Запольского, научная деятельность которого также была направлена на изучение по писцовым книгам истории сельского хозяйства России и который после переезда в Красноярск в своем творчестве обратился к сибирским сюжетам. В одной из статей, опубликованной в местной газете, он писал: «...никогда не следует переоценивать значение местного архивного материала для истории края. Надо всегда иметь в виду, что... материал архивов центральных учреждений гораздо полнее и всестороннее освещает жизнь данной местности». И, подчеркнув важность использования для написания местной истории хранящихся в Москве документов делопроизводства Сибирского приказа, резюмировал: «Документы же местных архивов, буде таковые окажутся налицо, могут служить только некоторым подспорьем» (Гневушев А. К вопросу о составлении истории гор. Красноярска и Енисейской губернии (Архивная справка) // Сибирская мысль (Красноярск). 1915. 17 дек. С. 2; 18 дек. С. 2).

⁵⁴ Отечественная историография, особенно советского периода, обращала крайне мало внимания на этот аспект творчества Рожкова, хотя и признавала широкое использование архивов и представление новых фактов в качестве характерных черт «школы Ключевского». Новаторский характер архивных разысканий Рожкова выгодно отличал его от выстроенных «по шаблону» многочисленных работ представителей «школы» М.В. Довнар-Запольского, также активно разрабатывавших массовые исторические источники (см.: Кочин Г. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. Сб. второй. М.-Л., 1936. С. 178; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики. М.-Брянск, 1997. С. 166–167). Едва ли не первое упоминание о нацеленности Рожкова на поиск и привлечение в целях детальной и всесторонней реконструкции истории хозяйства России новых архивных материалов содержится в незавершенном исследовании об исторической концепции Н.А. Рожкова, предпринятом вскоре после его смерти С.В. Бахрушиным. Однако, как и само исследование, основанное на использовании материалов волостных дел, так и разбросанные в периодической печати заметки о их значимости для составления хозяйственной истории, оказались вне поля зрения историографа — они не упоминаются им в ряду писцовых книг, делопроизводственных документов Прохоровской мануфактуры и хозяйственного архива Хомякова (см.: Архив РАН, ф. 624, оп. 1, д. 409, л. 1 об.).

На взгляд ученого, лишь изучение хозяйственного прошлого Сибири позволяет выйти за узкие пределы событийного ряда, придти к «...ценным общим не только историческим, но и социологическим выводам, — к тем высшим научным обобщениям, которые составляют конечную цель науки и делают научное знание источником величайших умственных наслаждений. Только при свете этих высших обобщений мы простимся с анекдотом и обретаем историю»⁵⁵.

Уже отмеченное выше стремление Н.А. Рожкова выработать исследовательскую программу в области местной экономической истории, мотивированную не одним лишь научным, историографическим интересом, но и актуальными проблемами хозяйственной жизни региона, воплотилось в формулировке практической значимости предпринятого им изучения волостной статистики. «Только научно поняв прошлое, мы сможем, как следует, разобратся и в настоящем, мы широко и глубоко истолкуем смысл и значение современной эпохи, переживаемой Сибирью, установим не на песке, а на прочном основании научного исследования, какой именно момент исторического развития переживает теперь Сибирь, и, следовательно, каковы жизненные задачи, стоящие на ближайшей очереди в сибирской жизни»⁵⁶.

Финальным аккордом этих размышлений историка о высокой научной и практической значимости материалов сельских архивов в деле познания истории стал призыв к «местным ученым обществам» приложить максимум усилий к их сохранению, а, главное, к их скорейшей научной разработке. «Тогда и только тогда, — подчеркивает Н.А. Рожков, — они выполняют действительно ценную, поистине культурную работу на пользу местного населения»⁵⁷.

Вряд ли направленностью против выступления красоярского «лектора» (имя которого даже не прозвучало с газетных страниц, а другая лекция — «О шаманизме» — была признана Рожковым «блестящей»), скорее — интересом, проявляемым сибирскими интеллектуальными кругами к поднятым и, как всегда намеренно заостренным, в статье проблемам можно объяснить факт ее неза-

⁵⁵ К. Ломзин [Рожков Н.А.]. Дней минувших анекдоты и история Сибири // Новая Сибирь. 1912. 25 дек. С. 4.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

медлительной перепечатки газетой «Красноярский голос»⁵⁸.

Через три месяца после опубликования статьи, Н.А. Рожков (вновь высланный в начале 1913 г. на север Иркутской губернии) завершает обработку собранных в Иркутске материалов. В своем письме к жене З.П. Рожковой, отправленном из села Нижнеилимского 18 марта, он пишет: «Сегодня же отсылаю ... оконченную мною специальную работу для “Трудов восточно-сибирского отдела геогр[афического] Общества”, издаваемых в Иркутске»⁵⁹. И хотя уже 15 мая Распорядительный комитет ВСОИРГО заслушивает сообщение своего председателя Н.Н. Кармазинского о получении отделом 70-ти страничной рукописи Рожкова «Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века» и поручает Ф.Г. Ширяеву просмотреть ее на предмет возможного опубликования на страницах издаваемых отделом «Известий»⁶⁰, лишь на исходе 1913 г. принимается решение о включении работы в 44 книжку журнала⁶¹.

⁵⁸ См.: К. Ломзин [Рожков Н.А.]. Дней минувших анекдоты и история Сибири // Красноярский голос. 1913. 5 янв. С. 2.

⁵⁹ НИОР РГБ, ф. 546, к. 22, д. 14, л. 9.

⁶⁰ См.: ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 367, л. 1.

⁶¹ См.: там же, л. 20. Любопытно отметить не столько сам факт размещения информации о состоявшемся заседании Распорядительного комитета ВСОИРГО и намеченном им содержании очередной книжки «Известий» (включая статью Н.А. Рожкова), на страницах газеты «Сибирь», сколько привычку местной прессы скрывать полное имя историка псевдонимами, даже когда в этом отсутствовала необходимость. Вот и в этой короткой заметке автором статьи «Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века» значился «Н.А. Р-въ» (Сибирь. 1913. 20 дек. С. 3).

Н. А. РОЖКОВЪ.

КЪ ИСТОРИИ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ СИБИРИ.

Экономическій бытъ Макаровской волости Киренскаго уезда
въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX в.

Оттиски изъ XLIV т. «Извѣстій» Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕ-
РАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ИРКУТСКЪ.

Типографія Иркутск. Т-ва печати. дѣла. Котельникъ. 1.
1914 г.

Обложка оттиска работы
Н.А. Рожкова «К истории народного
хозяйства в Сибири...» (Иркутск, 1914)

Свою новую работу Рожков начинает с раздела «Источники», в котором выдвигает аргументы в защиту своего видения проблемы достоверности волостных дел как источника информации о хозяйственной истории Сибири. Поскольку же «основой для изображения экономического быта являются обыкновенно статистические цифры, а цифры эти в данном случае принадлежат волостной статистике», ученый ставит вопрос о достоверности данных последней⁶².

Подобное начало является как бы ответом оппонентам, отрицавшим, в силу недостоверности исторической статистики, продуктивность нового метода исследования, основанного на статистической обработке архивного материала. Будучи историком, а не экономистом, для ответа на этот вопрос он использует инструментарий историка, привыкшего проверять свои аргументы главным образом путем аналитических рассуждений. И эти рассуждения приводят его к весьма важному методологическому заключению, что достоверность исторической (волостной) статистики повышается по мере «удаления вглубь прошлого», а погрешностей в ее данных не больше, чем в статистике современной. Предъявлять же к исторической статистике те же требования, что и к современной, задачи, приемы и методы которой «расширились и усложнились соответственно усложнению самой экономической жизни»⁶³, было бы, на его взгляд, неверно.

Первый раздел работы решает, однако, еще одну и не менее важную задачу. Он знакомит не только читателя, но и возможного исследователя с тем, какую информацию о хозяйственном прошлом тот может получить, обратившись к волостному делопроизводству. Если в XVIII и начале XIX вв. документы фиксировали сведения лишь о размерах посева и урожая хлебов и трав, вновь распаханной земли, количестве скота и убитого зверя, стоимости последнего и местных ценах на важнейшие виды товаров, то уже с сороковых годов XIX века в отчеты волостной администрации «вносятся малейшие изменения в составе населения, в хозяйствен-

⁶² См.: Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века // Известия ВСОИРГО. Т. XLIV. Иркутск, 1915. С. 40.

⁶³ Там же. С. 41.

ном его положении, в делении его на сословия и классы, данные о торговле, обложении налогами и повинностями, о количестве мостов, перевозов и гатей, о числе мельниц и проч. и проч.»⁶⁴. Перечень, составленный Рожковым, призван уничтожить последние сомнения, как в правомерности, так и актуальности обращения науки к делам волостных правлений как источнику информации о местной социально-экономической истории⁶⁵.

В основном тексте статьи Рожков реконструирует статистику⁶⁶, характеризующую территорию Макаровской волости Киренского уезда и ее население с 1768 по 1871 год. Восстановленная исследователем картина административной истории исследуемой территории в указанный период поставила перед ним важный вопрос об экономических причинах, приведших к формированию волости в ее сложившихся границах за счет объединения ранее существовавших административных единиц и территорий. Анализ же рядов статистики численности населения, составленных по весьма разрозненным цифровым данным, ценен не только своими непосредственными результатами (определением абсо-

⁶⁴ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 42.

⁶⁵ Заметим, что без малого столетие спустя, современный исследователь вынужден признать: «Профессиональная историография почти не интересовалась историей “малых социокультурных форм”, прошлым деревень и сел региона, взаимосвязанных, но относительно автономных островков изменяющегося мира. Тем более не тронутой осталась источниковая и источниковедческая сторона процесса: источники, как правило, не известны, не изучены, не введены в научный оборот» (Маджаров А.С. Источниковедение «деревенской» истории Восточной Сибири (XVIII–начало XIX в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту / Отв. ред. В.Ф. Козлов. М., 2000. С. 256). Между тем, только в Государственном архиве Иркутской области хранится значительный массив делопроизводственных материалов 36 волостных правлений Иркутской губернии, самые ранние из которых (Макаровского) датируются 1783 годом (см.: Государственный архив Иркутской области: Путеводитель. Иркутск, 1975. С. 20–21).

⁶⁶ Выше мы привлекли внимание к той предварительной архивной работе, которую довелось проделать Рожкову и о которой он упоминает в начале своей статьи. К сожалению, вне поля зрения читателя остаются, как правило, усилия, прилагаемые историком для «производства» данных, которому «приходится предварительно самому собрать весь необходимый для этой цели материал, постоянно преодолевая массу различных трудностей ... , путем различных остроумных комбинаций выводить самому статистические цифры, которые могли бы помочь осветить тот или другой вопрос» (Любович Н. Статистический метод в приложении к истории // Варшавские университетские известия. 1901. Кн. IX. С. 2–3).

лютных размеров численности населения, уровня рождаемости и смертности, оценкой прироста населения за счет «внешних» и «внутренних» факторов, получением сведений о половозрастной и сословной его структуре, соотношении производительного и непроизводительного населения и др.), но и результатом «побочным» — постановкой вопроса о необходимости в ходе дальнейшего изучения объяснить «прирост населения и изменения в нем ... внутренними ... хозяйственными условиями»⁶⁷.

В последующих разделах работы Н.А. Рожков воссоздает также исторические статистические ряды: цен на деньги, землю, продукцию сельского хозяйства, рыболовства и охоты, рабочую силу; количественных показателей продукции земледелия, скотоводства, звероловства и ремесла. Реконструирует статистику торговли, доходов и расходов населения, то есть стремится собрать воедино целый ряд критериев экономической активности местного населения и ее эволюции, объединяющим понятием для которых позднее станет конъюнктура.

Особое место в работе должен был занять раздел, посвященный бюджету населения Макаровской волости, ибо по мысли историка, структура доходов, отражаемая им, наиболее точно говорит о соотношении различных отраслей экономики, позволяет едва ли не исчерпывающе охарактеризовать тип хозяйственного развития региона. Однако, натуральный характер хозяйства, тот факт, что «доход от земледелия и скотоводства потреблялся натурой самим населением», позволил набросать самую «общую, суммарную картину», которая, впрочем, позволила «учесть значение целого ряда хозяйственных явлений, не нашедших себе места в предшествующем изложении»⁶⁸ — доходы от ямской гоньбы, перевозки кладей и тяги судов и др.

И все же историк не отказывается от выработанной программы исследований. Реконструируемую статистику он настойчиво соотносит с присущими местному хозяйству «системами и техникой земледелия и скотоводства», способами организации промыслового предпринимательства и торговли, меняющимся

⁶⁷ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 52.

⁶⁸ Там же. С. 82.

хозяйственным значением «обрабатывающей промышленности» (металлообработки, мукомольного производства) и т.д.⁶⁹

Однако в ходе анализа статистических рядов даже не это соотнесение представляется важным историку. А потому столь несоизмеримыми с проделанной работой по воссозданию исторической статистики представляются весьма скудные выводы, которыми завершает он каждый раздел своей статьи. Исследователь нередко и сам поддерживает в читателе сомнения — не являются ли «численно-выраженные факты» лишь формой изложения, а не методом анализа? — признаваясь на страницах статьи, что публикуемые им результаты могли быть получены и другим, более простым путем. «У нас нет недостатка и в прямых свидетельствах источников об этом»⁷⁰ — резюмирует ученый, словно бы кропотливая работа по реконструкции обращенных в прошлое статистических рядов проделана ... ради самих рядов.

Но это не так. Интуиция исследователя подсказывает ему, что создаваемая им история — это история движения, история изменчивости, история сдвигов в структуре экономики, наконец, история кризиса («регресса», «упадка»). Можно, конечно, определить характерные особенности хозяйства в различные исторические периоды, как это делает традиционная историко-экономическая наука, но нельзя понять причины изменений, происходящих в экономике во временной динамике. Однако стоит только «наложить» полученные статистические ряды друг на друга, как «высветятся» переломные точки в хозяйственном развитии исследуемого региона, отчетливее станут

⁶⁹ Уже эти «скромные синтетические суждения, всегда открывающие что-нибудь новое» статистическая наука тех лет считала серьезным достижением в деле применения количественных методов в общественном знании, справедливо полагая, что «накопление фактов — необходимое условие существования наблюдательной науки; обзор этих фактов невозможен без апостериорного синтеза, без сложения этих фактов. Задача статистики познакомить с действительным состоянием человеческого общества, т.е. массы людей, человеческих действий и их результатов. Но эту социальную массу нельзя наблюдать, не расчленив ее на элементы. Элементы сосчитываются, признаки этих элементов измеряются и в результате получаются определенные итоги, относящиеся к определенным рамкам времени и места» (Фортунов А. Количественный анализ в общественном знании // Народное хозяйство. 1900. Кн. 1. С. 18).

⁷⁰ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 70.

видны тенденции, получают ответ многие возникшие по ходу исследования вопросы.

Историк, таким образом, применяет простейший из выработанных к тому времени статистической наукой и практикой статистических приемов анализа, призванных «уловить закономерности и причинные зависимости» — «сравнения рядов цифр, изображающих различные признаки, находящиеся или предполагаемые находящимися между собою в какой-либо причинной зависимости и уловления могущего оказаться в колебаниях или иного рода изменениях параллелизма или антагонизма»⁷¹.

Н.А. Рожков отмечает два таких переломных момента в экономической истории Макаровской волости. Первый пришелся на самый конец XVIII в. и первое десятилетие века XIX — сравнительный анализ статистических рядов зафиксировал нарастание кризисных явлений в экономике региона: «территория делилась на пять малых волостей, разрозненных между собою, необъединенных; рост населения шел туго, процент непроизводительного населения был высок, земледельческая техника низка, ... караванная система торговли ... перестала уже удовлетворять в достаточной степени потребности»⁷².

В полном соответствии со своей историко-экономической концепцией именно в характере последней (т.е. торговли, обмена), Рожков усматривал «наиболее уязвимый пункт всей хозяйственной организации региона»⁷³. В начале следующего десятилетия в характере торговых отношений наблюдаются существенные изменения. Дороговизна доставки хлеба из губернского центра передвигает хлебные рынки ближе к изучаемому району. Тор-

⁷¹ Кауфман А.А. К вопросу о приемах историко-экономического изучения писцовых книг // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3–4. С. 172. Нередко можно встретить утверждение, что метод использования количественных показателей, не сопровождающийся, например, анализом репрезентативности выборки или характера распределения данных, не является в строгом смысле слова статистическим подходом к материалу. В этом отчетливо проявляет себя так называемый «презентизм», т.е. модернизация прошлого науки. В историю науки, используемых ею методов, входят и ее источники, ее предыстория, когда использование таких простейших количественных характеристик как среднее арифметическое или группировка признаков, бесспорно, свидетельствовали об осуществлении статистического анализа изучаемого исторического явления.

⁷² Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 87–88.

⁷³ Там же. С. 88.

говля приобретает более крупные формы благодаря появлению торговых посредников-скупщиков, действующих уже не вдали от волости, а на образовавшихся местных ярмарках. Последнее обстоятельство благотворно сказывается на экономике волости: растут абсолютные показатели развития отраслей, снижаются цены, начинается формирование подлинно товарного хозяйства с обширным рынком, что приводит, в конечном итоге, к административному оформлению волости в ее современных границах.

В 40-х гг. XIX в. беспристрастная статистика (а вслед за нею и исследователь), отмечает наступление нового кризиса, коснувшегося всех сфер хозяйственной жизни, негативно отразившегося на соотношении доходов и расходов местного населения, что привело к значительной его задолженности. Причину этого кризиса Н.А. Рожков усматривал в крепостном праве, а точнее — в специфике его проявления в Сибири, где крестьяне, в том числе рассматриваемой волости, в качестве крепостных государства были прикреплены к земле и тяглу, что «порождало вредную опеку», сдерживало развитие прогрессивных капиталистических отношений, уже готовых «вселиться в самые недра деревни»⁷⁴.

Можно оспаривать справедливость выводов, к которым приходит в конце своего «историко-статистического» исследования автор, предъявлять претензии к его конкретным расчетам (например, «цен на деньги»), однако, даже на невысоком уровне как исторических, так экономических, обобщений, попытка предложить метод, способный расширить понимание исторической эволюции хозяйственных процессов, должна быть признана значительным достижением отечественной экономической историографии начала века. Как и то, что метод использования количественных показателей, сопровождающийся статистическим анализом устремленных в прошлое динамических рядов, был использован для местного, локального понимания явлений хозяйственной жизни.

Систематизация знания. Работа Н.А. Рожкова в составе 44 тома «Известий ВСОИРГО» увидела свет лишь в первые дни 1915 года. Причиной тому была Первая мировая война, наложившая серьезные ограничения на издательскую деятельность

⁷⁴ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 88.

научных институций Иркутска. Война, впрочем, отразилась на всех сторонах их деятельности. Красноречивое свидетельство тому — запись в дневнике местного историка И.И. Серебренникова, сделанная им 28 августа 1914 г.: «За эту неделю я присутствовал на заседании Распорядительного Комитета Географического О-ва, Комитета Ирк. Отдела О-ва изучения Сибири, ученой Губернской архивной Комиссии и, нужно сказать, работа этих ученых обществ идет вяло. Не до науки в данное время. Разговоры часто переходят на военные темы...»⁷⁵. Местные научные общества проводят посвященные военной тематике публичные лекции, осуществляют сбор документов и предметов, связанных с войной, экспонируют их на выставке «Архив войны» и т.д.

Война обострила и политические противоречия внутри местной интеллигенции, оборвала и так не очень прочную связь «левых кругов» с научными институциями, заставив дистанцироваться от большинства проводимых под эгидой последних мероприятий. Военная проблематика выходит на первый план и в творчестве Рожкова-публициста. «Экономические причины мировой войны», «Хозяйственная безурядица на западе Европы», «Война и финансы России», «Война и хозяйство России» — темы лишь нескольких публикаций историка этого периода⁷⁶. В самом начале 1915 г. Н.А. Рожков и вовсе покинул Иркутск (переехав в Читу), куда ненадолго заедет лишь в 1917 г. накануне возвращения в европейскую часть России.

«Историко-статистическое исследование» Рожкова, однако, начало жить самостоятельной жизнью задолго до выхода в свет книжки журнала, благодаря оттилкам, традиционно печатавшимся небольшим тиражом для нужд авторов (нередко за их счет)⁷⁷.

⁷⁵ ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 1, л. 37.

⁷⁶ См.: Возвращенная публицистика: Указ. публ. Н.А. Рожкова в сиб. период. изд. 1910-1917 гг. / Авт.-сост. Борисова Т.А. Иркутск, 2003. С. 57-64.

⁷⁷ В личном фонде историка сохранился экземпляр такого оттилка (см.: НИОР РГБ, ф. 546, к. 2, д. 22). «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790-1917» ошибочно, на наш взгляд, дает сведения о двух изданиях «брошюры» Рожкова, увидевших свет соответственно в 1914 и 1915 годах (№ 13468 и 14175) (Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790-1917. В 3 т. Т. 2. 1901-1917 гг. / Науч. ред. Е.Б. Соболева. Новосибирск, 2004. С. 505, 558). Ошибка связана с неправильным описанием второго из упомянутых изданий, в чем читатель может убедиться, взглянув на его обложку, иллюстрирующую текст данной главы.

Уже в марте 1914 г. текст статьи обильно цитируется одним из участников дискуссии, развернувшейся на страницах газеты «Сибирь»⁷⁸. Исторические параллели, которые проводит в своей работе Н.А. Рожков между экономической историей Сибири и европейской части страны, стали едва ли не решающим аргументом в защиту вывода об отсутствии у Сибири своеобразного, отличного от российского пути развития, неизбежности становления капиталистических институтов и на этой окраине России⁷⁹.

В мае все того же 1914 г. небольшой рецензией на «брошюру» Рожкова в «Русских ведомостях» откликнулся давний оппонент его историко-экономических построений (и также ученик В.О. Ключевского) А.А. Кизеветтер, вне всякого сомнения, получивший оттиск непосредственно от своего бывшего коллеги. Ограничившись кратким пересказом «полного интереса» содержания «очерка», рецензент счел необходимым подчеркнуть, что само его появление — «отрадное доказательство того, что, и, будучи заброшен суровой судьбой в далекую Сибирь, в обстановке, крайне неблагоприятной для ученых занятий, Н.А. Рожков со свойственной ему энергией и силой характера не оставляет исследовательской деятельности в области русской истории»⁸⁰.

Куда более содержательной оказалась рецензия В.А. Ватина (Быстрянского), опубликованная в издававшемся в Иркутске журнале «Сибирский архив». Ее автор, и сам немало потрудившийся на ниве сибирской историографии, был солидарен с Рожковым в оценке состояния последней: «истории Сибири как научной дисциплины еще не существует, имеются только груды сырого материала, не только не обработанного, но даже не систематизированного»⁸¹.

⁷⁸ Поводом для полемики стала публичная лекция известного экономиста П.П. Маслова «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», прочитанная 11 марта в Иркутске по инициативе просветительских обществ города. Ряд ее положений вызвал неприятие со стороны «областнически» настроенной части местной интеллигенции (выразителем этих настроений стал укrywшийся за псевдонимом Irriden's И.Г. Гольдберг).

⁷⁹ П. С.-ъ. Необходимое объяснение (Ответ г. Irridensy) // Сибирь. 1914. 25 марта. С. 2.

⁸⁰ Русские ведомости. 1914. 14 мая. (№ 110). С. 6.

⁸¹ Сибирский архив. 1915. № 7–9. С. 426.

Ватин воспользовался появлением статьи Рожкова как поводом для размышлений о завоевавшем себе права «гражданства в современной историографии», в среде «чистой науки», материалистическом понимании истории. Однако, на взгляд рецензента, экономическое направление в историографии Сибири, в силу сложности самого предмета изучения, испытывает острый дефицит исследователей, получивших «серьезную научную подготовку», а не дилетантов от науки, не имеющих «понятия о задачах историографии и методах исторического изучения»⁸².

Сумел рецензент оценить и тот факт, что Рожков своей работой далеко выходит за узкие рамки местной исторической практики, поскольку «не ограничивается приведением нового и ценного материала, а дает ему научную обработку»⁸³.

Сосредоточив внимание на конечном, с точки зрения традиционной историографии, результате такой «научной обработки» — интерпретации конкретных тенденций, их значения и причин возникновения, В.А. Ватин (как, впрочем, до него и А.А. Кизеветтер), практически проигнорировал, однако, то, чем преимущественно и ценна работа Рожкова: источниковой и источниковедческой стороной процесса познания местной экономической истории, используемыми в ней приемами и методами выявления тенденций в хозяйственном развитии региона, а также обобщениями, полученными в результате анализа цифровых данных.

Рожков стремился заставить «внятно, громко и ярко говорить цифры» волостной статистики, а выводимые им «формулы», призванные отразить характер изучаемого периода хозяйственной эволюции региона, носили скорее описательный, нежели интерпретационный характер. Не случайно завершающий раздел работы посвящен им был «окончательному обобщению конкретного материала, сведенного и систематизированного в предшествующем изложении». Поиск же причин и значения кризисных явлений в экономике региона в прошлом, не имея самостоятельного значения, велся с использованием опыта прежних историко-экономических построений, столь ценимого историком метода аналогий.

⁸² Сибирский архив. 1915. № 7–9. С. 426.

⁸³ Там же. С. 427.

Упрек рецензента в слабом привлечении «к освещению работанного ... архивного материала литературы по истории Сибири»⁸⁴ не учитывает не только задач, которые ставил перед собой Рожков, но и локального масштаба исследования, для характеристики которого вполне уместно название экономической истории «снизу». Именно к необходимости различать в еще только пишущейся истории Сибири два похода призывал историк в своем «Историческом эскизе», опубликованном на страницах омского журнала «Сибирский студент» в 1915 году. Один — это «взгляд с птичьего полета», благодаря которому «достаточно ясно выступают и обрисуются основные, главные черты, выдвигающиеся в общей перспективе на первый план». При котором, однако, «сгладятся и потускнеют многие отдельные подробности, сами по себе немаловажные, которые нельзя игнорировать», столь актуальные в рамках второго подхода — «детального изучения» сибирской истории⁸⁵. Образец которого ученый продемонстрировал своим «историко-статистическим исследованием».

После выхода в свет этого небольшого очерка Н.А. Рожков больше не обращался к проблемам сибирской истории, чему в немалой степени «способствовали» предсказанные им «грядущие великие перемены, освежающее веяние которых уже сквозит сквозь кровавый туман»⁸⁶, вовлекшие историка, да и науку в целом, в свой круговорот.

⁸⁴ Сибирский архив. 1915. № 7–9. С. 428.

⁸⁵ Рожков Н. Исторический эскиз // Сибирский студент (Омск). 1915. № 1–2. С. 83.

⁸⁶ Там же. С. 84.

Глава 4.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: историческая секция ВСОРГО

... время обобщающих, охватывающих длинные периоды «историй» отошло... Ученые работают над отдельными эпохами, событиями, отдельными вопросами экономики, политики, культуры. История разрабатывается монографически. Такие монографии часто стоят многотомной «истории»

Н.Н. Козьмин, 1917

Занятиям Н.А. Рожкова хозяйственной историей «снизу», начатым в Сибири, суждено было продолжиться во второй половине 1920-х гг. уже в иной социально-политической ситуации. В условиях, когда официальная марксистская историография начала свой поход против любых попыток увести историческую науку с магистрального пути ее развития — изучения рабочего движения — в область «теоретико-экономическую», к которой относил экономическую историю, например, М.В. Нечкина.

Иной круг источников и, прежде всего, бухгалтерская отчетность и делопроизводственная документация промышленных предприятий, сосредоточенная в фабрично-заводских архивах, привлек внимание историка, в разработке которых, он, по меткому замечанию С.В. Бахрушина, стал «опытным и восторженным кормчим»¹.

Примечательно, при этом, что новаторским методологическим подходам Рожкова к изучению истории промышленных предприятий как хозяйственных организаций довелось получить самый живой отклик и найти верных последователей в Иркутске — в месте, где и родился его интерес к «детальной» реконструкции хозяйственной истории.

Программа исследований. Хотя Н.А. Рожков и был первым историком, обратившимся к вопросам методологии экономической

¹ Бахрушин С.В. Черновик исследования об исторической концепции Н.А. Рожкова // Архив РАН, ф. 624, оп. 1, д. 409, л. 18.

истории отдельного предприятия², не ему принадлежит приоритет в постановке задачи изучения истории предприятия как хозяйственной организации и выработке программы подобного изучения. Еще в 1921 г. такая программа была предложена И.М. Кулишером в рамках деятельности Ученой комиссии по исследованию истории труда в России при Петроградском совете профессиональных союзов³. В процессе обследования фабрично-заводских архивов ее сотрудникам предлагалось установить: юридическую форму предприятия или его владельца; условия возникновения предприятия; роль русского и иностранного капитала в создании фабрики; льготы установленные для предприятия правительством (государственные заказы, субсидии, монополии, льготы и т.д.); причины ликвидации предприятия; виды обрабатываемого сырья, его количество, цены, источники получения; виды изготавливаемой продукции и динамику цен на нее; условия сбыта продукции предприятия (рынки, посредники, конкуренция и т.д.); характер технологических процессов, виды используемых машин и двигательных установок; технические изобретения на предприятии; использование труда кустарей-надомников⁴.

Известным выступлением Н.А. Рожкова «К методологии истории промышленных предприятий» в Обществе историков-марксистов 9 апреля 1926 г. была открыта уже следующая страница истории этой исследовательской области, которая поэтому должна рассматриваться с учетом уже накопленного к тому времени наукой как позитивного, так и негативного опыта. В частности, высказывание Рожкова о том, что «много найдется охотников изучать историю рабочего движения на фабриках, но немного охот-

² Этот приоритет закреплён в «Очерках истории исторической науки в СССР», упоминающих о том, что начало исследованиям отдельных промышленных предприятий на основе разработки фабричных архивов «было положено в 20-х годах в Институте истории РАНИОН, где активная группа исследователей во главе с Рожковым занималась не только работой по изучению истории отдельных предприятий, но много труда и времени положила на разработку самой методики частных исследований» (Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966. Т. IV. С. 326).

³ См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 6276, оп. 6, д. 216, л. 21.

⁴ См.: Архив истории труда в России. Пг., 1921. № 1. С. 150.

ников найдется изучать сухой и трудный материал, касающийся фабрик, как предприятия, с экономической точки зрения»⁵, вполне могло быть адресовано историкам, сотрудничавшим с Ученой комиссией и ее журналом, акцент в деятельности которых действительно сместился в сторону изучения профессионального и революционного движения на предприятиях Петрограда.

Н.А. Рожков сформулировал в своем докладе те вопросы, ответы на которые позволяют получить, прежде всего, бухгалтерская отчетность и документы делопроизводства, обобщая опыт работы с архивом Прохоровской Трехгорной текстильной мануфактуры, которая осуществлялась под его руководством в Институте истории РАНИОН⁶. Динамика объемов производства, торгового оборота, заработной платы, прибыли, производительности труда, изменений в структуре капитала, смена форм организации производства, управления предприятием — вот далеко не полный перечень таких вопросов и одновременно программные вопросы историко-экономического изучения отдельного предприятия. Последнее в такой интерпретации (как и в случае с программой И.М. Кулишера) представляет собой фактически часть экономической истории, которая в качестве источников привлекает делопроизводственную документацию предприятия и рассматривает последнее в качестве основного объекта исследования.

Обилие материала, столь непривычного для историка (который, в силу этого, «должен быть энциклопедистом, ... до некоторой степени бухгалтером, чтобы за бухгалтерскими фикциями вскрыть подлинную действительность»⁷), а также трудоемкость его обработки, обусловили необходимость организации коллективной работы над архивными документами. Таковая осуществлялась учениками Н.А. Рожкова, под его руководством и наблюдением. Наличие программы и коллективный характер работы создавали

⁵ Рожков Н.А. К методологии истории промышленных предприятий (стенограмма доклада на заседании 9 апреля 1926 г.) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 224.

⁶ См. его посмертно опубликованную статью: Рожков Н.А. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 76–110.

⁷ Рожков Н.А. К методологии ... С. 211.

прочный методологический фундамент и придавали масштабность исследовательскому проекту, который, впрочем, был ограничен изучением истории лишь столичных предприятий.

Исключением стала публикация еще на страницах журнала Ученой комиссии по исследованию истории труда (с которым сотрудничал и сам Рожков) статей Е.Ф. Дюбюк о тобольской полотняной и П.Г. Любомирова об иркутской суконной фабриках⁸, написанных, однако, на основе материалов центральных архивов. Появление же в печати работ, выполненных за рамками упомянутых научных институций, встречалось некоторыми скороспелыми «историками-марксистами» из числа учеников Рожкова, поднаторевшими в «материалистическом понимании истории», упреками в отсутствии у их авторов не только «плана и замысла по изучению местной промышленности», но и попыток разработок архивов отдельных фабрик⁹.

Чаще других объектами таких нападков были провинциальные научные учреждения, учебные заведения, общества и музеи, что, помимо всего прочего, свидетельствовало о незнании тех реальных процессов, которые происходили в провинциальной исторической науке в области организации исследований и их результативности. Подтверждение тому — деятельность исторической секции Восточно-Сибирского отдела русского географического

⁸ См.: Дюбюк Е. Тобольская полотняная фабрика в начале 19-го столетия // Труд в России. 1924. Кн. 2. С. 38–44; Любомиров П. Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики (1793–1802) // Труд в России. 1925. № 1. С. 54–70. Интерес П.Г. Любомирова к проблемам сибирской истории был не случайным. Историк заведовал историко-этнографическим отделом, созданного в 1919 г. Института исследования Сибири (Томск). Принимал активное участие в деятельности исторической секции Сибирского научного кружка им. Г.Н. Потанина, работавшего при Томском университете и проводившем курсы по сибиреведению, для которых Любомиров разработал лекцию «Значение изучения истории Сибири» (см.: ГАИО, ф. р-1860, оп. 1, д. 20, л. 7). Последующие занятия с материалами архивов Министерства внутренних дел и Мануфактур-коллегии, сосредоточенными в Централхиве, привели к появлению названной выше статьи (рукопись работы, озаглавленная «Иркутская суконная фабрика», а также подготовительные материалы к ней, хранятся в личном фонде ученого в Государственном историческом музее (ОПИ ГИМ), ф. 470, д. 21).

⁹ Зельцер В. Краеведение в руках буржуазных ученых [Рецензия] // Историк-марксист. 1928. № 10. С. 248. — Рец. на кн.: Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков / Под ред. С.В. Бахрушина. М., 1928.

общества во второй половине 1920-х годов, наглядно демонстрирующей пример переноса знания из центра на периферию. Программы изучения экономической истории отдельных предприятий, выработанные петербургскими и московскими учеными, содержащиеся в них методологические подходы, и даже присущие им коллективные формы организации исследовательской работы, были не просто заимствованы этой провинциальной исторической институцией, но и адаптированы к местным условиям.

Толчком к формированию программы историко-экономического обследования промышленных предприятий Иркутской губернии стал, по всей видимости, доклад на Первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде (Новосибирск, 1926) С.В. Бахрушина, в котором, под очевидным влиянием работ Рожкова (к творчеству которого, как уже неоднократно отмечалось, он проявлял повышенный интерес), среди первоочередных задач сибирской исторической науки было названо монографическое изучение местных промышленных предприятий. На его взгляд, «это должна быть не формальная история заводов, а история производства, история заводского рабочего населения. Тут все материалы в руках местных сибирских историков... Особенно чувствуется потребность в монографическом изучении отдельных заводов на всем протяжении их существования, которое позволило бы дать полную картину эволюции производственных процессов и положения рабочих»¹⁰.

Семена были брошены Бахрушиным на уже подготовленную почву. В обсуждении его доклада и перспектив исторического изучения Сибири самое активное участие принял председатель ВСОРГО тех лет Пантелеймон Константинович Казаринов (1885–1937), сыгравший, как нам представляется, решающую роль в смене приоритетов в деятельности исторической секции этой научной институции. Еще в 1921 г., будучи членом Восточно-Сибирского научного комитета по исследованию Сибири, он предпринял поездки по Балаганскому, Черемховскому и Иркутскому уездам, в ходе которых особое внимание уделил вопросам

¹⁰ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск, 1926. Т. V. С. 63.

сохранности архивов местных промышленных предприятий в селах Тельма и Усолье, а также «промышленной археологии» этих населенных пунктов, где «имеются старинные и интересные в архитектурном отношении здания, которые до сего времени ни зарисованы, ни сфотографированы не были, как напр., б[ывший] ткацкий корпус, церковь, стеклян[ная] фабрика, прядильня и пр.»¹¹ Собранные в ходе экспедиций материалы легли в основу подготовленных им «Историко-экономических очерков Прибайкалья»¹². Интерес к истории местной промышленности не угас и после отъезда исследователя из Иркутска в 1927 г.¹³

Первый краевой научно-исследовательский съезд сыграл решающую роль в «смене вех» в развитии гуманитарных наук в Сибири (а Иркутск в те годы был «не только центром гуманитарных изуче-

¹¹ ГАИО, ф. 480, оп. 1, д. 330, л. 10. Информацию о результатах поездок под заголовком «Гибель архивов» оперативно напечатал журнал «Печать и революция»: «Многие волостные и уездные архивы Иркутской губернии представляют выдающийся исторический интерес. Почти все они не исследованы и не описаны. Бурные события революции многое рассыпили и уничтожили, а что осталось от них, погубил бумажный голод многочисленных учреждений... П.К. Казаринов, обследовав места погибших архивов, рылся в остатках бумаг и среди них нашел ряд ценных документов...» (Печать и революция. 1921. Кн. 3. С. 314–315). Автором этой и других подобных заметок в центральных изданиях был Г.И. Поршнев, черпавший информацию из писем П.К. Казаринова и А.Н. Турунова (см.: ГАИО, ф. 480, оп. 1, д. 377, л. 2об).

¹² Там же, ф. р-565, оп. 1, д. 65, л. 16. Рукопись работы, по всей видимости, не сохранилась.

¹³ В анкете члена Общества изучения Сибири и ее производительных сил Казаринов называет «историю хозяйственного развития» в качестве своей специальности. А среди подготовленных, но не увидевших свет работ, укажет статьи «История народного хозяйства в краеведческой работе» и «Алтайские горные заводы в XVIII и XIX вв.» (Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. р-217, оп. 1, д. 262, л. 199–199об). Незадолго до своего ареста (за которым последовало заключение в Соловецком лагере особого назначения, новые обвинения в государственных преступлениях, расстрел по решению особой «тройки») в письме в Иркутск он сообщит: «Работаю и по истории — над рядом архивных материалов. Меня крайне интересует история Колывано-Воскресенских горных заводов на Алтае. Нашел очень ценный материал» (ГАИО, ф. 480, оп. 1, д. 377, л. 3). Можно предположить, что источником разрабатывавшихся Казариновым материалов был фонд библиотеки Колывановских заводов Алтайского горного округа, вошедшей в состав собрания «Общества изучения Сибири и ее производительных сил», в свою очередь, заложившей основу фонда Сибирской краевой научной библиотеки, первым директором которой он являлся (см.: Книга и книжное дело Сибири. Новосибирск, 1989. С. 234–240).

ний на территории Сибирского края, но, пожалуй, единственным пунктом организации этих работ»¹⁴). Если до- и первые послереволюционные годы общественно-научные учреждения региона делали объектом изучения какую-либо часть гуманитарного знания в зависимости от научных интересов сотрудничавших с ними исследователей, то съезд со всей определенностью обозначил проблему индустриализации в качестве «отправного пункта развертывания» научно-исследовательских работ в регионе, то есть, по существу, сделал участие в ее решении условием обеспечения их организационной и финансовой поддержкой со стороны государства.

Эта цель не скрывалась организаторами, а готовность следовать ей была прямо на съезде подтверждена в докладах некоторых его участников. М.К. Азадовский, например, определяя место и роль гуманитарных дисциплин в комплексном изучении региона в новых условиях, заявил о необходимости поставить их в тесную связь с «изучением и улучшением хозяйственного быта». На заданный самому себе вопрос о том, «не является ли это только данью времени, стремлением спасти свои интересы, стремлением сохранить свое место в общем плане краевой научно-исследовательской работы», ученый со всей откровенностью дал утвердительный ответ: «я вынужден был — и не я один — пересмотреть все эти вопросы заново, с иной точки зрения оценить свою позицию и свое место»¹⁵.

Еще более определенно идею «социального заказа» применительно к выдвинутым на съезде новым задачам исторического изучения Сибири сформулировал непосредственный участник предпринятых вскоре работ Н.Н. Козьмин: «...в области исторической научная организация брала тематику, указанную руководящими органами в качестве особо актуальной»¹⁶.

Не удивительно поэтому, что 1926 г. внес серьезные изменения, как в организацию, так и в направленность многих гумани-

¹⁴ Азадовский М.К. Гуманитарные изучения в Иркутске в 1926/1927 гг. // Человек. 1928. № 1. С. 99.

¹⁵ Азадовский М.К. Место и роль фольклора в организации краеведческих изучений // Труды Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. V. Новосибирск, 1928. С. 78.

¹⁶ ГАИО, ф. р-1406, оп. 3, д. 334, л. 17.

тарных, в том числе исторических, исследований в Иркутске. Историческая секция ВСОРГО сначала несколько скорректировала направление своей деятельности, положив в ее основу «изучение экономики края»¹⁷, а уже весной следующего 1927 г. предприняла конкретные шаги в этом направлении, наметив «ряд поездок в близлежащие промышленные пункты для изучения истории промышленности района»¹⁸.

В июне того же года Совету ВСОРГО была представлена рассчитанная на три года программа «историко-экономического изучения Прибайкалья» (именно под таким названием она была анонсирована информационным бюллетенем «Сибиреведение»¹⁹). В рамках последней, используя «не только архивный, но и вообще имеющийся материал», предполагалось силами членов секции провести работу по обследованию промышленных предприятий бывшей Иркутской губернии²⁰. Был выработан примерный план подобных обследований, намечавший изучение:

- географических и экономических причин, обусловивших создание предприятия;
- юридического статуса предприятия на разных этапах его истории;
- капиталов, вложенных в предприятие;
- «протекции», т.е. поддержки предприятия со стороны казны, правительства и т.д.;
- положения рабочих и их юридического статуса;
- условий труда рабочих;
- влияния предприятия на быт окружающего (прежде всего, сельского) населения;
- участия рабочих предприятия в революционном движении;
- песен, легенд, сказаний и воспоминаний старожилов, связанных с предприятием;
- литературы о предприятии²¹.

¹⁷ ГАИО, ф.р-565, оп. 1, д. 68, л. 6.

¹⁸ Там же, оп. 3, д. 31, л. 42 (об).

¹⁹ См.: Сведения о летних научно-исследовательских работах, намеченных к проведению в Сибирском крае летом 1927 года // Сибиреведение (Новосибирск). 1927. № 5. С. 19.

²⁰ ГАИО, ф.р-565, оп. 1, д. 84, л. 2 (об).

²¹ См.: там же, л. 3.

Исследователи. Несмотря на то, что Иркутск был центром гуманитарных исследований в Сибири, в рассматриваемый период он испытывал острый недостаток в квалифицированных кадрах историков. Бурные события революции, а также открытие нового университета на востоке страны лишь на короткий срок привлекли в стены последнего профессуру из основных университетских центров. «Провинциальный» период их жизни и творчества уже в начале 1920-х гг. завершился либо эмиграцией, либо возвращением в европейскую часть России²². По словам все того же М.К. Азадовского, «вследствие отсутствия на Иркутском Педфаке общественно-исторического отделения не могут вернуться с достаточной широтой в Иркутске исторические изучения. Последние представлены, гл. обр., проф. Н.Н. Козьминым (ист. этногр., ист. Сиб., ист. бур. народа), доц. В.П. Денисовым (всеобщ. ист.), асс. М.К. Одинцовой (рус. ист.), А.И. Михайловской (зав. Ист. Отд. Обл. Науч. Муз.) и нек. др. ... Единственной специальной исторической ячейкой следует признать Ист. Секцию ВСОРГО (под руков. В.П. Денисова)»²³.

Весьма внушительное число членов исторической секции ВСОРГО, которых в 1927–1928 гг. насчитывалось 26 человек²⁴, не должно вводить в заблуждение. Значительную их часть составляли преподаватели школ 2-й ступени, недавние выпускники факультета общественных наук университета, а также краеведы-любители. Лишь немногие, в основном преподаватели университета, сотрудники архива и музея, были заняты научными разысканиями в соответствии с принятой программой. Хотя и они нередко ссылались «... на свою загруженность занятиями и на недостаток времени заниматься работой, не связанной тесно с их занятиями по специальности»²⁵.

²² См. подробнее: Майдачевский Д.Я. Их путь в изгнание лежал через Иркутск. К истории русской научной эмиграции в Харбине // Восток и Россия: взгляд из Сибири: Матер. и тез. докл. регион. научн.-практ. конф. Иркутск, 1996. С. 388–391; Он же. История хозяйственного быта в Иркутском государственном университете: 1920-е годы // История вузов России: Материалы шестой Всероссийск. заоч. науч. конф. СПб., 1997. С. 66–68.

²³ Азадовский М.К. Гуманитарные изучения в Иркутске в 1926/1927 гг. ... С. 100.

²⁴ ГАИО, ф.р-565, оп. 2, д. 76, л. 19.

²⁵ Там же, оп. 3, д. 31, л. 46.

Несмотря на это, в рамках ВСОРГО сложился творческий коллектив, подлинными лидерами которого стали В.С. Манассеин и М.К. Одинцова — призванные под знамена исторических изысканий Сибири едва ли не последние выпускники дореволюционной высшей школы. Хотя общее руководство программой историко-экономического изучения Прибайкалья, решение организационных и экономических вопросов, лежало на председателе исторической секции В.П. Денисове²⁶, ее научным руководителем, идейным вдохновителем, стал Н.Н. Козьмин.

Имя Николая Николаевича Козьмина (1872–1938) уже неоднократно встречалось на страницах нашей работы, что не случайно, поскольку в течение многих лет он был едва ли не единственным профессиональным историком в Иркутске (окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в 1896 г.), чье творчество было связано с сибирской историей. Начиная с магистерской работы «Организация служи-

²⁶ Мы оставляем за рамками нашего исследования фигуру Валериана Петровича Денисова (1876–?), небезынтересную с точки зрения истории местной науки и образования, в том числе и историко-экономического. Выпускник Санкт-Петербургского университета, преподаватель частной гимназии Т.К. Штемберга и торговой школы Министерства финансов, он был сослан на поселение в Иркутскую губернию в 1910 г. одновременно с Н.А. Рожковым (ГАИО, ф. 34, оп. 1, д. 545, л. 129). Сотрудничал с последним в газетах «Молодая Сибирь» и «Новая Сибирь». После Октябрьской революции жил и работал в Томске, где руководил школьным отделом губернской земской управы и редактировал журнал «Школа и жизнь Сибири» (см.: Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. 1917–1930 гг. / Отв. ред А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2002. С. 58–59). С 1922 г. на преподавательской работе в Иркутском университете: ассистент, а с 1925 г. — доцент по кафедре всеобщей истории педагогического факультета. В течение нескольких лет вел занятия по истории хозяйственного быта Западной Европы и России. В 1927–28 уч. году возглавил, недолго, впрочем, просуществовавшую, кафедру истории хозяйственного развития на факультете права и местного хозяйства (ГАИО, ф. р-71, оп. 1, д. 325, л. 8). Результатом занятий историей хозяйственного быта стала подготовленная им для сборника трудов профессоров и преподавателей университета, но так и не увидевшая свет, статья «Великий переворот в области торговых путей в XV–XVI вв. (от средиземноморской торговли к океанической)» (там же, д. 283, л. 18). В своем письме, адресованном в 1927 г. Н.А.Рожкову, Денисов определил область своих научных интересов: история торговых отношений итальянских средневековых республик с Крымом и побережьем Азовского и Черного морей (см. ОР РГБ, ф. 546, к. 22, д. 37, л. 2, об-3), которая, как видим, предельно далека от сибирской проблематики, занятий возглавлявшейся им научной институции.

лого продовольствия в Сибири в XVII в.», лишь малая часть которой была опубликована²⁷, не был он чужд и проблем истории экономики региона.

Интерес к местной экономике был обусловлен и практической его деятельностью. Сначала на должностях секретаря поземельно-устроительного отряда и производителя работ по составлению отводных записей в Иркутске (1896–1903), а впоследствии — консультанта по экономическим вопросам, заместителя председателя экономического совета, заместителя народного комиссара земледелия и даже Председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР (1922–1925), куда Н.Н. Козьмин вернулся после двух лет эмиграции в Харбин. Экономической проблематике посвящены и многие выявленные наукой публикации ученого этих периодов²⁸.

Именно на кандидатуре Козьмина остановила свой выбор администрация Иркутского университета, предложив в 1923 г. занять должность профессора истории, исполнять обязанности которого он начал лишь с 1925 г. чтением курса истории Сибири.

*Николай Николаевич Козьмин
(фото, 1925 г.)*

²⁷ Козьмин Н.Н. Администрация государственной пашни в Сибири XVII в. // Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. 266 с. Укажем на вошедшие в этот сборник и частично опубликованные в других изданиях работы: «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии», «Хлеб за ясак», «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии».

²⁸ Харитонов В., Харитонов М. Н.Н. Козьмин // Н.Н. Козьмин — историк, этнограф, краевед, журналист, общественный деятель (1872–1938): Биобиблиографический указатель. Улан-Удэ, 1999. С. 4–6. Доминирование экономических сюжетов в работах Козьмина отмечает и современный исследователь его творческого наследия (см.: Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин — историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: Матер. регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. Ч. 2. С. 105).

*Мария Константиновна
Одинцова (фрагмент
фотографии, 1928 г.)*

Возобновляет ученый и свое сотрудничество с ВСОРГО, прерванное за годы отсутствия в Иркутске, став членом созданной в октябре 1922 г. исторической секции. Учитывая верно подмеченные современной историографией особенности его исследовательской лаборатории, заключающиеся в крайне незначительном интересе к архивным разысканиям, склонности к постановке проблем, нежели их детальной разработке²⁹, на Козьмина была возложена задача консультировать непосредственных исполнителей, именно с ним должны были они обсуждать план, ход работы и полученные результаты³⁰.

Наибольшее влияние взгляды «мэтра» на прошлое промышленной организации сибирской экономики оказали на М.К. Одинцову.

Мария Константиновна Одинцова, урожденная Турицына (1884–1972), после окончания в 1902 г. с золотой медалью Иркутской женской гимназии поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, где слушала лекции Н.И. Кареева, И.М. Гревса, М.И. Ростовцева и «...занималась русской историей под руководством профессоров С.Ф. Платонова и С.М. Середонина»³¹. По окончании курсов (обучение на которых затянулось в виду краткосрочной высылки на родину из-за участия в студенческих волнениях 1905 г.) в 1908 г., М.К. Одинцова занимала должность преподавателя истории в частных женских гимназиях Иркутска.

После революции преподавала в школах второй ступени. В октябре 1925 г. была утверждена сверхштатным ассистентом по кафедре русской истории Иркутского университета. В сво-

²⁹ Кузьмин Ю.В. Указ. соч. С. 104–105.

³⁰ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 43.

³¹ Там же, ф.р-2731, оп. 1, д. 52, л. 118.

ей характеристике Одинцовой как кандидату на эту должность В.П. Денисов писал: «Преподавательница Обществоведения в Советской школе г. Иркутска М.К. Одинцова получила основательную подготовку и прошла хорошую школу на Высших женских курсах в Петербурге и после этого почти 15 лет занимается преподаванием в средней школе. Вместе с тем, она обнаруживает также живой научный интерес к вопросам русской истории, в особенности истории Сибири, избрав специальным вопросом для своих научных занятий исследование положения крестьянского и заводского населения в Восточной Сибири»³².

Тему первых научных публикаций определил 100-летний юбилей восстания на Сенатской площади, положивший начало интенсивной разработке иркутскими историками темы «Сибирь и декабристы». Как отметила М.К. Одинцова в датированной 1951 г. автобиографии, «в результате привлечения новых архивных данных явилось исследование, отдельные части которого были напечатаны в 1927 г. и в 1928 г. Вследствие передачи “Архива декабристов” из Иркутска в Центральный архив моя научная работа сосредоточивается на теме «История фабрик и заводов Иркутской области (Восточной Сибири)»³³. Выбор новой темы для разысканий был обусловлен и избранием М.К. Одинцовой в 1926 г. действительным членом ВСОРГО с последующим возложением на нее обязанностей секретаря исторической секции этой научной институции, приступившей тогда же к работам по истории местной промышленности.

Куда более скромными сведениями располагаем мы еще об одном участнике программы — Владимире Сергеевиче Манасеине (1878–1938)³⁴ — выпускнике Николаевского военно-инженерного училища в Санкт-Петербурге и юридического факультета Казанского университета (1911 г.). Оставленный для подготовки к профессорскому званию, он принимал участие

³² ГАИО, ф.р-2731, оп. 1, д. 52, л. 92.

³³ Там же, л. 35.

³⁴ Основная часть биографической информации о В.С. Манасеине почерпнута нами из статьи А.Н. Гаращенко «В.С. Манасеин: материалы к биографии» (Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: Матер. регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2000. Ч.1. С. 118–122).

в деятельности университетского «Общества археологии, истории и этнографии», что свидетельствует о его интересе к истории и склонности к научным занятиям в этой области знания. Можно предположить, однако, что мировая война, революция и гражданская война направили течение жизни Манассеина, имевшего военное образование, по совершенно иному руслу. Лишь в самом начале 1920-х гг., оказавшись в Иркутске, он в уже зрелом возрасте продолжил академическую карьеру чтением курсов истории права, истории русского права и конституционного права в местном университете³⁵.

*Владимир Сергеевич Манассеин
(фрагмент фотографии, 1920-е гг.)*

В 1923 г. В.С. Манассеин становится членом исторической секции ВСОРГО (даже исполнял обязанности товарища ее председателя), где занимается изучением памятников местной старины и истории города, то есть вопросами, акцент на разработке которых делала эта научная институция на начальном этапе своего существования. В 1925 г. он возглавил университетскую библиотеку, что не могло не отразиться на характере и направленности его научно-исторических занятий, а также месте и роли в реализации коллективного проекта.

Производство знания. На первом этапе реализации программы, в соответствии с утвержденным планом, летом 1927 г. были осуществлены экспедиции для сбора материалов о фарфоровой фабрике и кожевенном производстве в Хайту и Бельск; о солеварении, спичечной фабрике и винокуренном заводе в Усо-

³⁵ ГАИО, ф.р-71, оп. 1, д. 163, л. 1–2.

лье и Александровский завод; о суконной фабрике и стекольном производстве в Тельму³⁶.

Результаты поездок не заставили себя долго ждать. Уже в июле Президиум ВСОРГО, на основании сообщения М.К.Одинцовой (вернувшейся с Тельминской суконной фабрики) о фактах расхищения фабричного архива, ходатайствует перед Окружным архивным бюро «... изъять названный архив из ведения фабрики и, вообще, все архивы при различных фабрично-заводских предприятиях округа взять под свое покровительство, предполагая что и в других местах возможны случаи расхищения»³⁷.

Информация о плачевном состоянии архивов промышленных предприятий оказалась столь впечатляюща, что с самыми первыми результатами предпринятых исторической секцией ВСОРГО экспедиций, дабы побудить местные власти и общественно-научные организации к их спасению, решил познакомить читателей печатный орган Центрального бюро краеведения (ЦБК): «Научные исследователи, работавшие в разных местностях Иркутского Округа нынешним летом, в своих отчетах отмечают одно крайне печальное явление, а именно: имеющие научную ценность архивы на местах гибнут. Архивы поздних лет бесследно погибли, частью от небрежного хранения, частью от гражданской войны. Сохранившиеся же архивы нередко находятся в таком хаотическом состоянии, что разобраться в них нет никакой возможности. Большая часть архивов обычно помещена где-нибудь в уголку, в сырых, холодных нежилых помещениях, тлеют от сырости; их грызут мыши и расхищают местные жите-

³⁶ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 42(об). О том, как формулировались поставленные перед участниками экспедиций задачи, позволяет судить текст командировочного удостоверения, выданного М.К. Одинцовой: «Предъявитель сего действительный член Вост.-Сиб. Отд. Гос. Рус. Геогр. О-ва и Секретарь Ист. секции того же отдела Мария Константиновна Одинцова командирована в с. Тельму для собирания материалов и изучения на месте промышленных предприятий данной местности в историческом отношении (с момента их возникновения до настоящего времени). На основании этого Совет ВСОРГО просит местные советские учреждения, общественные организации и частных лиц, к которым будет обращаться М.К. Одинцова по вопросам, связанным с ее командировкой, оказывать ей всемерное содействие в интересах успешного выполнения возложенного на нее поручения» (там же, ф.р-2731, оп. 1, д. 52, л. 14).

³⁷ Там же, ф.р-565, оп. 1, д. 84, л. 12.

ли, не представляя себе их значения. Так, архив Тельминской суконной фабрики исследователем найден в углу каменной кладовой, крыша которой протекает; вода подтекает под груды бумаг, почему нижний слой документов сгнил, чернила расплылись, смылись, и часть интересных документов погибла. Тельминский волостной архив погиб совершенно: сравнительно недавно был передан в местный кооператив, который израсходовал его как бумагу для завертывания покупок...»³⁸.

Материалы обнаруженного М.К. Одинцовой архива промышленных заведений, принадлежавших предпринимателям Белоголовым и Останиным, охватывавшего период с 1858 по 1900 гг. и состоявшего из конторских книг, писем и делопроизводственных документов (касающихся преимущественно Тельминской суконной фабрики), часть которых была вывезена историком в Иркутск, легли в основу доклада на заседании исторической секции 15 ноября 1927 г. (первого из серии докладов по вопросу об истории фабрично-заводской промышленности Иркутской губернии)³⁹, а после их обработки — научной статьи.

Мы разводим два этих события научный доклад и публикацию статьи — полагая, что последняя уже несет на себе следы влияния теоретико-методологических и историко-экономических построений Н.Н. Козьмина, в том же номере «Известий ВСОРГО» опубликовавшего работу «История сибирской промышленности и ее изучение».

Эта небольшая статья Н.Н. Козьмина представляет значительный интерес в силу ряда причин. Во-первых, интересна она признанием выработанного исторической секцией плана систематического изучения экономики Восточной Сибири в «динамическом разрезе» как весьма своевременного и удачного подхода к «построению местных исторических изучений»⁴⁰. Во-вторых, — предпринятой в ней попыткой (едва ли не впервые в сибирской историографии) дать обзор истории изучения не только сибирской промышленности, но истории экономики в целом. В-третьих, —

³⁸ Известия ЦБК. 1927. № 10. С. 368.

³⁹ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 38.

⁴⁰ Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности и ее изучение // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1928. Т. LIII. С. 81.

неизбежной корректировкой заимствованных у столичных коллег подходов к изучению экономической истории отдельного предприятия. Предприятия начинают рассматриваться уже как часть региональной социально-экономической системы, что весьма важно для понимания тех метаморфоз, которые претерпели первоначальная программа изучения истории промышленных предприятий Прибайкалья, да и сами научные практики, испытывавшие влияние местного окружения, в котором применялись (этнографическая и фольклорная составляющие исследований). В-четвертых, прозвучавшей в ней мыслью о необходимости включения в реконструкцию экономической истории края жизнеописаний крупнейших купцов-предпринимателей, создания «исторической портретной галереи промышленных деятелей Восточной Сибири».

Наконец, Н.Н. Козьмин последовательно реализует в статье применительно к новой исследовательской области, выработанные многими годами ранее подходы к изучению прошлого. Не отрицая важности работы по накоплению фактических материалов и их предварительной систематизации, историк, предупреждает об опасности ее превращения в «спорт коллекционирования», не имеющий отношения к научному решению задач, стоящих перед историей. Работа историка, даже на начальном ее этапе, должна «освещаться обобщающей мыслью», пускай это всего лишь «вспышки молнии»: «интересные сближения, ценные аналогии, счастливые догадки». «Обобщающая работа не может претендовать на научную безукоризненность, но она может дать указания на существующие пробелы в накопленных материалах, наметить кое-какие ближайшие задачи для исследователей и вызвать сознательный интерес к определенно поставленным проблемам»⁴¹.

В новых социально-экономических и политических условиях потребность в обобщающих работах, считает историк, многократно возрастает. Историческая наука нуждается в них для планомерной организации коллективных исследований⁴². Вот и в новой своей статье Козьмин высказывает идею, что под влия-

⁴¹ Козьмин Н. Источники для изучения истории Минусинского края // Сибирские записки (Красноярск). 1917. № 3. С. 96.

⁴² См.: Козьмин Н.Н. Новое в сибирской истории // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 256.

нием «местной географической и экономической обстановки» в Сибири сложилась весьма специфическая форма хозяйственной организации предприятия — «сибирский комбинат торгово-промышленного типа». «При наличии такого комбината, — считал историк, — капитал, не будучи абсолютно великим, все время обращался, не выходя из пределов одного торгово-промышленного предприятия, непрестанно нарастая. Вместе с тем убыток в одной части предприятия компенсировался прибылями по другому, причем было всегда в наличии какое-либо, находившееся в особо благоприятном финансовом положении, дело. Если оно не возникало естественно, владелец добивался для какой-либо части комбината казенной субсидии, как имеющей “государственное значение”, или “общий интерес”. Это был почти трафарет»⁴³.

Именно таким «трафаретом» в полной мере воспользовалась М.К. Одинцова, что отразилось уже на подзаголовке ее статьи — «Тельминский промышленный комбинат во второй половине XIX века». Под этим же углом зрения рассматривает она факт продажи казенной фабрики в частные руки — событие, положившее начало этапу в жизни предприятия, который и стал предметом ее непосредственного изучения. Покупка Тельминской суконной фабрики купцом В.А. Останиным, по оценке историка, отвлекла у того лишь часть, и при том крайне незначительную, капиталов, обращавшихся в торговле. Торговый капитал в Сибири имел куда более прибыльные возможности вложения, нежели производство. Поэтому, на ее взгляд, «только низкой продажной ценой Тельминской фабрики можно было привлечь частного предпринимателя. Купив фабрику, Останин не вполне доверял новому для него помещению капитала, а поэтому свободную наличность употребил не на расширение имеющихся производств, а на постройку винокуренного завода, прибыль с которого была несомненна»⁴⁴. И в ходе дальнейшего изложения Одинцова регулярно сопоставляет различные виды производств Тельминского

⁴³ Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности ... С. 83.

⁴⁴ Одинцова М.К. Из истории промышленного капитализма в Сибири. Тельминский промышленный комбинат во второй половине XIX века // Известия ВСОРО. Т. LIII. Иркутск, 1928. С. 89.

«комбината» с точки зрения стоимости их продукции, числа занятых работников и получаемой прибыли.

Историк ставила перед собой задачу познакомить читателя с результатами лишь предварительной разработки архивных материалов, предупреждая, что завершённый вид работа обретет только после приведения последних в порядок. Однако, даже отрывочные данные из годовых отчетов («Сведений о степени благосостояния Тельминской фабрики в 18... году», «Сведений о выработке изделий на фабрике Иркутского купца В.А. Останина, состоящей в Тельминском селении, за 18... год» и т.п.), вводимые ею в научный оборот, позволили практически за полстолетия проследить динамику основных экономических показателей деятельности предприятия: стоимости производимого фабриката и численности занятых рабочих, не говоря уже об изменениях в ассортименте производимой продукции, доле внутреннего потребления и т.д.

М.К. Одинцова демонстрирует возможности «расчетных книг» дать представление о заработной плате и категориях занятых на предприятии работников, использовании каторжного труда и труда детей. Записи лишь в одной главной бухгалтерской книге за 1877 год позволили исследователю проследить динамику прибыли за пятнадцатилетний период. Конторские книги расширили представление о жизни и быте местных тельминских крестьян, которые имели устойчивый доход благодаря поставкам на фабрику продовольствия, а также «глины, песку, извести, дубу березового, бочек, сена, дров и проч.»⁴⁵ Из обнаруженной переписки историк извлекает сведения о поставщиках сырья и материалов на фабрику, а также рынках сбыта и основных потребителях.

Большое и вполне объяснимое внимание автор уделяет «техническому оборудованию фабрики», обновлением которого объясняет некоторое увеличение выработки продукции с одновременным сокращением числа занятых рабочих в течение рассматриваемого периода, а с отсталостью — упадок производства к его концу. «Промышленное заведение, — по словам истори-

⁴⁵ Одинцова М.К. Из истории промышленного капитализма в Сибири... С. 91.

ка, — напоминает организм. Как для живого организма наиболее важное значение имеет сердце, так для фабрики и завода — двигатель. Сердце же Тельминской суконной фабрики уже давно износилось — двигателем и в 1898 году, как и в 1851-м все еще служило старинное водяное колесо, тогда как паровая техника делала гигантские успехи и завоевывала рынок. Частичное обновление машин ... производило только временное улучшение, не изменяя производительности труда по существу. И когда с проведением железной дороги хлынуло в Сибирь дешевое сукно, фабрика не выдержала и стала»⁴⁶.

Лишь в нескольких фразах, да и то основанных на «устных преданиях», характеризует Одинцова существовавшую на фабрике «систему угнетения», которая в ее изложении больше напоминает пропагандистскую «картинку» с неизменным присутствием «свирипых надсмотрщиков», загонявших на фабрику «малых ребят» и поровших за «малейшую провинность» ее работников. Со слов местных жителей рассказывает историк и о жизни высшей администрации фабрики, о большом каменном доме с колоннами в стиле Александровской эпохи, построенном для директора в 1816 г., окружавшем его саде, «об оранжереях, цветниках, об огромном штате прислуги, рысках, о балах и пикниках, которые задавались в доме и его окрестностях»⁴⁷. И, думается, не без сожаления снабжает это описание примечанием, сообщающим о разрушении дома в 1927 г. ради кирпича, пошедшего на ремонт промышленных строений.

Изучение фабрики как хозяйственной организации, приоритет, отдаваемый в разработке темы экономическому подходу, делает, в глазах исследователя, промышленные села Прибайкалья крайне привлекательным объектом познания не только для историка, но и для «исследователя современной экономической жизни». Однако, местная экономическая наука (представленная созданной в 1925 г. экономической секцией ВСОРГО), устремленная в будущее, не только в прошлом, но и в настоящем, видела лишь «пережитки

⁴⁶ Одинцова М.К. Из истории промышленного капитализма в Сибири... С. 92.

⁴⁷ Там же. С. 86–87.

дореволюционной экономики»⁴⁸, а потому не могла оказать исторической науке никакого содействия в изучении темы.

Не случайно, поэтому, Одинцова еще в ходе своей экспедиции проявляет интерес к современной истории предприятия, а позднее берется за обработку собранных материалов, результатом чего должна была стать статья «Тельминская суконная фабрика первые годы Советской власти» (в другом варианте — в восстановительный период). Основным источником вновь должны были послужить документы фабричного архива теперь уже за 1920-1926 гг., обнаруженные историком в хаотическом состоянии: «Отсутствие архива за 1920, 1921, 1922 годы. Остатки дел, относящихся к 1923, 24, 25, 26 годам свалены в углу конторы, вместе с обрывками старых газет, расчетных книжек и др. бумажным хламом»⁴⁹.

Демонстрируя преемственность в истории фабрики, которая обеспечивалась во многом личностью «хозяина», болевшего за свое «дело», М.К. Одинцова начинает рукопись статьи словами: «4 февр. 1918 г. сгорела суконная фабрика. В 1919 г. 15 июня умер бывший владелец В.А. Белоголовый. Еще В.А. Белоголовый нанял рабочих и кое-что из машинного корпуса собрал с пожара и сложил в амбаре»⁵⁰.

Нищенское положение фабричных рабочих, нередко голодавших и живших почти исключительно благодаря своим огородам или поденщине у зажиточных крестьян, толкнуло их на отчаянный шаг — своими силами пустить фабрику, доказав тем самым ее жизнеспособность. Отсутствие сохранившихся документальных материалов об этом исключительно интересном периоде в

⁴⁸ Своеобразным «ответом» на призыв историка стала опубликованная в том же томе «Известий ВСОРГО» статья, автор которой писал: «... яркость дореволюционных форм и блеск революционных достижений не имели того внешнего эффекта в деревне, какой проявился в городах... в социально-экономическом строе деревни можно иногда встретить такие проявления, которые сохранили всю свежесть дореволюционных ароматов. Однако, подобные явления по справедливости надо относить к пережиткам прошлого, так как движущие силы деревенского развития переместились на новые социально-экономические рельсы» (Самохин А. Пережитки дореволюционной экономики в современной деревне // Там же. С. 71).

⁴⁹ ГАИО, ф. р-2731, оп. 1, д. 38, л. 38.

⁵⁰ Там же, л. 37.

жизни фабрики побудило исследователя создать источники для написания будущей истории предприятия. По ее просьбе некоторые участники этих событий на оборотной стороне сохранившихся в архиве печатных бланков предприятия («Ведомостей о приходе и расходе лесных материалов фабрики и заводов В.А. Белоголового в с. Тельма за 19... год», «Ведомостей по главному материальному амбару...» и др.) записали свои воспоминания.

Записки возглавлявшего фабрику с 1920 по 1926 г. Тимофея Леонтьевича Грибина историк сопровождала примечанием: «Получено М.К. Одинцовой от Т.Л. Грибина в 1927 г. во время командировки ВСОРГО в Тельму для изучения промышленности... Считаю эти воспоминания ценными, так как они касаются очень важного периода в истории Сибири — восстановления промышленности силами рабочего класса»⁵¹. И хотя исследователь вплоть до середины 1930-х гг. не отказывалась от намерения завершить начатую работу, замысел так и не был реализован⁵².

Свой вклад в разработку темы внесли и другие члены секции. Результаты их поездок, после обработки собранных материалов, выливались в отчетные доклады на заседаниях секции. Таковым было сообщение сотрудника областного научного музея А.И. Михайловской об историко-археологической экспедиции в Братский острог, включавшее раздел, посвященный истории Николаевского железоделательного завода. Материалы, полученные опросным путем, заставили членов секции настаивать на продолжении автором работ именно в этом историко-экономическом на-

⁵¹ ГАИО, ф. р-2731, оп. 1, д. 42, л. 236 об.

⁵² В середине 1950-х гг. воспоминания Т.Л. Грибина, хранившиеся в личном архиве М.К. Одинцовой, были использованы П.А. Уваровым в кандидатском исследовании, впоследствии опубликованном в виде монографии «Развитие социалистической промышленности Иркутской губернии в восстановительный период (1921–1926 гг.)» (Иркутск, 1958. С. 45–47, 86–87). В иной социально-политической и идеологической ситуации П.А. Уваров «воссоздает» и совершенно иную историю фабрики: «Бывший владелец суконной фабрики Белоголовый, чтобы не допустить введения на ней рабочего контроля, сжег в феврале 1918 г. прядильный цех и кладовую фабрики (деревянный двухэтажный корпус) с сырьем» (там же. С. 45). Не будет преувеличением предположить, что нежелание Одинцовой фальсифицировать исторические факты в угоду стремительно менявшейся идеологической обстановке в стране, было среди причин, не позволивших ей завершить работу над начатой статьей.

правлении, а также «... просить Совет ВСОРГО возбудить дело о передаче архива Николаевского завода в Окружное архивное бюро, где он будет доступен для научной работы»⁵³.

Доклад архивиста К.П. Красильниковой об истории основания и развития фарфоровой фабрики в с. Хайта был также построен на основе записанных ею рассказов старожилов, без привлечения опубликованных и архивных материалов, что, однако, уже послужило причиной критики со стороны слушателей⁵⁴. Упомянем и о собранных этнографом Е.Я. Самойлович материалах о первоначальном местонахождении Усольского солеваренного завода и подготовленной ею же библиографии о заводе, охватывающей период его обслуживания силами каторжан⁵⁵.

Несколько особняком, на этом фоне «полевых», экспедиционных исследований, стоит работа В.С. Манассеина, начатая, очевидно, в том же 1927 году. Хотя объектом его изучения также стала Тельминская суконная фабрика, автор ограничил «свою задачу обработкой почти исключительно только имевшихся на месте источников»⁵⁶. Впрочем, как представляется, работа, проделанная историком, выходит далеко за рамки им самим сформулированной задачи. Прежде всего, исследователь пытается придать истории фабрики целостность, в известной мере нарушенную его коллегами (П.Г. Любимовым и М.К. Одинцовой), обратившимися к тем ее периодам, реконструировать которые позволяли оказавшиеся в их распоряжении источники. Во введении к своей работе он настаивает и на особом месте Тельминской суконной фабрики в истории русской промышленности. Двухсотлетний возраст предприятия делает его исключительным явлением: «От несоизмеримо более крупных русских фабрично-заводских предприятий, получивших свое начало в XVIII-м веке, остались лишь одни воспоминания. Тельминская же фабрика работает до сих пор»⁵⁷.

⁵³ ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 10.

⁵⁴ См.: там же, лл. 15(об)-16.

⁵⁵ См.: там же, оп. 1, д. 64, л. 19.

⁵⁶ Манассеин В.С. Тельминская фабрика. Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в В.Сибири в XVIII-м и первой половине XIX-го столетия // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1928. Т. LIV. С. 35.

⁵⁷ Там же. С. 5.

Периоды в истории фабрики (1731–1793 гг., 1793–1862 гг., 1862–1920 гг. и с 1920 г.), границы которых устанавливаются историком на основе факта ее перехода из частных рук в собственность казны, государства, используются им и в ходе принятого в первой главе обзора источников, позволяющих реконструировать жизнь предприятия в течение двух первых периодов. Воспользоваться для этого «местными архивными данными», на что нацеливала исследователей предварительно выработанная программа, не представлялось возможным в силу отсутствия таковых. Не сохранился архив предприятия; в огне иркутского пожара 1879 г. погиб архив Казенной палаты, в ведении которой находилась фабрика с 20-х годов XIX века. Казалось бы, серьезную помощь историку могла оказать попавшая к нему в руки рукопись «Исторической и статистической записки о Тельминской казенной фабрике от основания оной и об управлении оною г.г. директоров», составленной неизвестным автором в 1845 г. на основе фабричного архива⁵⁸. Однако и она не содержала практически никаких сведений о начальном периоде истории предприятия, поскольку, и здесь Манассеин цитирует ее автора, «хранение архивов чуждо людям коммерческим и в настоящее время, а тем паче за 40 лет назад»⁵⁹.

Поэтому историк предпринимает тщательную инвентаризацию иных документальных источников (оставляя без внимания лишь малозначимые упоминания и заметки в литературных источниках), дающих представление об истории предприятия до се-

⁵⁸ В.С. Манассеин на страницах своей работы выразил благодарность «иркутскому библиофилу Н.С. Романову» не только указавшему исследователю на ее существование, но и сохранившему ее для потомков. Рукопись, находившаяся первоначально в частном собрании последнего, была позднее подарена Иркутской окружной центральной библиотеке (бывшей Иркутской городской публичной библиотеке), в которой он прослужил многие годы. В 1926 г. перейдя на службу в библиотеку Иркутского университета, он, очевидно, передал рукопись в ее фонды, где она хранится и ныне (Историческая и статистическая записка о Тельминской казенной фабрике от основания оной и управлении оною г.г. директоров. Иркутск, первая половина XIX в. (скоропись XIX в., кор. чернила) // Русские и иностранные рукописи научной библиотеки Иркутского государственного университета / Сост. опис. Н.Д. Игумнова; науч. ред. В.Н. Алексеев. Ч. II. Новосибирск, 2001. С. 16–17).

⁵⁹ Манассеин В.С. Тельминская фабрика... С. 6.

редины XIX столетия, оставляя на долю коллеги по исторической секции М.К. Одинцовой разработку сохранившихся архивных материалов для написания истории последующих периодов.

Будучи директором университетской библиотеки, Манасеин направляет запросы коллегам из отдела рукописей Государственной публичной библиотеки и Библиотеки Академии наук в Ленинграде. Полученные им выписки вместе со сведениями из опубликованных источников (начиная с Полного собрания законов Российской Империи и завершая Трудami Иркутской губернской ученой архивной комиссии) и станут основой осуществленной им реконструкции начального этапа существования Тельминской фабрики. Которую сам исследователь рассматривал не более как «материал для будущего ее историка», способного благодаря счастливым архивным находкам, «пополнить то, что сделано в этом отношении нами»⁶⁰.

Скудость материалов, на которую неоднократно сетует по ходу повествования автор, заставила его прибегнуть к оригинальному приему их систематизации. Он различает «внешнюю» и «внутреннюю» историю фабрики. В первом случае он воссоздает тот исторический контекст, на фоне которого происходило, начиная с петровских времен, становление фабрично-заводской промышленности в целом, а также суконной ее отрасли в Восточной Сибири. Покровительственная промышленная политика способствовала появлению «первых русских суконных фабрикантов», каковыми выступили, прежде всего, «купецкие люди», усилиями и средствами которых и была «заведена» Тельминская фабрика — первая в Сибири суконная мануфактура. Не случайно, поэтому, перед глазами читателя «внешней» истории фабрики проходит портретная галерея промышленных деятелей, купцов-предпринимателей Я. Бобровского, А. Мамонова, И. Бестужева, А. и М. Сибиряковых и др., история их далеко не безоблачных отношений друг с другом, с Коммерц-коллегией, местной администрацией.

Для изображения «внутренней» истории фабрики, то есть «описания положения рабочего вопроса и производства»⁶¹ в рассматриваемый период, В.С. Манасеин широко использует нор-

⁶⁰ Манасеин В.С. Тельминская фабрика... С. 35.

⁶¹ Там же. С. 23.

мативные материалы, регулировавшие деятельность суконных фабрик тех лет («такова была норма закона»), проводит аналогии с производствами, находившимися в «тождественных условиях» (в Иркутске, Казани, Воронеже, Москве). Поэтому приводимые им сведения: о контингенте фабричных рабочих, их социальном положении, половозрастном составе, разделении труда, использовании труда детей, трудовой дисциплине, продолжительности рабочего дня, заработной плате и т.д., большей частью представляют собой реконструкцию, основанную на данных большого числа источников, умело иллюстрируемую отрывочными фактическими данными по исследуемому предприятию. Аналогичный характер носит и та часть главы, посвященной «внутренней» истории фабрики, что рассказывает о производстве: используемом сырье, его качестве и ценах, определяемых ими ценах и качестве «выделявшихся Тельминской фабрикой солдатского и сермяжного сукна и каразеи», их количестве.

Однако именно подобный подход к восстановлению прошлого, осуществленный на обширном историческом материале, привел исследователя к ряду важных выводов. Рискованными назвал он, в частности, любые априорные заключения об общем ходе развития сибирской обрабатывающей промышленности, не основанные на «кропотливом собирании и критической проверке исторических фактов». Всякие обобщения в этой исследовательской области хозяйственной истории должны, на его взгляд, основываться на тщательном изучении истории отдельных предприятий, истории «снизу».

Пример создания и первых шагов Тельминской фабрики, вопреки складывающемуся в литературе тех лет мнению, «наглядно показывает, что фабричная промышленность в Сибири ... не только не являлась источником образования капитала, но даже наоборот, что попытки вложения в нее капиталов, нажитых другими путями — в торговле, в добывающей промышленности и т.д., вели к уничтожению этих капиталов и разорению предпринимателей ... время промышленного капитализма для Сибири в XVIII-м веке еще не настало»⁶².

⁶² Манассеин В.С. Тельминская фабрика... С. 36.

В. С. МАНАССЕИН

ТЕЛЬМИНСКАЯ ФАБРИКА

Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности
в Восточной Сибири в XVIII и первой половине XIX столетий

Часть первая

Первый период истории фабрики

1731 — 1793

ИРКУТСК
1928

*Обложка оттиска работы
В.С. Манассеина «Тельминская
фабрика...» (Иркутск, 1928)*

Работа В.С. Манассеина, увидевшая свет и в составе книжки «Известий ВСОРГО» и отдельной брошюрой⁶³, вызвала ряд рецензий, как в сибирских, так и центральных изданиях. Замечания и пожелания, прозвучавшие в них, справедливо распространить на результаты, полученные всеми участниками коллективного проекта. Тем более что их авторы были тесно связаны с деятельностью научных институций Иркутска или демонстрировали хорошую осведомленность о ходе работ по историко-экономическому изучению местной промышленности.

Председатель промышленной секции ЦБК Я.С. Улицкий в своей рецензии, помещенной на страницах журнала «Пути индустриализации», привлек внимание читателей, прежде всего, именно к коллективному характеру работ, проводимых под эгидой ВСОРГО — заслуживающему всяческой поддержки «начинанию группы иркутских работников, предпринявших историческое изучение Тельминской фабрики»⁶⁴. На взгляд рецензента, исследования иркутских историков отличает пристальное внимание к «архивным первоисточникам». И работа Манассеина не является в этом отношении исключением, поскольку вводит в научный оборот рукописный материал, хранящийся в библиотеках Иркутска и Ленинграда.

⁶³ Название оттиска более точно, нежели заголовок статьи в «Известиях ВСОРГО», отражает содержание работы и определенно указывает на наличие в ней нескольких частей: Манассеин В.С. Тельминская фабрика. Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в Восточной Сибири в XVIII и первой половине XIX-го столетия. Часть первая. Первый период истории фабрики. 1731–1793. Иркутск, 1928. 36 с.

⁶⁴ Цит. по машинописной копии, хранящейся в фонде ВСОРГО: ГАИО, ф.р-565, оп. 1, д. 107, л. 1. См.: Пути индустриализации. 1929. № 19. С. 89–90.

В.Е. Дербина, напротив, как на серьезный изъян работы указала на отсутствие в ней материалов о прошлом фабрики, содержащихся в делах Сибирского комитета и Мануфактур-коллегии и хранящихся в центральных архивах страны⁶⁵. Впрочем, это замечание в известной мере дезавуируют признания, сделанные ею на страницах вышедшей в 1932 г. книги «Первая сибирская мануфактура (Тельминская фабрика). К 200-летию со дня основания 1731–1931 гг.». Последняя, несмотря на хронологические рамки исследования, указанные в заглавии, посвящена была исключительно второму периоду в истории фабрики, который она и реконструирует с использованием материалов Сибирского комитета, хранившихся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива. «Для изучения начального периода Первой сибирской мануфактуры, — вынуждена признать Дербина, — исследователь не найдет достаточного количества источников, которые позволили бы ему осветить всесторонне главные моменты ее деятельности»⁶⁶. Столкнувшись с отсутствием

⁶⁵ См.: Северная Азия. 1929. № 2. С.138.

⁶⁶ Дербина В.Е. Первая сибирская мануфактура (Тельминская фабрика). К 200-летию со дня основания 1731–1931 гг. М.-Л., 1932. С. 10. Интерес Веры Евгеньевны Дербиной (1904–1999) к истории Тельминской фабрики и к работам иркутских историков был далеко не случаен. Выпускница исторического факультета Иркутского университета (1927), она с 1923 г. совмещала учебу с выполнением обязанностей научного сотрудника губернского архивного бюро, состояла членом исторической секции ВСОРГО. В своих воспоминаниях Дербина писала, что еще в «годы моей работы в Иркутском архиве ... мною была начата работа над книгой «Первая Сибирская мануфактура — суконная фабрика» к ее 200-летию. Но закончена она была в Москве в 1932 г.» («Нет, не жалею я, что всю жизнь была архивистом ...» (Из воспоминаний В.Е. Дербиной) / Вст. ст. и науч. подг. текста А.Д. Степанова, комментарии Н.С. Зелова и С.В. Пузырева // Отечественные архивы. 1996. № 6. С. 64). Следует усомниться в достоверности этой информации. Отъезд Дербиной из Иркутска в 1927 г. совпал с началом работ по изучению истории Тельминской фабрики членами исторической секции ВСОРГО, но известные нам архивные материалы не сохранили никаких свидетельств ее научной активности в этой исследовательской области. Более того, на страницах своей книги она признает, что «состояние сохранившегося на месте архивного материала о фабрике заставляет исследователя прошлых судеб ее обратиться к изучению центральных архивов, где должны храниться данные о фабрике, представленные в свое время центральным учреждениям или краевой властью или администрацией фабрики» (Дербина В.Е. Первая сибирская мануфактура ... С. 11). Скорее всего, интерес к истории фабрики был связан с ее попыткой поступления в аспирантуру института истории РАНИОН, где работала исследовательская группа, созданная Н.А. Рожковым и занимавшаяся разработкой истории отдельных промышленных предприятий, а также началом службы в московских архивах.

материала для написания даже небольшого введения, знакомящего читателя с первыми шагами предприятия, В.Е. Дербина воздаст должное работе, проделанной Манассеиным по выявлению ценных источников «особенно для XVIII в.»⁶⁷.

Еще один рецензент, П.К. Казаринов, также коснулся проблемы источников, вовлекаемых исследователем в научный оборот. На его взгляд, В.С. Манассеин напрасно проигнорировал «вещественные остатки былых времен производства: здания, планы, предметы оборудования и обработки». Ссылаясь на опыт собственных разысканий, рецензент указывал на обнаруженные им свое время «в кладовых фабрики старинные и давно вышедшие из употребления орудия обработки шерсти и всякий другой “хлам”, который может быть еще сохранился». Вместе с этнографическим материалом, сведениями «живой истории», данные «промышленной археологии» способны, на его взгляд, оживить рассказ о минувшей «производственной истории» и внушить исследователю «локальное чувство к изучаемому» объекту⁶⁸.

Отсутствие такого «локального чувства», по мнению рецензента, нашло свое выражение в стремлении исследователя замкнуться в узких рамках предприятия, остаться «внутри» производственного организма, несмотря даже на присутствующие в работе сопоставления «сибирского суконного производства с этим же видом выработок в Европейской России». Казаринову представляется более выигрышным другой подход, позволяющий проследить роль предприятия в «промышленной колонизации края» и охватить в процессе изучения «целый производственный куст», и, как следствие, привлекающий «в поле своей работы ряд источников и производственного, и демографического, и общественно-экономического порядка»⁶⁹.

Последнее замечание рецензента весьма важно для понимания направленности той эволюции, которую претерпела первоначальная программа историко-экономического изучения Прибайкалья. Характер собранного исследователями материала, первые попыт-

⁶⁷ Дербина В.Е. Первая сибирская мануфактура ... С. 18.

⁶⁸ Сибирские огни. 1929. Кн. 3. С. 199.

⁶⁹ Там же. С. 198.

ки его обработки и сделанные обобщения, привели к тому, что на исходе 1927 г. историческая секция принимает и направляет в Новосибирск рассчитанный на 15 лет план работ, основным пунктом которого значится изучение уже не только истории промышленных предприятий, но и торговли. В течение 1927–1932 гг. исследовательское внимание предполагалось сосредоточить на Черемховской каменноугольной промышленности, Тельминском суконном, клеевом и винокуренном производствах, промышленности Усолья и Хайты. В период с 1932 по 1937 г. предстояло заняться историей промышленных предприятий Слюдянки, Лиственничного и Тальцов. В 1937–1942 гг. — Бодайбинской золотопромышленности, лесной отрасли, истории сплава и истории скотопрогонных путей.

Каждый из названных этапов реализации основной темы, сопровождался дополнительными историко-экономическими «сюжетами»: первый — исследованием истории кустарных промыслов, второй — истории притрактового, земледельческого крестьянства, третий — истории крестьянства таежно-промыслового. Новую программу венчает идея изучения истории городов как центров промышленного развития и иных хозяйственных комплексов — районов и волостей⁷⁰. Программа получила одобрение краевых властей, т.к. в списке полевых исследований, намеченных на лето 1928 г. в сибирском крае и получивших финансовую поддержку Сибирского отдела народного образования, значилось: «ВСОРГО: Иркутский округ. Изучение истории промышленности и торговли. Руководители работ: Н.Н. Козьмин, В.П. Денисов»⁷¹.

Был пересмотрен и существенно дополнен круг тех вопросов, которые надлежало выяснять исследователям в процессе исторического обследования собственно фабрично-заводских предприятий Иркутского округа. Обновленная программа, принятая секцией для экспедиций лета 1928 года, включала:

- составление библиографического указателя литературы об обследуемом предприятии;
- анализ причин, обусловивших устройство фабрики;
- изучение рынков сырья и сбыта готовой продукции;

⁷⁰ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 6.

⁷¹ Сибиреведение. 1928. № 3–4. С. 22.

- характеристику юридического положения предприятия;
- составление биографии их владельцев;
- анализ форм отчетности;
- характеристику оборудования в различные периоды существования предприятия;
- характеристику количества и качества выпускаемой продукции, капитала фабрики;
- сбор сведений о количестве рабочих, их юридическом положении (посессионные, крепостные, вольные, ссыльно-каторжные), условиях труда, продолжительности рабочего дня, номинальной и реальной заработной плате, санитарных и жилищных условиях, охране труда, устройстве школы;
- установление связи предприятия с сельскохозяйственным производством;
- оценку влияния фабрики на быт окружающего его населения, развитие кустарных производств, туземное население;
- характеристику революционного и рабочего движения на фабрике;
- описание современного состояния предприятия⁷².

Благодаря финансированию Сибирским отделом народного образования летом 1928 г. были организованы поездки: М.К.Одинцовой в Тельму и Тальцы для продолжения работ по истории суконной фабрики и стекольного завода; Н.М. Никитина на Бархатовскую бумажную фабрику и копи для сбора материалов по их истории; С.Е. Фридмана и В.И. Сосновского для изучения истории заселения московского тракта с точки зрения развития торговли⁷³. Средства, выделенные на несостоявшуюся командировку П.П. Хороших в Тельму для изучения истории клееваренного завода, были использованы на «фотографическое иллюстрирование истории местной промышленности»⁷⁴. За счет средств Общества изучения Сибири и ее производительных сил был продолжен сбор материалов по истории усольской соляной промышленности Е.Я. Самойлович и начаты работы в Черемхов-

⁷² См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 2, д. 76, л. 8.

⁷³ Там же, лл. 13-13об.

⁷⁴ Там же, л. 15 об.

ском районе В.Р. Пуритом, взявшимся за написание истории каменноугольной промышленности⁷⁵.

По итогам поездок вновь читались доклады на заседаниях секции (например, М.К.Одинцовой «Тельминская фабрика в 1920–1927 гг.» в марте 1929 г.⁷⁶). В план издательской деятельности отдела секция включила пункт о составлении и издании серии популярных брошюр по истории промышленности⁷⁷, в частности, по просьбе секции школьного краеведения М.К. Одинцова готовила к изданию в 1928–1929 гг. книжку «История промышленности»⁷⁸.

В ноябре 1928 г. секция на своем заседании утвердила темы работ своих членов: М.К. Одинцова «История промышленности бывшей Иркутской губернии» и «История Тальцинского стеколоделательного завода»; В.Р. Пурит «История каменноугольной промышленности бывшей Иркутской губернии»; Н.М. Никитин «История Бархатовской писчебумажной фабрики»; К.П. Красильникова «История Хайтинской фабрики “Сибфарфор”»; В.С. Манассеин «История Тельминской фабрики в первой половине XIX века»⁷⁹. Все это свидетельствовало о формировании устойчивого творческого коллектива, занятого реализацией программы, наработывавшего материал, готовый вылиться в новые публикации, отчеты, доклады и т.д. Ситуации, однако, суждено было совсем не долго развиваться в позитивном для исследовательской программы направлении.

Систематизация знания. В 1929 г. многие методологические и методические подходы, выработанные Н.А. Рожковым для изучения экономической истории отдельного предприятия, были транслированы на массовый краеведческий уровень Центральным бюро краеведения. Руководитель его промышленной секции Я.С. Улицкий, еще годом ранее отмечал на страницах «Известий ЦБК», что «при чрезвычайном богатстве экономических исследований, посвященных народнохозяйственным проблемам

⁷⁵ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 2, д. 76, л. 39.

⁷⁶ См.: там же, л. 35.

⁷⁷ См.: там же, оп. 1, д. 95, л. 36.

⁷⁸ См.: там же, оп. 2, д. 76, л. 19.

⁷⁹ См.: там же, оп. 3, д. 31, л. 53.

в целом, общим вопросам промышленности или отдельным ее отраслям, — единичная фабрика и завод не стояли в центре внимания исследователей»⁸⁰. Тем же немногим работам, что составляли исключение из этого печального правила, был присущ, на его взгляд, один серьезный недостаток — они написаны с «историческим уклоном», а «экономический элемент занимает в них весьма небольшое место»⁸¹.

В следующем году в расширенном варианте процитированной статьи Улицкий назвал исследование Н.А. Рожкова по истории Трехгорной мануфактуры единственной работой, способной помочь разработке методики написания монографий, поскольку та содержала множество ценных источниковедческих сведений, расставляла ориентиры в делопроизводственной документации фабрично-заводских архивов.

Промышленная секция ЦБК объявила конкурс на лучшее монографическое описание предприятия, предложив примерную схему исследования, которая акцентировала внимание на изучении предприятия именно как хозяйственной организации. Вслед за выяснением времени и причин возникновения фабрики, надлежало охарактеризовать производственные и торговые ее связи на протяжении всего периода существования с другими предприятиями, с банковской системой России и других стран, описать развитие технических приемов и производственных процессов, дать количественную и качественную характеристику рабочей силы и т.д. Изданная массовым тиражом и выдержавшая два издания, брошюра, содержащая эту схему, стала методическим руководством для провинциальных краеведческих организаций, предпринимавших попытки написания истории местной промышленности⁸².

Однако, именно предпринятая ЦБК попытка «организовать в масштабах всей страны изучение истории фабрик и заводов»⁸³

⁸⁰ Улицкий Я. Монографическое описание фабрик и заводов // Известия ЦБК. 1928. № 9. С. 8.

⁸¹ Там же.

⁸² См.: Монографическое изучение фабрик и заводов. М.: Изд-е ЦБК, 1929. 23 с.; То же. 2-е изд. М., 1930.

⁸³ Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989. С. 78.

способствовала, фактически, свертыванию исследовательской программы изучения экономической истории отдельного предприятия. Зеленый свет был зажжен на пути горьковского начинания по написанию «Истории фабрик и заводов» силами непрофессионалов, «краеведов-низовиков», как было принято именовать эту категорию энтузиастов в литературе тех лет⁸⁴. «Изучение фабрик и заводов может быть проделано только силами местных краеведов. Должны быть созданы новые кадры исследователей и единственно, кто может это сделать достаточно хорошо, это — заводские рабочие и служащие»⁸⁵.

«Большая», «центральная» наука занялась методологическим (читай — идеологическим) обеспечением этого проекта. На смену действовавшей с ноября 1929 г. в Институте истории Коммунистической академии комиссии по монографическому изучению промышленных предприятий, в 1932 г. пришла совершенно иная институция — комиссия по истории фабрик и заводов. И это не было лишь сменой названия. Если первая институция активно занималась разработкой методологических подходов к изучению истории отдельного предприятия (силами, главным образом, М.К. Рожковой, продолжившей дело мужа и учителя), то задачи второй со всей определенностью были сформулированы в докладе «Об основных вопросах изучения фабрики и завода» ее руководителем, председателем секции истории пролетариата СССР А.М. Панкратовой: «Историк-марксист, историк-большевик не подходит к изучению истории фабрики или завода объективно, с точки зрения объективной науки. Он, вооруженный марксистско-ленинской методологией, должен всегда иметь перед собою определенный классовый угол зрения. Этим классовым углом зрения при анализе экономической структуры предприятия является оценка условий, создающих ту или другую систему, форму и характер эксплуатации на данном заводе»⁸⁶.

⁸⁴ Подробнее см.: Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

⁸⁵ Улицкий Я. Монографическое описание... С. 9.

⁸⁶ Архив РАН, ф. 359, оп. 2, д. 117, л. 138. Подробнее см.: Майдачевский Д.Я. История бизнеса: первые шаги научной дисциплины в России, 1920-е годы // ЭКО. 2005. № 2. С. 182–190.

Аналогичную трансформацию совершали и принятые на местах программы изучения промышленных предприятий. Творцы нового «советского краеведения», поставившие перед собой задачу «онаучивания масс», делали ставку не на «интеллигентские», а на «рабоче-крестьянские массы». Последним предстояло в кратчайшие сроки стать «армией рядовых научных работников», на практике овладеть методами научного познания, которыми «научные деятели» прошлого овладевали «посредством теоретических курсов и практических занятий»⁸⁷.

Изменениям суждено было коснуться не только методов познания, но и объектов изучения. «Планы хозяйственного и культурно-социального развития опираются не на все отрасли знания, которые входят в круг краеведения. Здесь ... применяется «выборочный» метод. Исключаются почти все гуманитарные знания. Многие чрезвычайно важные специальности не могут быть использованы. Соответственно этому, для научных изысканий этой группы создаются менее благоприятные условия»⁸⁸.

Программа историко-экономических изучений не вписывалась в планы реформаторов. Попасть в число «избранных» специальностей местная историческая наука могла, только заявив о своем интересе к историко-революционному или историко-партийному прошлому. Вот и историческая секция ВСОРГО уже в начале 1929 г. не только выступает за привлечение рабочей молодежи к написанию истории промышленных предприятий, но и объявляет изучение истории революционного движения на них своей «краеугольной задачей». Попытки же некоторых исследователей указать на то, что привлечение рабочей молодежи к изучению революционного прошлого предприятия вовсе не влечет за собой необходимости прекращения занятий собственно «историей того или иного промышленного заведения», не принимаются во внимание⁸⁹.

1929 год положил начало череде организационных преобразований, в результате которых на руинах ВСОРГО было создано

⁸⁷ Н.Н. [Нагорская Н.Н.]. Краеведение и генеральный план развития народного хозяйства Сибири // Сибирские огни. 1928. № 1. С. 158.

⁸⁸ Там же. С. 159.

⁸⁹ ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 61.

сначала региональное географическое общество (ВСГО), а затем и вовсе массовое краеведческое общество (ВСКО), ставившее своей целью вовлечение в краеведческую работу широких масс рабочих и колхозников⁹⁰.

В структуре преемников ВСОРГО на первых порах даже не нашлось места исторической институции, хотя именно историки составляли основу социально-культурной секции ВСГО и выросшей из нее историко-культурной секции ВСКО (ее возглавили историки уже новой генерации — М.А. Гудошников и Ф.А. Кудрявцев). Эти структуры все реже открыто демонстрируют научно-исторический характер предпринимаемых изучений и всячески подчеркивают «производственный уклон» своих занятий. Исследователи, еще какое-то время продолжавшие работать над историей отдельных промышленных предприятий, избегают указывать их названия при составлении планов и отчетов, упоминая лишь отраслевую принадлежность: «история текстильной промышленности», если речь идет о Тельминской суконной фабрике, «история силикатной промышленности», в случае с Тальцинским стекольным заводом и т.д.⁹¹

Для руководства к действию «рабочей общественности», предпринимающей шаги по описанию своих предприятий, составляется программа «культурно-социального обследования промышленного предприятия», «историческая» часть которой сведена к выяснению вопросов: «С какого года существует предприятие?», «Кому оно принадлежало в 1913 г.?», «Что тогда производил завод?», «Что завод производил во время войны?», «Были ли забастовки до революции и какие?», «1905 г.», «История завода с 1917 г. (были ли простои, какое участие принимал завод и принимал ли в гражданской войне, какие партии имели влияние на завод?)», «Расширяется производство или сокращается?». Методическая помощь «историкам-низовикам» сводится к ремарке: «История предприятия имеет громадное значение для определения революционной энергии основных рабочих кадров

⁹⁰ Подробнее см.: Зуляр Ю.А. Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди. Улан-Удэ, 2001. С. 62–64.

⁹¹ ГАИО, ф.р-565, оп.2, д. 65 (россыпь); ф.р-2731, оп. 1, д. 43, л. 19 об.

предприятия, для определения политической подготовленности их, для учета их революционного опыта»⁹².

Примечательно, что отмеченным организационным преобразованиям, «смене вех» в деятельности местных научных институций, в частности, их движению в сторону массового краеведения, предшествовала, прозвучавшая со страниц органа окружного комитета ВКП(б) — газеты «Власть труда», критика именно «краеведческого способа организации» исследований, просматривающегося в деятельности местных научных институций. Автор публикации, скрывший свое имя за псевдонимом «Вудро» и продемонстрировавший хорошую осведомленность в делах ВСОР-ГО, направил острие своей критики против «рытья траншей по городу в поисках исторического камня», то есть археологических раскопок, предпринятых его исторической секцией. Которые, на его взгляд, отрывают силы и средства от историко-экономических изучений местной промышленности: «... исторический камень не только имеет свою потрясающую историю в прошлом, но и трогательное отношение к советским денежкам, предназначенным на исследования действительно актуальных вопросов возникновения и развития местной промышленности в настоящем»⁹³.

Возражения, направленные в редакцию газеты исторической секцией⁹⁴, заставили автора статьи перенести акценты в критике уже непосредственно на способ организации исследований местными научными институциями. Будучи, по сути, «краеведческим», он уводил прочь от научной специализации, порождая «...специалистов от науки вообще (выделено автором. — Д.М.)». В то время как, напротив, «дилетантская страсть к научной многогранности, столь привлекательная для всего молодого и не устоявшегося, должна быть сдерживаема научными организациями и обществами»⁹⁵.

К сожалению, указанные публикации достигли прямо противоположного эффекта, ибо не способствовали поднятию presti-

⁹² ГАИО, ф.р-565, оп. 3, д. 31, л. 51.

⁹³ Вудро. «Исследования большой важности» // Власть труда. 1928. 28 июня.

⁹⁴ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 2, д. 76, л. 4–5.

⁹⁵ Вудро. По существу вопроса // Власть труда. 1928. 18 июля.

жа местных научных организаций. В противоположном же направлении пошло и дальнейшее их развитие. Предложенный же автором рецепт удовлетворять «дилетантскую страсть» не за государственный счет, а за «свой риск и страх», был «прописан» не только археологическим разысканиям, но и программе историко-экономического изучения местной промышленности, и едва ли не всем гуманитарным исследованиям.

Культурно-социальная секция ВСГО, например, отклонила ходатайство В.С. Манассеина о командировке в центральные архивохранилища для продолжения работы над историей Тельминской фабрики. Только вмешательство председателя промышленной секции ЦБК Я.С. Улицкого, обратившегося к совету общества с просьбой «дать возможность ему продолжать эту интересную работу» и подчеркнувшего ее большой вклад в решение методических вопросов изучения заводов и фабрик⁹⁶, позволило исследователю осуществить летом 1930 г. поездку в Москву и Ленинград.

Однако, не только собранные в ее ходе «весьма богатые материалы»⁹⁷, хранившиеся в фондах Сибирского комитета, Мануфактур-коллегии, Министерства внутренних дел, или почерпнутые из рукописей А.И. Лосева в собрании Библиотеки академии наук и журналов по делам Департамента Государственной экономии во Всесоюзной Ленинской библиотеке, должны были лечь в основу задуманной историком второй части исследования. Основным источником о хозяйственной истории Тельминской фабрики во второй, «казенный» период ее существования с 1793 по 1860 год, надлежало стать упоминавшейся в первой, опубликованной части работы, «Исторической и статистической записке о Тельминской казенной фабрике от основания оной и об управлении оною г.г. директоров», которую историк считал кладезем статистической информации⁹⁸. Составленная неизвестным автором в середине

⁹⁶ ГАИО, ф.р-565, оп. 2, д. 37, л. 73.

⁹⁷ Там же, д. 32, л. 4.

⁹⁸ Не случайно, В.С. Манассеин напишет на экземпляре оттиска первой части исследования, подаренного Н.С. Романову: «Дорогому Ниту Степановичу Романову с глубокой благодарностью за указание главнейшего источника этой работы (не этой, а 2-ой, будущей)» (хранится в фонде НБ ИГУ).

XIX столетия по документам утраченного впоследствии фабричного архива, она «хотя бы отчасти, восполняет исчезновение самого этого архива», а, кроме того, заполняет лакуны, зияющие в собраниях центральных архивов, поскольку вводит в оборот материалы переписки с казенными ведомствами⁹⁹.

Судить о том, какие вопросы намеревался задать исследователь своему «главнейшему источнику», позволяет сохранившийся проспект работы, озаглавленной «Тельминская фабрика. Исторический очерк. Часть 2. Период 1793–1860 гг.». Состоящее из пяти глав исследование автор намеревался начать с характеристики организационного устройства фабрики в рассматриваемый период, включавшей описание фабричных сооружений и оборудования, сведения об организации, приемах управления и составе администрации предприятия. Вторую главу предполагалось посвятить рабочей силе, уделив первоочередное внимание ее численности, составу и квалификации, но не оставив в стороне положение рабочих на предприятии (рабочее время, условия труда и быта, производительность труда, заработная плата, дисциплина труда, применявшиеся наказания и т.д.). Безусловно, ключевой надлежало стать третьей главе, в которой раскрывалась производственная жизнь фабрики. Начиная с характеристики используемого сырья, технологии его переработки, завершая сведениями о количестве и качестве производимой продукции, рынках ее сбыта. Следующая глава призвана была дать представление о влиянии, оказанном предприятием на окружающие ее территории, жизнь и быт местного населения. Последнюю пятую главу автор, отдавая дань требованиям времени, намеревал-

⁹⁹ На существование таких лакун указывал П.Г. Любомиров, взявшийся за написание истории первых десяти лет нахождения фабрики в казенном управлении: «К сожалению, мы не можем ни следить за ростом этого предприятия, ни нарисовать полную картину “цветущего состояния” его в конце правления Новицкого ... Сухих цифровых ведомостей и справок руководитель иркутской мануфактуры не любил... с раздражением отвечал он своим критикам, что вникал “преимущественно в основании и течении существенных предметах, нежели игрою бухгалтерии”; а его помощник прямо признавался в “неведении записей по финансовым делам”. Ожидать точных отчетов при таком положении дел не приходится, но и вообще отчетами не богата иркутская фабрика..., этих отчетов, видимо, не сохранилось в архиве коллегии» (Любомиров П. Первые 10 лет существования Иркутской казенной суконной фабрики... С. 65–66).

ся посвятить «зачаткам революционного движения» на Тельминской фабрике в первой половине XIX века¹⁰⁰.

Замыслу автора по историко-экономическому описанию предприятия не суждено было воплотиться в законченную работу. В 1931 г. промышленная секция ЦБК провела конкурс на лучшее монографическое описание предприятия. Получившая четвертую премию работа В.Е. Дербиной «Тельминская мануфактура»¹⁰¹ спустя год выходит отдельным изданием под грифом ЦБК РСФСР. Посвященная тому же периоду, что и исследование Манассеина, хотя и привлекающая одни лишь материалы центральных архивохранилищ (и даже сознательно принижающая значение тех, что сохранились в Иркутске¹⁰²), книга, тем не менее, в глазах местных чиновников «от краеведения» делала бессмысленным продолжение работ местного автора.

Своего рода продолжением ранее начатых работ стало исследование М.К. Одинцовой, посвященное истории Николаевского чугуноплавильного и железоделательного завода¹⁰³. Основанная не только на опубликованных источниках, но и на хранившихся в окружном архиве материалах фонда Иркутского горного управления и Главного управления Восточной Сибири, работа носила заголовок «Из истории промышленного капитализма в Сибири», призванный указать на преемственность в подходах к его разработке¹⁰⁴.

¹⁰⁰ См.: ГАИО, ф.р-565, оп. 2, д. 37, л. 71.

¹⁰¹ См.: Там же, ф.р-1055, оп. 3, д. 7, л. 163об.

¹⁰² Дербина предпочитает даже не упоминать об «Исторической и статистической записке...», хранящейся в окружной библиотеке. Подчеркивая их малую значимость, отрывочность и недоступность, она пишет об архивных материалах, имеющихся у «иркутских старожилов» (Дербина В.Е. Первая сибирская мануфактура (Тельминская фабрика). К 200-летию со дня основания 1731–1931 гг. М.-Л., 1932. С. 17).

¹⁰³ Начало занятий этой темой совпало с переходом Одинцовой в 1930 г. на работу в Иркутский государственный музей, где она вскоре становится хранителем экономического отдела (ГАИО, ф.р-2731, оп. 1, д. 52, л. 4об, 31). Учитывая ее интерес к промышленной истории региона, не будет ошибкой предположить, что история возникновения фабрик, техника производства, образцы продукции, быт заводского населения и другие ее аспекты, находили свое отражение в музейных экспозициях.

¹⁰⁴ Рукопись хранится в ГАИО, ф.р-2731, оп. 1, д. 40.

М.К. Одинцова настойчива в своем стремлении не замыкаться в узких для нее рамках предприятия. Вот и начинается она с введения, посвященного характеристике железоделательной промышленности в Сибири в XVIII веке, дабы очевидными стали для читателей экономические и социальные предпосылки к созданию производства в этой части региона. От официально декларируемой цели предприятия «снабжать жителей Иркутской и части Енисейской губернии железом, чугуном и железными изделиями» к выявлению реально стоящей задачи обеспечения государством растущих потребностей частных приисков и промыслов обширной территории движется в своем поиске историк. «Николаевский завод как казенное предприятие» — раздел, призванный продемонстрировать как усилия казны (финансовые, технологические, административные), направленные на создание столь удаленного от исторически сложившегося в стране центра металлургии производства, так и ее «несостоятельность в деле организации и управления промышленными заведениями».

Как и в случае с Тельминской фабрикой, в разделе «Николаевский завод в руках частного капитала» в центре внимания историка находится торгово-промышленный комбинат, на этот раз известных сибирских купцов братьев Бутиных¹⁰⁵. Прииски, пароходство, винокуренные предприятия «комбината», включившего на определенном этапе в свой состав Николаевский завод, своими заказами, по мнению историка, способствовали процветанию предприятия в 1870–80-х гг. И, напротив, трудности, с которыми столкнулась «фирма» Бутиных, пагубно отразились на заводе, привели к его продаже.

В этой работе наиболее отчетливо проявился интерес исследователя не просто к истории предприятия, но к истории пред-

¹⁰⁵ Можно предположить, что сюжет этой работы был подсказан автору уже упоминавшейся статьей Н.Н. Козьмина, который писал: «Одним из интересных “комбинатов” этого рода были известные предприятия забайкальского купца Бутина, человека, несомненно, обладавшего и большою сметкой, и большим размахом. В виду той борьбы, которую вел этот недюжинный предприниматель со старой сибирской администрацией и юстицией, около него создалась довольно значительная литература, которая может дать любопытный и поучительный материал для исследователя судеб промышленности в Сибири во второй половине прошлого века» (Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности ... С. 83).

принимательства, к созидательной активности людей «дела», собственников «фирмы». Не вызывает, например, сомнений тот факт, что в описываемой процедуре банкротства фирмы Бутиных, автор не на стороне «кредиторов», возглавляемых видным представителем «ростовщического капитала» Иркутска И.С. Хаминным. С трудом верится, что в статье, написанной в самом начале 1930-х гг., рассказывается не о «хищном оскале капиталиста» М.Д. Бутина, а о программе благотворительности последнего, цитируются слова самого предпринимателя, который «по необходимости должен был производить траты и на представительство и на благотворительность. Траты на народное образование и заботы о нем — не филантропия, а необходимость, правильный расчет со стороны крупного предпринимателя, которому всегда выгодно иметь своими сотрудниками людей развитых и по возможности образованных».

Статья М.К. Одинцовой увидела свет лишь на исходе 1940-х гг.¹⁰⁶, когда академическая наука, как историческая, так и экономическая, вновь обозначили свой интерес к истории отдельных фабрик и заводов. Участники же обсуждения доклада, прочитанного историком на материалах статьи в ВСКО в феврале 1934 г., указали автору на целесообразность «построить работу по истории завода на ярком противопоставлении контраста тяжелой жизни рабочих и роскоши владельцев завода

¹⁰⁶ Одинцова М.К. Николаевский чугуноплавильный и железодельный завод. Из истории промышленности в Сибири // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Сер. ист.-филол. Т. 3. Вып. 2. Иркутск, 1948. С. 116-145. Заслуживает упоминания тот факт, что подготовка этой публикации, оживила интерес историка к забытой было теме, породила ряд докладов на конференциях («Промышленность г. Иркутска в XVIII-XIX вв.», «Из истории соляной промышленности в Восточной Сибири в XVIII в.», «Производство соли и железа в Восточной Сибири в XVII в.», «О производстве железа в XVII в. в Восточной Сибири», «Из истории металлургического производства в Ангаро-Илимском районе»), темы новых публикаций («Положение рабочих на предприятиях Иркутской губернии в XVIII и первой половине XIX века», и др.), а также учебного курса по истории ремесла и промышленности Восточной Сибири в XVII, XVIII и первой половине XIX, который, по мнению самой М.К. Одинцовой, «вследствие отсутствия печатных сводных работ по этой теме ... являлся, в сущности, исследовательской работой с привлечением новых архивных данных» (ГАИО, ф.р-2731, оп. 1, д. 52, л. 35об).

Бутиных», рекомендовали перенести акцент с малоинтересного для истории раннего («бутинского») периода развития промышленности в Восточной Сибири на период «империалистической и гражданской войны», и, наконец, «связать работу с практикой социалистического строительства»¹⁰⁷.

Еще более категоричен в своих суждениях был заведующий Истпартотделом Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б), на чей «строгий суд» была вынесена статья. «Работа М.К. Окунцовой (так в тексте. — Д.М.) «Из истории промышленного капитализма в Сибири. Николаевский чугуноплавильный и железоделательный завод» не является историей пролетариата этого завода, т.к. о самом рабочем имеются лишь отрывочные сведения. Главная идея — история владельцев данного завода, из каких рук в какие переходил завод. Второе, что освещено достаточно полно — техника и экономика завода и уже третье, очень, правда, недостаточно, но все же представляющее некоторый интерес это вопросы заработной платы и жилищные условия рабочих. С точки зрения истории пролетариата в таком виде, — подчеркивал «рецензент», — работа не годится. Нужна ли эта работа с точки зрения экономики и техники (истории их) предоставляю судить работникам Крайплана, куда и предлагаю направить ее для отзыва»¹⁰⁸. Вопрос о востребованности историко-экономического исследования хозяйственной практикой, всецело поглощенной делами и заботами очередной пятилетки, был фактически риторическим.

В середине 1960-х гг. М.К. Одинцова, являясь участником обсуждения и одним из рецензентов рукописи второго тома фундаментальной «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней», обратилась к главному редактору издания академику А.П. Окладникову, как к коллеге по историческому цеху, принимавшему участие в деятельности иркутских научных институций в конце 1920–начале 1930-х гг., с «дерзкой» просьбой упомянуть и ее работы среди «перечисленных авторов»¹⁰⁹. И имя

¹⁰⁷ ГАИО, ф.р-1055, оп. 3, д. 53, л. 5-5об.

¹⁰⁸ Там же, д. 31, л. 74.

¹⁰⁹ Там же, ф.р-2731, оп. 1, д. 51, л. 6.

М.К. Одинцовой было упомянуто на страницах «Истории Сибири». Однако отнюдь не в качестве исследователя прошлого сибирской промышленности, а как автора научно-популярной брошюры «Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири (XVII век)», увидевшей свет в Иркутске в 1958 году. Ее, как впрочем, и других иркутских историков второй половины 1920-х гг., участие в исследовательском проекте изучения экономической истории отдельного предприятия долгие годы будет совершенно безосновательно рассматриваться лишь в качестве эпизода массового краеведческого движения тех лет.

Глава 5. ЛОКАЛЬНАЯ АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ: В.Н. Шерстобоев

История сельского хозяйства есть в начале своем история заселения края и превращение диких полей, лугов и лесов в культурное состояние: при посредстве каких сил происходило это заселение, и какие материальные последствия оно имело — это вопросы, на которые, прежде всего, должно ответить историку сельского хозяйства.

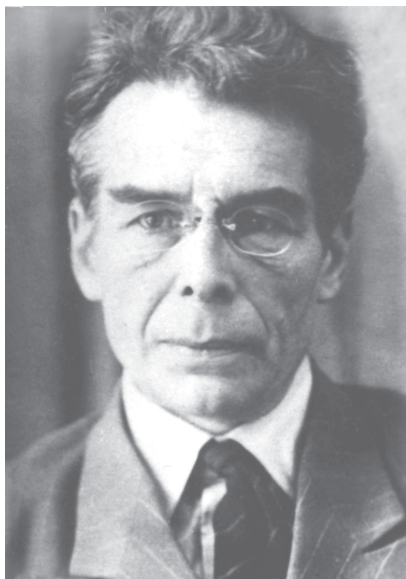
И.Н. Миклашевский, 1894

Выдержка из работы И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства. Часть 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века» (М., 1894) использована нами в качестве эпиграфа к этой главе не случайно. Книга, представлявшая собой диссертацию на степень магистра сельского хозяйства, уже одним только фактом обращения к теме экономиста, вызвала неоднозначную реакцию в среде профессиональных историков. Отдавая должное экономисту как первопроходцу, торящему путь в отечественной исторической литературе и не имеющему, в этом смысле, предшественников, они насторожено, однако, восприняли предложенное им (и воспроизведенное нами в эпиграфе) «расширительное» определение предметной области «аграрной истории», вышедшей далеко за рамки столь привычных «технических усовершенствований» и «правительственных мероприятий» в этой отрасли экономики.

Одного из рецензентов работы примирила с таким «широким» определением лишь оговорка автора, что речь идет о начальном периоде истории, этапе колонизации, для одного которого и надлежит, стало быть, выяснять «движущие силы» и «материальные последствия». «Против такого широкого определения понятия истории сельского хозяйства ... профессиональному историку спорить не стоит; напротив, последний, раз он является представителем реалистического направления в исторической науке, должен с благодарностью воспользоваться таким определением професси-

онального экономиста, выступившего в тоге историка»¹.

Немногим более полувека спустя уже другому экономисту и также специалисту в области сельского хозяйства доведется вновь «облачиться в тогу историка». И вновь в непростом диалоге с «профессиональными историками» отстаивать специфику предметного поля аграрной истории, теперь уже, в условиях господства «реалистического» направления в исторической науке, не расширяя его границы, а, напротив, сужая их, указывая на специфику ряда вопросов, нуждающихся в разрешении силами не историка, но специалиста-аграрника.

*Вадим Николаевич Шерстобоев
(фото, 1950-е гг.)*

Исследователь. Вадим Николаевич Шерстобоев родился 21 апреля 1900 г. в г. Барнауле. Революция и гражданская война помешали выпускнику Барнаульского реального училища 1918 года продолжить образование. Свой трудовой путь Шерстобоев начал библиотекарем Алтайского губернского земства. Работал лектором и агитатором, сотрудником-репортером газеты «Алтайский коммунист», санитаром отряда Красной гвардии. Будучи в 1922 г. мобилизован, принимал участие в боевых действиях на Дальнем Востоке. По окончании службы и возвращении на родину работал районным инструктором потребкооперации. Как отмечал в одном из своих писем Шерстобоев, «за эти годы дважды неудачно пытался поступить в вуз — мешали внешние обстоятельства. Сперва мечтал о юридическом факультете, потом о торговом, работа толкнула к сельскому хозяйству»². В

¹ Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 4. СПб., 1895. С. 116.

² ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 82, л. 60б.

1927 г. В.Н. Шерстобоев стал студентом факультета права и местного хозяйства Иркутского госуниверситета, который (правда, уже выделившийся в самостоятельный экономический институт) успешно закончил в 1930 г.

После окончания университета работал в Сельхозтресте при Иркутском потребсоюзе, а затем в облплане. С 1934–35 учебного года читал по совместительству курс экономики сельского хозяйства в Сибирском финансово-экономическом институте. В 1935 г. поступил на заочное отделение Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, которую окончил в 1940 г. В 1939–40 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой организации сельскохозяйственного производства в Иркутском сельскохозяйственном институте. В 1940 г. ему без защиты диссертации было присвоено ученое звание доцента. В 1943 г. В.Н. Шерстобоев перешел на постоянную работу в Иркутский финансово-экономический институт, где возглавил кафедру конкретных экономик (впоследствии — экономики сельского хозяйства), которой руководил до 1962 г. — года своего отъезда из Иркутска. Читал курсы общего земледелия и растениеводства, а также экономики и организации сельскохозяйственных предприятий. В 1943 г. защитил в Омском сельскохозяйственном институте кандидатскую диссертацию на степень кандидата сельскохозяйственных наук. Его публикации этих лет посвящены методике сельскохозяйственного планирования, экономике и районированию сельского хозяйства Иркутской области³.

Уже первое серьезное научное исследование В.Н. Шерстобоева, его кандидатская диссертация с далекой от истории экономики темой «Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области», продемонстрировала интерес ученого к аграрному прошлому региона. Хотя непосредственным предметом исследования стало в работе «приложение травопольной системы земледелия к условиям Иркутской области», диссертант счел необходимым предпослать основному материалу (изложенному в небольшой ранее изданной брошюре⁴) внушительное «вступле-

³ См.: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 107, л. 1-1об.

⁴ Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области. Иркутск, 1942. 72 с.

ние», скромно названное им «краткой характеристикой климата, почв и растительности» и сопровождавшееся «необходимыми историческими справками по развитию местного земледелия»⁵.

Выскажем предположение, что именно благожелательное отношение к «исторической» части работы, продемонстрировавшей высокую компетентность автора в вопросах, выходявших далеко за рамки непосредственного предмета изучения, весьма авторитетных специалистов и побудило впоследствии Шерстобоева избрать историю развития земледелия в регионе в качестве самостоятельной темы своих научных занятий. Как отмечал в своем отзыве на диссертацию известный экономист, профессор Иркутского университета К.Н. Миротворцев, «значительная часть работы (152 страницы из 282) представляет собой очерк природной среды и истории развития земледелия в Иркутской области с 60-х гг. прошлого столетия до настоящего времени... и может рассматриваться как опыт учета местных природных и экономических особенностей сельскохозяйственного производства...»⁶. Еще более категоричен в своих оценках был научный руководитель соискателя — П.А. Яхтенфельд, считавший, что «эта вступительная часть работы основана на исчерпывающе полном использовании литературных источников, частично архивных материалов и личном знакомстве автора с разнообразными условиями области. Вступительная часть работы выполнена настолько тщательно, что представляет самостоятельный интерес в качестве ценного вклада в местную краеведческую литературу»⁷.

Выдвинутое нами объяснение достаточно резкой смены направления научного поиска не кажется столь уж невероятным еще и потому, что сама диссертация получила негативную оценку экспертной комиссии по растениеводству, которая не сочла возможным рекомендовать ВАК утвердить диссертанта в ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук⁸.

⁵ Шерстобоев В.Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области: дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. Иркутск, 1943. С. 29.

⁶ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 62, л. 27.

⁷ Там же, л. 35.

⁸ Высшая аттестационная комиссия, однако, не отменила решения Ученого совета и лишь довела мнение экспертной комиссии до сведения его членов (там же, л. 51 об, 55).

Поставленная под сомнение защита диссертации, а, фактически, научная компетентность соискателя, заставившая, по его собственным словам, «испытать массу огорчений»⁹, могла побудить его развить наиболее удавшиеся в кандидатском сочинении сюжеты, но отнюдь не уйти в «тихую заводь» исторической науки, в чем обвинят его «чиновники от науки» тех лет. Крайне идеологизированная и политизированная историческая наука вряд ли могла стать тихим «пристанищем». Не обещал спокойствия и тот путь, который выбрал в ней ученый.

Не завершилась еще процедура утверждения кандидатской диссертации, которая растянулась на пять лет, а ученый приступил уже к новой работе. В его личном архивном фонде сохранилось датированное августом 1944 г. отношение, подписанное директором Иркутского финансово-экономического института, с просьбой разрешить ученому пользоваться архивными материалами для работы, тему которой В.Н. Шерстобоев сформулировал как «Сельскохозяйственное освоение Предбайкалья»¹⁰. Такая формулировка свидетельствует о стремлении продолжить ранее начатое дело, отодвинув в прошлое хронологические рамки исследования. В своих письмах тех лет он характеризует последнее как посвященное «изучению экономики сельского хозяйства северных районов Предбайкалья» и рассматривает, в силу масштабности замысла и сложности источников, как возможность убедительно продемонстрировать свой профессионализм в данной области знания¹¹.

Вплоть до успешной защиты первого тома своего труда в качестве докторской диссертации, придавшей уверенности в своих силах, В.Н. Шерстобоев будет неоднократно напоминать в письмах своим корреспондентам-историкам об отсутствии у него исторического образования, опыта преподавания исторических дисциплин и сколько-нибудь серьезных занятий ими¹². Пройдут годы, работа получит признание исторического сообщества, пре-

⁹ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 62, л. 57 об.

¹⁰ Там же, д.68, л.120.

¹¹ Там же, д. 62, л. 57 об.

¹² Архив РАН, ф. 1555, оп. 1, д. 390, л. 1 об. (письмо В.Н. Шерстобоева к В.И. Шункову от 21 ноября 1949 г.).

жде чем он свой рассказ о перипетиях научной биографии рискнет завершить словами: «как видите, кончил историей»¹³.

Первый вариант своей работы он даже начнет с отрицания исторического характера осуществленного исследования: «Предлагаемая работа не является исторической в подлинном смысле этого слова и оставляет вне внимания все внешние события, складывающие историю Сибири и в частности историю Илимского воеводства. Она посвящена более узкому и специальному вопросу о земледельческом освоении в XVII и начале XVIII века северных частей Ангара-Ленского края»¹⁴. И откроет он ее далеко не «исторической» главой, посвященной характеристике природных условий для земледелия в Ангара-Илимо-Ленском крае. Опираясь на данные современной ему науки, Шерстобоев даст описание климата региона, его почв и растительности, повторив, по сути, структуру и отчасти содержание своего кандидатского исследования¹⁵.

Желая вынести на передний план предмет своего первоочередного внимания и изучения — экономику сельскохозяйственного производства — исследователь сразу же за главой, посвященной природным условиям осуществления земледельческой деятельности, в первом варианте работы предполагал поместить главу «Хозяйство и быт крестьян»¹⁶.

Отказаться от первоначального замысла и предпослать этой главе разделы, дающие общую характеристику изучаемой территории, ее географии, административной истории и действовавшей в прошлом системы управления, заставила логика уже исторического исследования, характер используемых источников и избранный способ их разработки. В окончательном тексте работы Шерстобоев объяснит это так: «Изложению основной темы — пашенного дела — предпосланы разделы, вводящие читателя в круг других вопросов организации Илимского воеводства. Это оказа-

¹³ ГАИО, ф.р-2683, оп.1, д. 82, л. 7 об.

¹⁴ Там же, д. 2, л. 2.

¹⁵ С.Г. Струмилин, откликнувшийся письмом на присланный ему экземпляр первого тома «Илимской пашни», уже в первых его строках отметит тот факт, что эта глава не соответствует исторической направленности всей работы: «Для историка она скучна, а для географа излишней покажется вся остальная книга» (там же, д. 79 (россыпь)).

¹⁶ Там же. д. 2.

лось совершенно неизбежным, так как невозможно вырвать одну сельскохозяйственную сторону тогдашнего общества, не исказив общей картины экономики и всего строя Илимского воеводства. Поскольку пашенное дело являлось осью развития Ангара-Илим-Ленского края, оно было тесно связано со всеми сторонами общего процесса освоения русским народом обширного пространства северного Предбайкалья. Поэтому в работе освещены вопросы, имеющие на первый взгляд мало связи с земледелием¹⁷.

Программа исследований. Заслуживает внимания и осмысления сам факт обращения к сохранившемуся в Государственном архиве Иркутской области фонду илимской воеводской приказной избы (канцелярии), содержавшему документальные материалы конца XVII–XVIII веков¹⁸, не профессионального историка, а специалиста в области экономики сельского хозяйства.

Было бы упрощением объяснять его лишь социальным контекстом, крайне неблагоприятным для развития местной исторической науки, разрабатывавшей, в силу этого, преимущественно историко-партийную или историко-революционную тематику. Ответ, как представляется, кроется в особенностях архивного материала, отмеченных исследователем в первых строках работы, в преобладании среди документов «... тех первичных бумаг, которые в сильной степени отобразили преимущественно мелкие стороны хозяйственного быта российской окраины. В этих старинных делах нет свидетельств о крупных исторических событиях, напротив они касаются лишь незначительных, повседневных вопросов и рассказывают о рядовых, обыденных лицах. Илимский архив позволяет восстановить с большой подробностью картину развития экономики северного Предбайкалья»¹⁹. Именно поэтому «облачиться в тогу историка», а на деле — осуществить сложный комплекс архивных и археографических работ, связанных с включением в научный оборот новых исторических источ-

¹⁷ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 6.

¹⁸ О происхождении документальных материалов архивного фонда см. гл. 3.

¹⁹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1... С. 3.

ников, с последующей их научной обработкой и интерпретацией, довелось далекому от исторической науки исследователю²⁰.

В небольшой заметке «О фонде Илимского воеводства», предназначенной для стенгазеты Архивного отдела Иркутской области, В.Н. Шерстобоев подчеркнет значение фонда илимской воеводской канцелярии как содержащего уникальный и притом исчерпывающий материал для познания именно аграрной истории региона: «Этот фонд отражает преим[уществен]но развитие кр[естьянско]го хозяйства: число душ, размеры посева, урожаи, сплав хлеба по Лене, цены на хлеб... По Ил[имском]у фонду можно проследить появление в Предбайкалье картофеля и его распространение в сев[ерных] районах. Наряду с этим в фонде нашла отражение и социальная жизнь того времени, ... правовое положение русского крестьянства и местных туземных народов»²¹.

В том внимании, которое Шерстобоев уделил проделанной им работе архивиста, можно усмотреть отнюдь не одно только стремление историка-неофита поделиться с читателем приобретенным опытом или подчеркнуть свои несомненные заслуги перед местной исторической наукой (а среди историков — предшественников и современников Шерстобоева нельзя назвать никого, кто ввел бы в научный оборот такую массу новых источников и фактов). За этим вниманием кроется и критика в адрес последней, долгие годы не проявлявшей интереса к этим документальным материалам и даже не осуществившей их технической обработки. К началу его работ над илимскими документами, подчеркивает Шерстобоев, немалая их часть все еще «представ-

²⁰ Заметим, что в эти же годы В.К. Яцунский (имя которого уже неоднократно упоминалось и еще будет упоминаться на страницах этой работы) в своих лекциях по историографии истории СССР, прочитанных на историческом факультете МГУ, ставил в пример будущим историкам «буржуазного экономиста А.А. Кауфмана», достигшего больших успехов в изучении писцовых книг, к которым тот подошел «как специалист по экономике земледелия. Он сумел в этих писцовых книгах увидеть то, чего не увидели историки. ... Каким образом он мог это сделать — потому что он знал земледелие хорошо, а историки, изучавшие писцовые книги, не сумели этого прочесть. Буржуазный экономист Кауфман с этой точки зрения подошел к писцовым книгам, а мы подойти не удосужились. Сейчас этот вопрос ставится по инициативе Грекова в комиссии по истории земледелия АН» (Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 127, л. 42).

²¹ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, л. 168.

ляла неописанные дела, состоявшие, главным образом, из так называемой россыпи». В ходе «приведения в ясность и упорядочения» которой, им было сформировано 1774 дела, состоящих из 160006 листов²².

В процессе визуального знакомства с содержанием архивных дел и отдельных документов Шерстобоеву стали очевидны те невосполнимые лакуны, которые образовались в коллекции документальных материалов илимской воеводской канцелярии. «Драгоценное хранилище мирной героики илимского крестьянства» пострадало не только за долгие годы его пребывания в нетопленных, сырых амбарах «киренского архива», но вследствие небрежного отношения уже после того, как последний был «спасен» для науки. Более того, именно этот период его существования продемонстрировал своеобразный, поистине «избирательный интерес», проявленный к сохранившимся в нем раритетам «деятелями» местной исторической науки. Ценные части архивного собрания и, прежде всего, подлинные акты Сибирского приказа были, по мнению исследователя, похищены уже «в наше время, не позднее начала XX века. Кто знает, может быть часть этих, изъятых хищной рукой сокровищ еще скрывается в частных собраниях древностей»²³.

От исследователя потребовалось знание основ источниковедения, археографии и палеографии, то есть с приемов прочтения и передачи в печатном издании рукописных текстов

²² Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 8–9. Объемы предварительной работы, проделанной исследователем, впечатлят лишь искушенного читателя. Неспециалисту больше скажут строки приказа по Архивному отделу Управления МВД Иркутской области с выражением благодарности ученому: «В Государственном архиве Иркутской области хранилось до 2-х тонн россыпи документов из дел Илимской воеводской приказной избы (канцелярии), представляющих исключительный научный интерес и являющихся единственным историческим источником по истории Восточной Сибири этого периода... В 1946 г. по собственной инициативе приступил к научно-методической обработке этих материалов... Вадим Николаевич Шерстобоев. Многодневный труд его по детальному просмотру документальной россыпи завершен в январе 1947 г. ... Тем самым длительное время хранившиеся мертвым капиталом документальные материалы приобрели не только доступность для использования, но и получили необходимую обработку, гарантирующую их полную сохранность» (ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 68, л. 126).

²³ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 2, л. 6–6 об.

XVII–XVIII веков²⁴. О том, что это знание было далеко не поверхностным, свидетельствует умелое сочетание (доступное, заметим, лишь профессионалу своего дела) информации, адресованной как подготовленному читателю, так и любителю местной истории, взявшемуся за прочтение его труда.

Профессионального историка ученый ставит в известность, что «в передаче старинных текстов сохранено написание подлинников, при этом допущена некоторая обработка, облегчающая их чтение, а, следовательно, и понимание»²⁵, вслед за чем, скрупулезно перечисляет все изменения, произведенные им в текстах архивных документов.

Историку-профессионалу Шерстобоев демонстрирует так же в полной мере освоенную им процедуру восстановления утраченных текстов. При этом подчеркивает актуальность для этого не только имеющихся в арсенале исторической науки прикладных методик, технических приемов и навыков, но и понимания «общего содержания» документа, требующего профессиональных знаний и опыта в области экономики сельскохозяйственного производства²⁶.

Скорее всего, массовому читателю адресует ученый описание внешнего облика документов, словно желает сделать и его, лишенного возможности держать их в руках, соучастником в захватив-

²⁴ В цитирувавшемся выше приказе по архивному отделу специально подчеркивается факт отсутствия в распоряжении местного архива «квалифицированных кадров, хорошо владеющих скорописью (т.е. приемами чтения почерка деловой письменности XVII и XVIII вв. — *Д.М.*)», в силу чего эта, по существу историческая институция, не имела возможности провести работу по научно-методической разработке и систематизации фонда Илимской приказной избы (см.: там же, д. 68, л. 126).

²⁵ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 9.

²⁶ «Путем сличения имен, цифр и общего содержания всех книг (“ужинных” и “умолотных”). — *Д.М.*) удалось восстановить многие данные в погибшем тексте. Например, если в одной книге уцелело имя крестьянина, то по другой книге можно установить размер его посева. Так как посев и выдача семян являются величинами, связанными посредством нормы высева, вернее — нормы ссуды на десятину, то оказывается возможным восстановить величину посева в одной книге, если в другой уцелели данные о выдаче семян, и наоборот. Аналогичная связь между площадью посева и размером сбора за ямские десятины придавала большую надежность результатам восстановления текста» (Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 343).

шей его работе: «внешне документ построен по типу свитка, со склейками», «документ имеет вид столбца. На обороте остались следы множества складок, образовавшихся вследствие сгибов», «от печати на “данной” остались прорезы в бумаге и пятна» и т.п.

Из «тайников воеводской канцелярии» ученый извлекает даже колос ржи, обнаруженный им между листами дела хлебного повытья 1755 года. Будучи сфотографирован в натуральную величину, он не просто иллюстрирует страницы книги, посвященные структуре полевых культур в Илимском воеводстве, а «документирует» исследователем, «приобщается» им к архивному фонду.

Столь нетривиальный прием, вряд ли пришедшийся по душе академическим историкам, но простительный, с их точки зрения, непрофессионалу, лучше всего иллюстрирует и провозглашенный В.Н. Шерстобоевым в качестве основного способ разработки документальных источников: «сплошное изучение каждого документа, каким бы малоценным, с точки зрения излагаемой темы, он ни казался»²⁷.

Противопоставленная исследователем «избирательному подходу», направленному на выбор наиболее информативных с точки зрения выбранной темы документов, фронтальная проработка источников, несущих в себе разностороннюю информацию об агротехнических, экономических, демографических, социальных процессах, явлениях, структурах и событиях в пределах локального территориального пространства, неизбежно привела к расширению проблематики исследования.

Комплексное по своему характеру исследование В.Н. Шерстобоева закладывало тем самым фундамент «локальной истории», отталкивающейся от «объекта» изучения («края», «места», «локуса»), но не отождествляющей его с «предметом» познания. Работа не стала простым архивным изучением определенной группы документов по территориальному принципу. Исследователь соединил архивные разыскания с обследованием местности изучаемых им исторических событий, более того, в своих работах с источниками движется к ним от географии, рельефных, природных условий местности, а не в противоположном направлении.

²⁷ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 6.

В процессе работы над архивными документами В.Н. Шерстобоев совершил три поездки по местам описываемых событий (в 1945, 1946 и 1949 гг.), в ходе которых «смотрел, слушал, вникал, учился, фотографировал»²⁸, детально знакомясь с географией и топонимикой, собирая сведения об агротехнических приемах местного населения, местных говорах, сохранившихся памятниках деревянного зодчества, происхождении семей, их передвижении по региону и т.д. Результатами поездок стало не только более глубокое понимание источников, привязка содержащейся в них информации к конкретным географическим и пр. условиям, но и отрицание, например, признаваемого рядом историков факта существования «Игирминского» волока или уточнения, внесенные им в ряд, как исторических, так и современных географических карт региона²⁹.

Составленное ученым детальное описание региона, включающее сведения о географии, климате, почвах, растительности, населенных пунктах, событиях и людях прошлого не было, однако, возвратом к «краеведению» минувших столетий — естественноисторическим изучением местной территории, характерной чертой которых, в отсутствие дисциплинарной специализации знания, являлся предметный эклектизм. И уж тем более к «советскому краеведению», становление которого, как было показано в предыдущей главе, нанесло серьезный удар по профессиональной исторической науке, в том числе и становлению локальных исторических изучений в стране.

Напротив, работа Шерстобоева фактически положила начало профессиональным историко-географическим и историко-демографическим исследованиям региона, изучению его политико-административной и социальной истории и даже, в известной мере, будущим генеалогическим исследованиям. Однако и географи-

²⁸ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 5 об.

²⁹ В связи с последним замечанием заслуживает упоминания тот факт, что В.Н. Шерстобоев выступил членом редколлегии и одним из авторов «Атласа Иркутской области» (М.: Иркутск, 1962). Макет карты, характеризующей изучение области и ее постепенное освоение, был разработан с использованием выполненного им эскиза и снабжен авторским комментарием.

ческие и демографические и прочие сюжеты исследователь выстраивает вокруг «ядра» своей работы — изучения экономики, техники и организации крестьянского хозяйства, в силу чего ее можно с полным на то основанием отнести к жанру «локальной аграрной истории». Именно изучение экономики крестьянских хозяйств он сделает ареной использования аналитических методов — главным образом количественных (статистических), «внесения в обработку документов расчетного метода»³⁰, в то время как «периферия» попадет преимущественно во власть описательных методов воссоздания прошлого.

На эту особенность проведенного исследования обратит впоследствии внимание один из рецензентов — С.Г. Струминин: «Его работу с интересом прочтет и экономист, и историк, и географ. Географ найдет в ней не только разделы о климате, почве и растительности, но и подробнейшую карту всех поселений Илимского воеводства к началу XVIII в. и полный список этих поселений. Историки получат в ней детальную картину заселения этого края, ... историю местного управления, обложения населения, народных волнений и прочих исторических событий. Но больше всего найдут в ней экономисты...»³¹.

Подчеркнем решающую, на наш взгляд, роль не просто близких к истории областей знания — географии, картографии, демографии, статистики, но непосредственно входящих в ткань исторического знания на правах вспомогательных исторических дисциплин «исторической географии», «исторической демографии», «исторической статистики» и др., в возвращении в практику местного историописания научного подхода к изучению предмета.

Носителем нормативного исторического знания по отношению к местному историческому сообществу, практика историописания которого в течение, по меньшей мере, двух десятилетий определялась идеологическими и политическими, а не профессиональными установками, довелось выступить представителю уже не «столичной» или «центральной» исторической науки, а совершенно иной профессиональной группы. Именно в области специальных исторических знаний, как мы покажем ниже, про-

³⁰ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 7.

³¹ РГАЭ, ф. 219, оп. 1, д. 440, л. 272.

явится оппозиция В.Н. Шерстобоева местному историческому сообществу, прозвучит критика в адрес его лидеров³².

В этой связи, вряд ли простым совпадением было упоминание работы Шерстобоева в обзоре местных исторических исследований послевоенного периода, предпринятом В.К. Яцунским. Историком, напомним, связывавшим развитие вспомогательных исторических дисциплин и, в частности, исторической географии и экономической истории, с расширением содержания исторического знания. В своей статье он сознательно подчеркнет, что «...научная подготовка автора, являющегося специалистом по экономике сельского хозяйства, позволила ему дать очень ценный анализ организации илимского крестьянского хозяйства изучаемого времени»³³. В завязавшейся же вслед за тем переписке назовет исследование «лучшим из всего опубликованного нашими провинциальными учеными по социально-экономической истории за последние годы» и будет настаивать на обязательном участии иркутского ученого в предпринимаемых им издательских проектах в области аграрной истории и исторической географии³⁴.

³² Местная историческая наука и по сей день склонна рассматривать работу Шерстобоева всего лишь как «печатный архив, имеющий огромный фактологический потенциал», подчеркивая тем самым ее значение в качестве источника исторических фактов (особенно после передачи материалов XVII и частично XVIII в. фондов Илимской и Усть-Киренской канцелярии в Российский государственный архив древних актов), и не рефлексирова по поводу изменений, произведенных ею в практике местных историописаний.

³³ Яцунский В. Изучение местной истории в СССР ... С. 83. В одном из своих писем к Шерстобоеву Яцунский вновь затронет эту тему: «Вы, по Вашей службе и первоначальной научной подготовке человек далекий от истории, сумели так войти в далекую от нас жизнь прошлого, как это далеко не всегда удастся профессиональному историку. Благодаря именно Вашей неисторической первоначальной подготовке Вы сумели внести в разработку темы свежую струю» (ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д.79 (россыпь)).

³⁴ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д.79 (россыпь). В.Н. Шерстобоев предполагал, например, подготовить для составлявшегося В.К. Яцунским специального номера «Вопросов географии», посвященного исторической географии Урала и Сибири, статью о географическом размещении бурятских и тунгусских родов по Прибайкалью в середине XVIII века. Намерение, однако, не было реализовано, как в силу сдержанного отношения ученого к предварительному опубликованию отдельных частей широко задуманной им работы, так и его желания «... взять более близкую к ... основной работе тему» (Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 637, л. 6 об.). При этом, он воздавал должное Яцунскому как «адепту и строителю» исторической географии — одной из ветвей исторической науки, «... без устали строящем в ряды разбредующихся маловеров» (там же, л. 8 об.).

Как не был случайностью и тот факт, что другому специалисту в области исторической географии — В.В. Покшишевскому, первым откликнувшемуся на работу Шерстобоева не только рецензией в местной газете³⁵, но и ее развернутым вариантом в сборнике «Вопросы географии», в определении предметного поля рецензируемого исследования, удастся подметить характерные особенности, используемого автором способа реконструкции локальной аграрной истории, назвав «доходящим до *первичных хозяйственных клеточек* экономико-географическим очерком Илимского края, *приуроченным* ко 2-ой половине XVII и началу XVIII века, *тесно сплетенным* с обширным собственно историческим материалом»³⁶.

Удачно подобранные рецензентом слова, выделенные нами курсивом, верно расставляют акценты в исследовательской программе В.Н. Шерстобоева: указывают на ее «ядро» — экономику крестьянских хозяйств, не оставляя при этом без внимания географическую «периферию» и те приемы, с помощью которых ученый фиксирует конкретные исторические условия в которых она (экономика) функционирует³⁷.

Производство знания. Работа над рукописью шла параллельно с работой в архиве, поскольку еще в январе 1946 г. Шерстобоев заключил договор с Иркутским областным издательс-

³⁵ См.: Покшишевский В. «Илимская пашня» // Восточно-Сибирская правда. 1949. 11 окт. С. 3.

³⁶ Покшишевский В. [Рецензия] // Вопросы географии. 1950. Сб. 20. С. 309. Рец. на кн.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949.

³⁷ Приведем лишь один пример того, как Шерстобоев подключает к «ядру» своего исследования («тесно сплетает с ним») материалы на первый взгляд представляющие крайне незначительный интерес. Именно «на первый взгляд», поскольку слова, которыми начинает он небольшой параграф, посвященный крещению ясачных, тут же заставляют читателя усомниться в малой значимости сведений приводимых на последующих страницах: «Принятие ясачным православия означало не перемену его заблуждений, а переход к новой хозяйственной деятельности... Поэтому изучение материалов о крещении ясачных не столько относится к истории церкви, сколько к истории туземного хозяйства» (Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 634). И прибегает к таким приемам по ходу своей работы ученый неоднократно.

твом на издание брошюры (!) объемом до пяти печатных листов «Илимская пашня XVII и начала XVIII вв.»³⁸.

Факт включения работы в издательский план не остался незамеченным и вызвал реакцию, на которую вряд ли рассчитывал автор. В октябре областная газета опубликовала статью Е. Алакшина «О местной сельскохозяйственной литературе», в которой автор, негодуя по поводу отрыва части научных работников от колхозной и совхозной практики, в качестве «характерного примера» сослался на подготавливаемую к печати брошюру Шерстобоева и задался вопросом: «Почему автор — единственный в области специалист по вопросам организации колхозного хозяйства — ничего не пишет по насущным вопросам современности»³⁹.

Ответ прозвучал со страниц той же газеты, немногим менее месяца спустя посвятившей «разбору» творчества ученого передовую (!) статью. «Уход отдельных научных работников от современности в историзм» стал, по мнению газеты, результатом попустительства со стороны руководства вузов, где работал исследователь, которое «...не находит научных сил для разработки более неотложных тем..., не поручает тов. Шерстобоеву такие темы, как организация и планирование колхозного производства, специалистом которых он является»⁴⁰.

Попытка Шерстобоева в своем письме в редакцию после появления уже первой статьи отстоять право на свободу творчества: «вообще говоря, у человека нет обязанности писать что-либо, если это не вытекает из его служебного положения»⁴¹, была встречена редактором во всеоружии — ссылкой на совсем «свежий» доклад А.А. Жданова «О журналах «Ленинград» и «Звезда», «...где особые требования отражать современность предъявлены писателям, которые... не занимают никакого служебного положения. Тем более такие требования должны быть

³⁸ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 69, л. 2. Для сравнения — объем только первого тома «Илимской пашни» составил 42 печатных листа.

³⁹ Восточно-Сибирская правда. 1946. 26 окт. Автор статьи в своем критическом запале даже не заметил, как на целое столетие, в XVI век, перенес начало освоения Прибайкалья.

⁴⁰ Там же. 1946. 20 нояб.

⁴¹ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 84, л. 19.

предъявлены к людям науки». Ученому предлагалось «...делом ответить на требование партии — помочь колхозам в укреплении артельного хозяйства»⁴².

Уже после выхода книги в свет В.Н. Шерстобоев в своем письме к В.И. Шункову так опишет события тех лет: «здесь, в Иркутске, мои историко-экономические занятия были встречены крайне недоброжелательно. Лишь поездка в Москву положила крест на обвинениях меня в техницизме, в историзме, в отходе от актуальных тем современности, в моем якобы стремлении ускользнуть от контроля»⁴³.

Действительно, летом 1947 г. В.Н. Шерстобоев предпринял поездку в Москву для работы в Центральном государственном архиве древних актов с материалами Сибирского приказа и «портфелями Миллера». Поездка, однако, преследовала еще одну цель — заручиться поддержкой в масштабном исследовательском и издательском проекте, который давно вышел за рамки первоначально задуманной небольшой брошюры (объем первого варианта «Илимской пашни», датированного июлем 1946 г., превысил уже 30 п.л.), отвести угрозу, реально нависшую над будущей книгой.

Исследователь намеревался апеллировать к авторитету патриарха сибиреведения, члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина, со знакомства с работами которого, по его собственному признанию, он начал свои занятия историей Сибири и который в научной среде славился «внимательным и благосклонным» отношением к авторам-сибирякам⁴⁴.

Можно предположить, что одним из вопросов, который предполагал обсудить с «мэтром» Шерстобоев, был вопрос о возможности рассматривать выполненное им исследование в качестве докторской диссертации. В личном архивном фонде ученого сохранились машинописный и рукописный экземпляры работы, озаглавленной им «Начало развития земледелия в Предбайкалье (Илимская пашня)» и датированной мартом все того же 1947 г. Судя по заглавию архивного дела, составители рассматривали ее

⁴² ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 84, л.14 и 14(об).

⁴³ Архив РАН, ф. 1555, оп. 1, д. 390, л.1.

⁴⁴ Там же, ф. 624, оп. 1, д. 251, л. 2 (письмо В.Н. Шерстобоева к С.В. Бахрушину от 30 августа 1949 г.).

в качестве первоначального варианта статьи «Земледелие Северного Предбайкалья в XVII–XVIII вв.», увидевшей свет в 1952 г.⁴⁵, черновые материалы которой действительно заключены между страницами более ранней работы. Однако эти материалы не только разделяют три с половиной года, они несопоставимы по объемам и не совпадают текстуально. Структура текста 1947 г., отражающая первый вариант книги, объем, заглавие (не столько «книжное», сколько «диссертационное»), позволяют рассматривать его как самостоятельное, законченное произведение, знакомящее читателя с результатами проведенного исследования, как автореферат будущей диссертации⁴⁶.

Отсутствие С.В. Бахрушина в Москве внесло коррективы в планы Шерстобоева. Первым «столичным» читателем и рецензентом работы выступил не историк, а экономист, академик С.Г. Струмилин, встреча с которым была вызвана, по всей видимости, предполагавшимся его участием в работе запланированной на август 1947 г. конференции по изучению производительных сил Иркутской области, проводившейся под эгидой Совета по изучению производительных сил АН СССР. Как признавался впоследствии Шерстобоев в своем письме к Струмилину, «... у меня было сомнение, примете ли Вы меня, а если да, то познакомитесь ли с работой, а если да, то не отошлете ли Вашего покорного слугу за тридевять земель, в Иркутск, к исходной точке моих занятий»⁴⁷.

Несколько строк, начертанных академиком на титульном листе машинописного экземпляра «Илимской пашни» и гласивших: «Очень серьезная и ценная исследовательская работа. Могу поздравить автора с большой творческой удачей. Акад. С. Струмилин. 11/VI. 1947 г.»⁴⁸, не только вселили в душу ученого уверенность в собственных силах, но и послужили «охран-

⁴⁵ См.: Шерстобоев В.Н. Земледелие Северного Предбайкалья в XVII–XVIII вв. // Материалы по истории земледелия СССР / Отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1952. Сб. 1. С. 279–302.

⁴⁶ См.: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 25, лл. 1–7. См. также: Шерстобоев В.Н. Начало развития земледелия в Предбайкалье (Илимская пашня) / Предисл., публ. и прим. Д.Я. Майдачевского // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. Иркутск, 2000. С. 11–22.

⁴⁷ РГЭА, ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 2.

⁴⁸ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 89, л. 63.

ной грамотой» («спасибо Струмилину. Он меня спас от гнусных изветов»⁴⁹), охладившей пыл местных чиновников от науки. Не случайно, передавая тот же экземпляр работы В.И. Шункову, с которым, по словам Шерстобоева, судьбе угодно было свести его во время пребывания в столице, ученый вынужден был в сопроводительной записке извиняться за отсутствие «удержанного» им титульного листа, обретшего статус и начавшего самостоятельную жизнь «официального документа»⁵⁰.

Короткое резюме С.Г. Струмилина, как и полученное месяц спустя, уже в Иркутске, в ходе конференции, заключение принимавшего в ней участие еще одного академика-экономиста В.С. Немчинова: «Даже очень беглый просмотр рукописи «Илимской пашни» показал, что на лицо интересная и весьма необходимая работа. Могу только пожелать автору творческого успеха в ее завершении и опубликовании»⁵¹, могли рассматриваться Шерстобоевым в качестве признания или подтверждения целесообразности и актуальности предпринятого им исследовательского проекта.

Совсем иные ожидания были связаны с откликом представителя исторического «цеха» — от успеха в другой профессиональной группе во многом зависела уже научная судьба проекта; с ним были связаны и перспективы «научного роста» ученого. Тем более, такого как В.И. Шунков — ученика С.В. Бахрушина, выпустившего на исходе 1946 г. монографию «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–начале XVIII веков».

⁴⁹ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д.62, л.99.

⁵⁰ См.: там же, д. 89, л. 120. Стоит обратить особое внимание на то как часто в эти непростые для отечественной науки (и местной в особенности) годы ученому приходилось делать достоянием гласности, а на деле «доводить до сведения» руководства вуза, издательства, областного комитета партии, содержание своей научной переписки. Выражения «я познакомил с Вашим мнением дирекцию Иркутского финансово-экономического института», «передал письмо местному ОГИЗу», «обком ВКП (б), узнав о получении письма, просил познакомиться с его содержанием» и т.п. из писем С.Г. Струмилину, В.С. Немчинову, С.В. Бахрушину хорошо передают атмосферу, в которой существовали социальные и гуманитарные науки в послевоенный период.

⁵¹ Там же, л. 66. Шерстобоев принял участие в работе руководимой В.С. Немчиновым сельскохозяйственной секции конференции и выступил с крайне далеким от темы своих научных изысканий докладом «Состояние и перспективы развития овощекартофельной базы вокруг промышленных центров области».

Отзыв Шункова, думается, разочаровал Шерстобоева. Столичный историк нашел в исследовании провинциального коллеги лишь «подтверждение тех основных положений, которые высказал в своей работе», а главным достоинством счел «постановку вопроса и положительное решение о роли крестьянства в колонизации Сибири», что ранее было сделано им самим «на примере воеводств Тобольского разряда». Отсутствие в работе сравнительной перспективы, хотя бы в региональном масштабе, рецензент счел недостатком, в силу которого работа рисковала получить лишь узко-краеведческое значение⁵², чем продемонстрировал крайне узкий взгляд на само краеведение.

Краеведческим исследование делают отнюдь не его «узкие» территориальные рамки, а используемые методологические подходы и научный инструментарий. Именно с этих позиций будет Шерстобоев критиковать работы самого Шункова: за присущее им стремление принизить научное значение восточносибирских материалов, «полное незнание географии» изучаемого ученым района (подчеркивая тем самым камеральный характер осуществляемых работ), но, главное — за «неумение воспользоваться материалами»⁵³.

Московский историк в своем критическом обзоре коснулся, главным образом, источниковедческих аспектов работы Шерстобоева, и при этом полностью проигнорировал ключевые, с точки зрения последнего, разделы, посвященные экономике крестьянских хозяйств. Совершенно иную направленность носил детальный, буквально постраничный («я не хотел бы попасть в число немых читателей Вашей книги») разбор уже иркутским исследователем монографии Шункова.

Под огонь его критики попали весьма поверхностные познания автора в области систем земледелия, то есть способов использования пашни («все это сильная путаница понятий») и многочисленные ошибки в расчетах ставшие их следствием. Обратил он

⁵² ГАИО, ф.р-2683, оп.1, д. 79 (россыпь) (письмо В.И. Шункова к В.Н. Шерстобоеву от 28 июня 1947 г.).

⁵³ Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 637, л. 6 об (письмо В.Н. Шерстобоева к В.К. Яцунскому от 17 ноября 1950 г.).

внимание и на отсутствие у того элементарных представлений о рыночных процессах («странно, закупки стимулируют рынок и развитие земледелия»). Рецензент считал некорректными выводы автора о динамике урожайности («нет, по двум годам ни о чем судить нельзя») и о средней урожайности («уезд должен нивелировать средние, значит, колебания уменьшаются»). Изъяны, подмеченные рецензентом, стали во многом результатом недостаточной компетентности автора в области техники статистического анализа («все сопоставления делаются на несопоставимом и неподдающемся проверке материале»). Даже там, где имевшийся в его распоряжении материал позволял с помощью простейших статистических приемов серьезно обогатить выводы, сделать их более точными и наглядными, историк предпочитал говорить сам, вместо того, чтобы заставить говорить цифры: «Печально, что в таблице Вы не воспользовались выведением средней. Нельзя упускать оружие»⁵⁴.

В отличие от своего московского коллеги В.Н. Шерстобоев демонстрирует не только неизменный интерес, но и профессиональные навыки в использовании количественных методов анализа. И начинает делать это уже с «периферии» своего исследования — «историко-демографического» его раздела, где, не ограничиваясь простым подсчетом численности населения Илимского воеводства, осуществляет его разбивку по социальным группам (выделяя внутри каждой относящиеся к ним категории местного населения), устанавливает удельный вес этих групп в общей численности, демонстрирует пространственное их размещение, выявляет закономерности последнего — основные центры приречного земледелия в рассматриваемой области⁵⁵.

Оговорив, что судьба большинства социальных групп населения «определялась экономикой крестьянина», он возвращается к теме уже в основном разделе своей работы, в котором, подвергнув «детальной обработке» сохранившиеся материалы переписи (первой ревизии), определяет средние размеры крестьянского двора по числу членов семей, рассчитывает средний размер

⁵⁴ Архив РАН, ф. 1555, оп. I, д. 146, лл. 1–6. См. также: ГАИО, ф. 2683, оп. 1, д. 87.

⁵⁵ См.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 112–119.

крестьянской семьи, осуществляет группировку крестьянских дворов по числу членов семей, выясняет возрастной состав крестьянской семьи, соотношение работающих и иждивенцев, определяет социальную структуру двора пашенного крестьянина, процент хозяйств, использующих труд наемных или подневольных людей, группирует хозяйства пашенных крестьян по величине посева и признаку найма рабочих и т.д.⁵⁶

Наиболее широкое применение количественные методы найдут на страницах, посвященных хозяйственной деятельности пашенного крестьянина. «В основу анализа крестьянского хозяйства ... положена группировка по величине посева, так как земледелие являлось главной сферой производства пашенного крестьянина»⁵⁷. Имеющиеся в распоряжении исследователя материалы были обработаны также по признаку применения наемной рабочей силы и по величине семьи. Не ограничившись определением удельного веса выделенных на этом основании четырех групп хозяйств, ученый исчисляет средние показатели на одно хозяйство по каждой из них, поскольку «этот прием анализа помогает легче составить представление о среднем размере исследуемого хозяйства»⁵⁸.

Существенная разница в размерах семьи мелких и крупных хозяйств заставит Шерстобоева прибегнуть к использованию еще одного аналитического приема — сопоставлению различных категорий хозяйств по объему производства и по обеспеченности орудиями труда на одну душу, что, сглаживая различия по ряду показателей, делает их более резкими по размерам производства, объемам валовой и товарной продукции. Благодаря используемому подходу, считает ученый, «...закономерное повышение мощности хозяйства при переходе от мелкого производства к крупному проявляется достаточно рельефно»⁵⁹.

Произведенная им группировка по размеру посева позволит, кроме того, вычислить среднюю урожайность зерно-

⁵⁶ См.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 259–283.

⁵⁷ Там же. С. 284.

⁵⁸ Там же. С. 285.

⁵⁹ Там же. С. 289.

вых⁶⁰, степень товарности хозяйств различного типа, размер посева на одну лошадь, количество крупного рогатого скота на десятину посева, заготовку сена на голову скота — показателей представляющих исключительную ценность для исследователей крестьянских экономик.

Анализируя группировку хозяйств, осуществленную по признаку применения наемной рабочей силы, исследователь использует более сложные, нежели вычисления процентных соотношений или средних величин, статистические методы, считая в данном случае более наглядной статистической процедурой установление коэффициента отклонения удельного веса. Разделив все хозяйства на три группы (использующие наемную рабочую силу, имеющие подворников, т.е. постояльцев и использующие лишь труд членов семьи), вычислив удельные веса каждой из них по различным показателям (размеру семьи, числу работников, посеву, скоту и т.д.) и взяв за основу удельный вес хозяйств по числу членов семьи, Шерстобоев исчислил отклонения удельных весов всех прочих показателей. «Таким образом, для всех показателей был установлен коэффициент отклонения их удельных весов от удельного веса членов семьи и выражен в процентах. Разумеется, в зависимости от целей анализа за основу можно брать любой другой показатель...»⁶¹.

Статистические методы исследователь активно использует в ходе решения и крайне интересующего его вопроса о распростра-

⁶⁰ Результаты расчета данного показателя, после их опубликования в первом томе «Илимской пашни», встретили возражения со стороны академика С.Г. Струмилина, который писал автору: «...если ... Вы выводите среднюю урожайность зерновых 1722 г. в... 10 ц/га, то невольно приходит на память, что даже в лучшие годы и у нас в СССР мы еще не превысили этой нормы в 10 ц/га. Это было бы весьма печально для социалистического (подчеркнуто Струмилиным. — Д.М.) земледелия, но совершенно неправдоподобно: за 215 лет с 1722 по 1937 год — никакого прогресса! Феодализм — не хуже социализма!? А на самом деле здесь просто ошибка» (ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 79 (россыпь). Шерстобоев в своем ответном письме хотя и поблагодарил рецензента за «отеческое поучение об урожайности в старые годы», в качестве главного «извиняющего» его аргумента назвал способность вдумчивого читателя работы самостоятельно обнаружить ошибку, который правильнее истолковать так: вдумчивый читатель способен по достоинству оценить высокую продуктивность свободного крестьянского хозяйства (РГЭА, ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 4).

⁶¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 293.

нении различных зерновых культур по изучаемой территории. Архивные материалы позволили вычислить удельные веса культур в посевах отдельных волостей воеводства, что дает достаточно полное представление о характере земледелия. Однако, как считает ученый, использование только относительных величин «не позволяет судить о распространенности отдельных растений» и предлагает способ анализа, дающий «более углубленное представление о внутреннем строении явления». Он формирует выборку, свидетельствующую о частоте встречаемости возделываемых растений, осуществляет расчеты средних посевов на двор (по числу дворов, сеявших соответствующую культуру, и по всем дворам), а также «показателя встречаемости» той или иной культуры как их соотношения⁶².

Еще один раздел работы, основанный на привлечении к обработке архивных документов «расчетного метода», посвящен построению «согласованного, внутренне связанного прихода и расхода хлеба у крестьян». Цифры баланса, представлявшие собой итоги обработки показателей функционирования крестьянских хозяйств, в данном случае рисовали излишне усредненную картину, позволяли судить о самых общих закономерностях. В силу чего, по словам исследователя, возникла прямо противоположная задача «раскрыть средние величины и показать в особой группировке, с какими результатами выходили различные по мощности хозяйства пашенных крестьян»⁶³. Будучи («для удобства обзоре-

⁶² Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 330. Результаты проведенных Шерстобоевым расчетов, свидетельствующие об абсолютном преобладании в структуре посевных площадей Илимского воеводства озимой ржи, заслуживают упоминания не только в силу того, что в научный оборот были введены количественные показатели известного в истории регионального земледелия процесса. Интересны они, главным образом, осуществленным автором их сопоставлением с современной ему структурой посевных площадей в северных районах Иркутской области, где «...обнаруживается поразительное явление — чрезвычайное падение роли озимых посевов — ниже границ, допускаемых культурным земледелием» (там же. С. 332). И хотя исследователь оговаривается, что разбор этого вопроса выходит за пределы работы, сам факт сопровождения оговорки ремаркой «здесь можно только вкратце заметить, что при таком низком удельном весе озимых нельзя построить хороших севооборотов и переходных схем к ним» (там же), заставляет задуматься — не ради ли этого и подобных ему выводов и была задумана данная работа.

⁶³ Там же. С. 354.

ния») представлены в виде относительных величин, показатели прихода и расхода со всей очевидностью свидетельствовали теперь о тенденции к снижению по мере увеличения размера хозяйств доли расходов на продовольствие с одновременным повышением производственных затрат и рыночных продаж хлеба. Выраженные же в процентах к количеству произведенного хлеба показатели излишка и дефицита недвусмысленно говорили о более тяжелом бремени, что несли перед государством мелкие и средние хозяйства⁶⁴.

Заметим, что исследователь не случайно называет используемый метод «расчетным». Немалая часть количественных показателей, которыми он оперирует в работе, не просто собраны по крупицам из сохранившихся документов воеводской канцелярии, а получены им самостоятельно на основе статистико-экономических расчетов, благодаря профессиональным познаниям в области экономики и организации сельского хозяйства, агротехники и агрономии.

Таковы, например, расчеты посевных площадей на основании сохранившихся показаний крестьян о высевах семян: «при расчете приняты нормы высева: для ржи 10 пудов на десятину, по яровым зерновым — 15 пудов, по гороху 10 пудов и по конопле 10 пудов. Установление норм дело очень сложное, так как размер высева колеблется в довольно широких пределах, но в массе все индивидуальные отклонения сводятся к устойчивым средним величинам»⁶⁵. Данные о величине высева позволили не только исчислить вероятный размер посева в десятинах, но и дали в руки исследователя средство для расчета среднего урожая с десятины⁶⁶. Отсутствующие в архивных материалах показатели, необходимые для построения баланса хлеба у пашенных крестьян — расход хлеба на продовольствие и корм скоту, рассчитываются исследователем исходя из сложившихся норм расхода хлеба на едока и рабочую лошадь⁶⁷. И этим перечень полученных расчетным путем показателей не исчерпывается.

⁶⁴ См.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 354–355.

⁶⁵ Там же. С. 264.

⁶⁶ См.: там же. С. 350.

⁶⁷ См.: там же. С. 353.

В процессе своих расчетов, использования статистических приемов анализа и представления полученных результатов ученый уделяет пристальное внимание вопросам надежности и сравнимости цифровых данных, особенно, когда пытается установить определенные тенденции в развитии крестьянской экономики. Касается ли это данных, почерпнутых из архивных документов: «считаясь с неизбежной неточностью учетов подобного рода (ревизских сказок 1722 г. — *Д.М.*), нельзя не оценить данных этой работы, как весьма удовлетворительных и достаточно правдивых»⁶⁸. Или полученных исследователем самостоятельно: «Ошибки при таких расчетах (посевных площадей. — *Д.М.*) вряд ли будут больше 10–15%. Результаты с такими погрешностями должны считаться для расчетов подобного рода удовлетворительными. В некоторых случаях, например при определении структуры посевов, такие погрешности, поскольку они носят общий характер, и вовсе не окажут существенного влияния на результаты расчетов»⁶⁹.

В предисловии ко второму тому своей работы исследователь заявил о приверженности тем же приемам разработки архивного материала. Но все же, на первый план в нем вышла простая систематизация цифровых данных в форме таблиц, принципы которой обусловлены в большей мере вопросами исторического анализа, нежели статистическими методами, хотя ученый по-прежнему широко обращается к элементарнейшим из них — вычислениям процентных соотношений или средних величин.

Причина крылась в изменившемся характере разрабатывавшихся ученым материалов: «Если в XVII веке главная часть дел относилась к земледелию, к заготовке и сплаву хлеба, то в XVIII веке в связи с введением подушных сборов первое место стали занимать денежные дела. Чем дальше шло время, тем больше уменьшалась доля дел, связанных с земледелием. К концу XVIII века основными вопросами, занимавшими внимание и время уездных канцелярий, являлись полицейские дела»⁷⁰.

⁶⁸ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 260.

⁶⁹ Там же. С. 326.

⁷⁰ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 76.

Сужение области, где количественные методы особенно необходимы и дают наибольшую отдачу, как и использование иного вида источников исторической информации, не могло не отразиться на широте и эффективности применения исследователем столь хорошо себя зарекомендовавшего ранее аналитического инструментария. Смещение акцента в сторону давно и активно используемой историками «описательной статистики» не означало, однако, отступления с завоеванных позиций, снижения высоко поднятой планки локальных исторических изучений, что наглядно подтвердило последующее более чем десятилетнее противостояние Шерстобоева сообществу местных историков.

Начало ему было положено обсуждением первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» (Улан-Удэ, 1951), подготовленного при участии группы иркутских историков во главе с Ф.А. Кудрявцевым. Шерстобоев выступил с резкой критикой работы, усмотрев изъян не только в «прямых ошибках в цифрах, фактах и датах», но и в «неправильной методологической основе книги». «Старинной болячкой» местной исторической науки назвал он, прежде всего, полную ее (и ее лидера) несостоятельность в работе с цифровым материалом: «Ни одной цифры правильной в книге нет. Неумение автора использовать цифры бросается в глаза. Ведь цифры нужно не просто брать, их нужно выбрать, вывести, сопоставить. Случайные цифры всегда ошибочны... Такова порочная статистика, неумение владеть исторической статистикой хотя бы в элементарной форме»⁷¹.

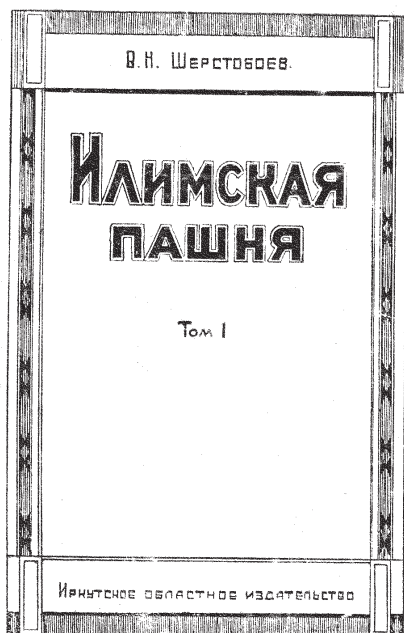
Продолжавшаяся на протяжении 1950-х годов борьба с дилетантизмом и описательностью местной исторической науки напоминала сражения с ветряными мельницами. На все аргументированные замечания Шерстобоева, касались ли они техники работы с цифровым материалом, проблем исторической географии региона или его демографии, системы губернского управления или даже вопросов церковных и монастырских дел, оппоненты отвечали «напоминанием» об отсутствии у него исторического образования, его принадлежности к иной профессиональной группе.

⁷¹ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 27, л. 116.

Страницы записей, делавшихся Шерстобоевым по ходу вспыхивавших порой дискуссий, пестрят полными горькой иронии восклицаниями «Я — не историк!». И словно ответ на эти «непробиваемые» аргументы — слова из письма еще одного иркутского «неисторика»⁷², доктора биологических наук, профессора сельскохозяйственного института В.Н. Скалона: «Хотя Вы себя историком не считаете, я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком...»⁷³.

Первый том «Илимской пашни» вышел из печати в 1949 г., но еще практически год не продавался в книжных магазинах Иркутска. Не помогла и уже упоминавшаяся положи-

тельная рецензия, опубликованная на страницах областной газеты, которая, по мнению Шерстобоева, лишь насторожила партийных функционеров выводом о том, что «работу следует читать критически»⁷⁴. Только авторитетное мнение академика С.Г. Струмилина вновь переломило ситуацию. Сначала в личном письме, а затем в «отзыве о докторской диссертации В.Н. Шерстобоева», явно рассчитанном на «официальных лиц», он выразил безоговорочную поддержку работе ученого: «Обстоятельная монография В.Н. Шерстобоева, построенная целиком на архивном материале..., представляет собою на редкость содержательный и ценный вклад

*Обложка первого тома книги
В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня...»
(Иркутск, 1949)*

⁷² См.: Скалон В.Н. Первые исследователи Сибири. Иркутск, 1949; Он же. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1951; он же. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005.

⁷³ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 87, л. 13 об.

⁷⁴ См.: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 62, л. 99.

в нашу литературу по экономической истории нашего народного хозяйства»⁷⁵. Точку зрения своего коллеги разделил академик В.С. Немчинов, так же посчитавший, что изданная книга «...могла бы быть предметом докторской диссертации, с защитой таковой в Институте экономики Академии Наук СССР»⁷⁶.

На высланную ему книгу откликнулся письмом академик АН УССР П.И. Лященко, именно в 1949 г. удостоенный Сталинской премии за вышедшую в 1947–1948 гг. двухтомную «Историю народного хозяйства СССР», нашедший, что «по постановке вопроса, методу исследования, собранным материалам ... работа заслуживает самой высокой оценки»⁷⁷. Высказали свою поддержку проведенному исследованию С.В. Бахрушин, В.К. Яцунский, В.И. Шунков. Общее мнение историков выразил в своем письме А.И. Андреев: «У меня имеются, конечно, замечания на отдельные части Вашего труда, но, несмотря на них, я все же рекомендовал бы его, как труд, вполне достойный внимания историков, а со своей стороны признал бы его в целом удовлетворяющим требованиям для докторской диссертации»⁷⁸.

Ученый долго колебался в выборе научной специальности, по которой он мог бы представить свою книгу на соискание ученой степени доктора наук. Расхождения в требованиях, предъявляемых профессиональными группами историков и экономистов к соискателям (наличие «базового» образования, сданных кан-

⁷⁵ ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 62, л. 148.

⁷⁶ Там же, д. 78 (россыпь).

⁷⁷ Цит. по копии письма, сохранившейся в личном фонде ученого (там же, л. 158).

⁷⁸ Цит. по копии письма, сохранившейся в личном фонде ученого (там же, л. 159 об). Мнение столь авторитетных ученых, хотя и высказанное ими в личных письмах автору книги, но получавшее в силу уже упоминавшихся причин общественное звучание, не могло оставить равнодушными коллег В.Н. Шерстобоева. Ученый совет Иркутского финансово-экономического института на своем заседании 21 октября 1949 г. принял постановление: «За научный труд «Илимская пашня» выдвинуть кандидата наук, доцента В. Н. Шерстобоева к Сталинской премии» (там же, ф.р-1813, оп. 1, д. 55, л. 24об.). Однако документы, отправленные в Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобразительного искусства при Совете Министров СССР, были возвращены обратно из-за отсутствия отзывов на работу в центральной печати. Безуспешным было и повторное выдвижение кандидатуры Шерстобоева, осуществленное Ученым Советом ИФЭИ 29 октября 1951 г. (там же, д. 74, л. 9об.).

дидатских экзаменов «по специальности» и др.), склонили чашу весов в пользу «экономики».

Этому выбору в немалой степени способствовала произошедшая незадолго до этого реорганизация Института экономики, сопровождавшаяся выделением в его структуре сектора истории народного хозяйства, который с 1948 г. возглавил С.Г. Струминин. Директор института К.В. Островитянов в своем докладе на расширенной сессии Ученого совета, посвященной обсуждению недостатков и задач научно-исследовательской работы в области экономики, отметил не только возросший интерес к проблемам истории народного хозяйства, но и «чрезвычайную бедность литературы по этим вопросам». Улучшение в этой сфере связывалось, прежде всего, с защитой в качестве диссертаций уже опубликованных или принятых к печати работ, а также с укреплением связей с провинциальными научными и учебными организациями⁷⁹.

На страницах издававшегося институтом журнала «Вопросы экономики» вскоре была опубликована примерная тематика диссертаций по экономическим наукам. Последняя в разделе «История народного хозяйства СССР» в качестве приоритетных рекомендовала темы «История развития сельского хозяйства в дореволюционной России» и «История крестьянства дореволюционной России», что было равносильно «зеленому свету» для исследователей, работавших в этих исследовательских областях⁸⁰.

В апреле 1950 г. В.Н. Шерстобоев представил в Ученый совет Института экономики АН СССР свою книгу в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Однако защита состоялась только 14 ноября 1951 г. и, как и следовало ожидать, формально подтвердила высокое научное качество «Илимской пашни», признанное профессиональным сообществом уже не только в личной переписке, но и на страницах научной периодики⁸¹.

⁷⁹ См.: Вопросы экономики. 1948. № 8. С. 73–75; № 9. С. 61.

⁸⁰ См.: там же. 1950. № 5. С. 107–111.

⁸¹ В течение двух лет, прошедших с момента выхода первого тома «Илимской пашни», увидели свет рецензии: В.И. Шункова (Вопросы истории. 1950. № 3), В.В. Покшишевского (Вопросы географии. 1950. Сб. 20), Н.И. Павленко (Советская книга. 1951. № 4).

С.Г. Струмилин и В.В. Покшишевский, выступившие на диспуте соответственно официальным и неофициальным оппонентами, фактически повторили данные ими ранее оценки работы⁸².

В отзыве С.Г. Струмилины обратим внимание на предпринятую попытку на примере работы Шерстобоева разграничить общее, частное и особенное в историко-экономическом исследовании. Историко-экономическое знание, на его взгляд, не должно останавливаться на установлении частного — сложившейся в рассматриваемую эпоху «системы земледелия и агротехнических приемов». Необходимо стремиться к пониманию общей связи явлений и событий — к установлению природы «хозяйственного строя», делая акцент в познании последнего на «социальном составе и расслоении трудящихся»⁸³.

Ответные слова Шерстобоева: «для меня такой метод анализа и связывания фактов, какой применен Вами в отзыве, является школой. Да, надо мне воспользоваться этим при работе над продолжением “Илимской пашни”»⁸⁴, не остались лишь проявлением элементарной вежливости по отношению к размышлениям оппонента, вариантом хорошо известной формулы-обещания «учесть замечания в дальнейшей работе». Все последующее творчество исследователя свидетельствует о стремлении едва ли не буквально следовать этим методологическим установкам.

Совершенно иными гранями «заиграла» работа в отзыве второго официального оппонента — академика В.С. Немчинова, научные интересы которого лежали далеко в стороне от проблем экономической истории или исторической географии. Крупнейший отечественный специалист в области сельскохозяйственной статистики основную научную ценность работы В.Н. Шерстобоева увидел не в систематизировании и описании архивных документов, а в умении глубоко экономически анализировать хозяйственную действительность прошлых времен.

Автор, на взгляд оппонента, «...не ограничился качественной характеристикой экономического строя, сложившегося в далекой Восточной Сибири во второй половине XVII и в первой четверти

⁸² См.: Архив РАН, ф. 1877, оп. 1, д. 529, л. 30–55.

⁸³ См.: РГАЭ, ф. 219, оп. 1, д. 440, л. 272.

⁸⁴ Там же, д. 785, л. 6.

XVIII столетия, но дал количественную характеристику экономических отношений того периода... В.Н. Шерстобоев в своем исследовании все время оперирует многочисленными числовыми данными, самостоятельно им полученными, на основе соответствующих статистико-экономических расчетов»⁸⁵.

Результатом дискуссии, в ходе которой соискателю было задано несколько вопросов, содержание которых свидетельствовало, на его взгляд, не столько о стремлении испытать его, сколько «о любопытстве к новой, редкой теме»⁸⁶, стало практически единогласное (при одном недействительном бюллетене) голосование «за» присуждение В.Н. Шерстобоеву степени доктора экономических наук⁸⁷.

Слова исследователя «о новой и редкой теме», записанные им в импровизированном дневнике по горячим следам защиты, очень точно характеризуют периферийность историко-экономических изучений в системе экономического знания тех лет и «экзотичность» соответствующих научно-исследовательских работ в деятельности ученого совета ведущей научной экономической институции страны.

Работе Шерстобоева невольно выпала сомнительная честь стать «символом» этой периферийности, которая в глазах некоторых экономистов, а главное — чиновников от науки, была синонимом неактуальности. Как о «куръезе», способном «рассмешить» корреспондента, написал ему о состоявшемся вскоре после защиты «совещании в ЦК по поводу учебника по политэкономии» В.В. Покшишевский. На совещании, где «обсуждались многие общие вопросы положения на фронте экономической науки», диссертации Шерстобоева довелось предстать не просто примером, но аргументом в выступлениях тех, кто жаловался

⁸⁵ Цит. по экземпляру отзыва, сохранившемуся в личном архивном фонде Шерстобоева: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 62, л. 139–140.

⁸⁶ Там же, л. 99.

⁸⁷ См.: Архив РАН, ф. 1877, оп. 1, д. 529, л. 2. Признанием высокого научного уровня исследования можно считать предложение С.Г. Струмилина о выдвижении работы на соискание Сталинской премии, единогласно поддержанное членами Ученого Совета (там же, л. 61). Материалы защиты диссертации (краткое изложение содержания работы, выступлений оппонентов, хода обсуждения) были опубликованы: Известия АН СССР. Отд. экономики и права. 1952. № 1. С. 43–50.

на «всеобъемлющий характер экономической науки», необходимость тратить время «слушая диссертацию о пашне Илимского воеводства XVII в.» и, наконец, показателем распыления сил Института экономики⁸⁸. «Курьезному» совещанию суждено было стать, однако, звеном в цепи событий, имевших пагубные последствия для историко-экономических изысканий⁸⁹.

Выход в свет первого тома «Илимской пашни» мало повлиял на ритм жизни В.Н. Шерстобоева. «Живу так же, как жил два года назад. Ежедневно сижу в архиве» — напишет он 10 ноября 1949 г. Струмилину⁹⁰, поскольку был уже заключен издательский договор на выпуск второго тома «Илимской пашни», рукопись которого надлежало сдать в редакцию к середине июля 1950 г.⁹¹

Однако завершить работу и представить в областное книжное издательство рукопись Шерстобоеву удалось лишь накануне отъезда в Москву для защиты диссертации, ибо объем второго тома более чем вдвое превысил обусловленный издательским договором (70 вместо 30 п.л.)⁹². «Том оказался огромным, — признавал автор в своем письме к В.К. Яцунскому, — в нем 1800 страниц, примерно 15 глав. Охватывает он все главные вопросы жизни уезда с 1725 по 1800 год. Возможно, что кое-что придется выкинуть, хотя и жалко делать это, принимая во внимание неразработанность сибирской истории XVIII века, а также и то, что написана книга только по первоисточникам (и уникальным), да еще, пожалуй, и то, что на работу затрачены годы»⁹³.

Настаивая на сокращении рукописи и доведении размеров книги до объема первого тома, издательство предложило убрать из работы главы и параграфы, не имеющие прямого отношения к крестьянскому хозяйству. В.Н. Шерстобоев хотя и отчасти, но

⁸⁸ См.: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 79 (россыпь).

⁸⁹ Включение в 1952 г. ранее самостоятельного сектора истории народного хозяйства в состав отдела социалистической экономики, а затем и преобразование в сектор обобщения исторического опыта развития советской экономики и экономической политики, задали четкие хронологические рамки и направленность историко-экономических изысканий Института экономики АН СССР.

⁹⁰ РГАЭ, ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 5 об.

⁹¹ См.: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 69, л. 4.

⁹² См.: там же, д. 68, л. 26(об).

⁹³ Архив РАН, ф. 1639, оп. 1, д. 637, л. 9об.

реализовал в 1954 г. пожелания издательства, произведя более равномерные, на его взгляд, сокращения, которые, тем не менее, благотворно отразились на структуре работы, оставив за ее пределами ряд разделов, основанных на весьма отрывочных сведениях и крайне далеких от историко-экономической проблематики⁹⁴.

Прошло, однако, еще три года, прежде чем работа увидела свет, фактически на правах «заказного» издания — часть расходов взял на себя финансово-экономический институт, где работал автор⁹⁵. Чтобы приблизить это событие, автор вынужден был согласиться с уменьшением тиража издания до двух тысяч экземпляров (против пяти у первого тома). «Принужден» был он отказаться и от гонорара — именно таким словом Шерстобоев охарактеризовал вынужденный свой шаг⁹⁶.

Интеллектуальная атмосфера провинциального Иркутска тех лет мало способствовала продолжению ученым занятий экономической историей. В год выхода в свет второго тома «Илимской пашни» партийно-хозяйственные функционеры, словно желая взять реванш за «поражения» прежних лет, вновь развернули борьбу «за тесную связь научных исследований с жизнью». Именно под таким заголовком на страницах областной партийной газеты была опубликована статья, в которой критике был подвергнут план научных работ финансово-экономического института, как содержащий недопустимо большое число работ исторической тематики, не отвечающих требованиям жизни, а отражающих интересы отдельных исследователей⁹⁷. Не трудно догадаться, против кого персонально было направлено острие этой критики.

Руководство вуза, где работал ученый, вынуждено было «корректировать» научную деятельность кафедры экономики сельского хозяйства и ее заведующего, обязывая «развернуть работу по изучению колхозного производства», «укрепить связи с

⁹⁴ Более подробно см.: Майдачевский Д.Я. Неопубликованные страницы «Илимской пашни» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. С. 67–70.

⁹⁵ См.: ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, л. 162–162 об.

⁹⁶ См.: там же, д. 62, л. 98(об).

⁹⁷ См.: Силинский П. За тесную связь научных исследований с жизнью // Восточно-Сибирская правда. 1957. 10 апр.

колхозами, совхозами и МТС Иркутской области». Попытки же Шерстобоева осуществить часть своих научных замыслов за пределами крайне консервативной вузовской среды (прежде всего, в рамках незадолго до этого созданного Восточно-Сибирского филиала АН СССР) пресекались в достаточно жесткой форме⁹⁸.

«Мои научные интересы не вполне совпадают с моей научной работой в Иркутске» — посетует Шерстобоев в письме к сотруднику Сибирского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства в Омске. Успех его доклада «Об опыте исследования истории сибирского земледелия» на научной сессии этой организации (Омск, 1954 г.)⁹⁹, порождает надежду, оказавшуюся, впрочем, призрачной, продолжить свои занятия аграрной историей в этой ведомственной научной институции: «Я с удовольствием принял бы... приглашение работать в филиале института ... Мне хотелось бы работать по истории сельского хозяйства Сибири. В 2–3 года я мог бы написать под визой филиала историю сельского хозяйства Сибири, объемом в 30–50 печ. листов. Для этого потребовалось бы поработать в архивах 5–7 сибирских центров и в Москве, 2–3 командировки и известная свобода научного творчества»¹⁰⁰.

Несомненно, именно поиск возможностей для продолжения своих занятий аграрной историей Сибири привел ученого к идее создания в Иркутске сибирского института истории АН СССР. В газетной статье 1958 г. он обосновывает необходимость существования такого учреждения в Сибири, перечисляет имеющиеся для этого интеллектуальные ресурсы и даже набрасывает примерную его структуру, конечно же включающую «группу по исследованию истории экономики» региона¹⁰¹. А спустя два года использует трибуну широкомасштабной научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 15–19 марта 1960 г.) для того, чтобы донести до тех, от кого зависит принятие решений, свое видение проблем организации исторической науки в Сибири¹⁰².

⁹⁸ См.: ГАИО, ф.р-1813, оп. 1, д. 63, л. 28; д. 111, лл. 41, 48.

⁹⁹ См.: там же, ф.р-1813, оп. 1, д. 68, л. 251.

¹⁰⁰ Там же, ф.р-2683, оп. 1, д. 82, лл. 26–27.

¹⁰¹ Восточно-Сибирская правда. 1958. 4 февр.

¹⁰² См.: ГАИО, ф.р-2683, оп. 1, д. 76, л. 7.

Надеждам ученого не суждено было сбыться. Через два года он покинет Иркутск, чтобы навсегда прекратить свои занятия аграрной историей региона.

Систематизация знания. Некоторых историков, подвергших критическому разбору «Илимскую пашню» после выхода в свет ее первого тома, удивляло отсутствие в работе даже такой привычной формы «теоретизирования» как «обзор предшествующей литературы, изложение исходных и руководящих теоретических положений»¹⁰³.

Другие, напротив, приветствовали тот факт, что Шерстобоев не следует, получившему широчайшее распространение в исторической литературе «методу», весь исследовательский характер которого «ограничивается набором цитат, повторением общеизвестных мест». Призывали ученого, построившего свою работу почти исключительно с опорой на еще не вовлеченный в научный оборот архивный материал, невзирая на локальный масштаб исследования, стремиться к широким историко-экономическим обобщениям фактов эмпирической истории¹⁰⁴.

Весьма осторожная попытка таких обобщений содержится уже в «Заключении» первого тома «Илимской пашни», где В.Н. Шерстобоев дал характеристику земледельческого освоения Сибири как одного из видов колонизации. Ей предшествовала теоретическая типизация известных в истории видов колонизации, в основу которой ученый положил следующий критерий: «какой класс вел главное наступление и какие народы являлись противоборствующей силой»¹⁰⁵. К плантаторской, юнкерской, купеческой, империалистической и фермерской колонизациям Шерстобоев добавил крестьянскую, осуществлявшуюся в процессе освоения Сибири в XVII–XVIII вв. государственными пашенными крестьянами, на начальном этапе оттеснившими коренное население, а в дальнейшем установившими хозяйственные, культурные и бытовые связи, способствовавшие восприятию теми земледельческой культуры.

¹⁰³ Павленко Н.И. [Рецензия] // Советская книга. 1951. № 4. С. 58. Рец. на: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949.

¹⁰⁴ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 62, л. 158.

¹⁰⁵ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 592.

Будучи сформулирована достаточно кратко, теоретическая конструкция В.Н. Шерстобоева не получила заметного отклика ни в рецензиях, ни в последующей литературе. Лишь В.В. Покшишевский, в своем выступлении на защите первого тома «Илимской пашни» в качестве докторской диссертации, упрекнул автора за ее «легковесность», стремление дать универсальную классификацию типов колонизации, вне связи последних с соответствующим способом производства¹⁰⁶.

Куда большего внимания удостоились те разделы его книги, речь в которых идет о составе населения Илимского воеводства и тех его группах, что были связаны с пашенным делом. Отсутствие в Сибири сословной замкнутости и резкой поляризации групп населения, присущих европейской части страны и явившихся следствием господства там крепостнических порядков, привели В.Н. Шерстобоева к выводу о том, что «основное положение в обществе определялось (в Сибири. — Д.М.) не принадлежностью к сословию, а родом занятий»¹⁰⁷. Илимское крестьянство, на взгляд ученого, как, впрочем, и все крестьянство Сибири, представляло собой один класс, оказавшийся в своеобразных социальных условиях.

О несогласии с предложенной Шерстобоевым «разбивкой населения на категории и дальнейшей подразбивкой внутри них» заявил в своем письме к ученому В.И. Шунков, усмотревший ошибку автора «Илимской пашни» в слепом следовании за терминологией XVII века¹⁰⁸. В своей рецензии уже на опубликованную книгу, он не только более четко сформулировал суть претензии, но и придал ей «идеологическое» звучание: «автор ... этой группировкой подменил изучение классовой структуры сибирского общества, в частности, классовую характеристику крестьянства. В силу этого пашенный крестьянин не получил в работе четкой социальной характеристики»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Архив РАН, ф. 1877, д. 529, л. 54.

¹⁰⁷ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1 ... С. 112.

¹⁰⁸ См.: ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 79 (россыпь).

¹⁰⁹ Цит. по копии, сохранившейся в личном архивном фонде Шерстобоева: ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 61, л. 19.

Еще более оживленная полемика развернулась вокруг тех разделов работы Шерстобоева, речь в которых шла о ярко обозначившемся процессе социального расслоения сибирского крестьянства. Анализ богатых архивных материалов, осуществленный ученым, привел его к выводу о том, что уже «вскоре после заселения пашенными крестьянами Ангара-Илимо-Ленского края начинается их расслоение. Выделяются многосемейные дворы и на основе “семейной кооперации” возникают сравнительно крупные хозяйства, применяющие наемную и отчасти несвободную рабочую силу ... В Сибири классовая дифференциация происходила раньше и в более свободных формах, чем в крепостнических губерниях центральной России ... Происходило формирование буржуазных отношений в крестьянстве, процесс, который в условиях образующегося хлебного рынка неизбежно привел зажиточные дворы к превращению их в кулацкие хозяйства»¹¹⁰.

Во втором томе книги, посвященном XVIII столетию, исследователь, по сути, соединит оба ранее высказанные суждения, заявив о том, что илимская деревня дала типичный для государственных крестьян «пример внутрисословного распада ... на мелкие, средние и крупные хозяйства. Мелкие хозяйства являлись поставщиками рабочей силы на возникающий рынок труда, крупные хозяйства, строившие свое производство на основе найма рабочей силы, превращались в хлеботорговцев»¹¹¹.

Вопрос о социальном расслоении крестьянства, обнаруживший серьезные расхождения в теоретической трактовке проблемы становления капитализма в России, стал предметом оживленной дискуссии в исторической науке в конце 1950-начале 1960-х годов. Ход и результаты ее достаточно подробно освещены на страницах «Очерков истории исторической науки в СССР»¹¹². Заметим, однако, что «бои местного значения» начались много ранее указанных в этом издании сроков, и не только в недрах исторической науки,

¹¹⁰ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Автореф. дис. ... докт. экон. наук. Иркутск, 1951. С. 10–11.

¹¹¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня... Т. 2. С. 214.

¹¹² См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1985. С. 193–197.

но и как полемика между историками и экономистами, принявшими, например, участие в обсуждении «Илимской пашни» при защите ее в качестве докторской диссертации в 1951 году.

Именно процитированное нами выше положение монографии-диссертации вызвало серьезные возражения со стороны одного из официальных оппонентов, заметим, не экономиста, хотя защита проходила в Институте экономики АН СССР, а историка — С.А. Токарева¹¹³. Серьезным изъяном работы последний счел недостаточную «четкость в характеристике типа социально-экономических отношений среди илимского крестьянства», что привело к смешению автором исторических эпох и «недопустимой модернизации изучаемой им социальной среды»¹¹⁴.

Обращает на себя внимание не столько ответ соискателя на замечание оппонента, в котором звучит искреннее недоумение: «Я не занимался модернизацией социальных отношений в илимской деревне, так как многочисленные факты говорят о расслоении пашенных крестьян ... Элементы развития буржуазных отношений можно ясно проследить уже в начале XVIII столетия»¹¹⁵, сколько та часть его дневниковых записей, сделанных по горячим следам после защиты, где он отметил негативную реакцию на критику историка со стороны экономиста: «недовольный его критикой Струмилин, раза два сердито возразил»¹¹⁶.

В противовес С.А. Токареву, последний в своем выступлении поддержал именно «умелый показ таких социально-экономических явлений», подчеркнув, что «за отсутствием крепостных отношений здесь (в Ангари-Ленском междуречье. — Д.М.) даже некоторая отсталость в агротехнике не мешала более быстрому в других отношениях росту и продвижению местного хозяйства вперед на путях к капитализму»¹¹⁷. И дабы усилить впечатление от этого положения своего отзыва добавил: «Как

¹¹³ Из-за отсутствия С.А. Токарева на заседании диссертационного совета, его письменный отзыв был зачитан. Отзыв в виде рецензии позднее был опубликован в журнале «Советская этнография» (1953. № 1. С. 192–197).

¹¹⁴ ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 62. Л. 166.

¹¹⁵ Архив РАН, ф. 1877, д. 529, л. 57.

¹¹⁶ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 62, л. 99.

¹¹⁷ Архив РАН, ф. 1877, д. 529, л. 37; см. так же: РГЭА, ф. 219, оп. 1, д. 440, л. 269.

видно, иным из сибирских крестьян XVII в. могли позавидовать и многие московские бояре»¹¹⁸.

Можно предположить, что именно критические замечания В.И. Шункова и С.А. Токарева, как и рекомендации С.Г. Струмилина задуматься над проблемой соотношения «общего» — хозяйственного строя и «особенного» — социального состава населения и его расслоения, заставили Шерстобоева обратиться к разработке ряда теоретических вопросов.

Результаты осмысления фактов эмпирической истории он, по всей видимости, намеревался обнародовать во введении ко второму тому своей книги. Оно начиналось весьма многообещающими словами: «При изложении истории Илимского края возникают некоторые общие вопросы, относящиеся к правовому и экономическому положению сибирского крестьянина, в первую очередь, вопросы о характере социально-экономического развития крестьянского хозяйства в Сибири...»¹¹⁹, но так и осталось, к сожалению, в рукописи, явно далекой от своего завершения. Введение же ко второму тому «Илимской пашни», увидевшее свет, содержит, как известно, лишь сухой перечень источников, использованных при его написании.

Жанр «введения» predetermined форму подачи материала — предельную лаконичность формулировок. Фактически В.Н. Шерстобоев занят поисками ответа на вопрос: к какому социально-экономическому типу хозяйства можно отнести Сибирь XVII—начала XVIII веков? Он последовательно отклоняет как безосновательные предположения о господстве в этот период родового строя, рабовладельческих и феодальных порядков. Не были порядки, царившие в Сибири, и крепостническими, хотя и встречались их элементы, главным образом в Западной Сибири, в виде нескольких имений и монастырей-вотчинников. Даже наличие товарного обращения и государственных промышленных предприятий не делает эти порядки и буржуазными. «Общественно-экономический строй Сибири того времени, — приходит к выводу ученый, — не подходит ни к одной известной

¹¹⁸ Архив РАН, ф. 1877, д. 529, л. 37.

¹¹⁹ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, л. 21.

формации, по крайней мере, в ее чистой классической форме. И, несомненно, он был своеобразным переходным строем — строем пашенных крестьян»¹²⁰.

Главной отличительной особенностью социально-экономических порядков в Сибири XVII—начала XVIII вв., как уже было отмечено выше, В.Н. Шерстобоев считал одноклассовый состав государственного, пашенного крестьянства. А потому, в основе эволюции социально-экономического строя не могут лежать только антагонистические противоречия. Использование одной лишь концепции классовой борьбы, классового противостояния, резко ограничивало, на его взгляд, возможности исследования, не позволяло в должной мере раскрыть особенности развития хозяйственных порядков в Сибири.

В поисках объяснения фактов социального расслоения илимского крестьянства, обнаруженных им еще в XVII и ставших фактически массовыми в XVIII веке, В.Н. Шерстобоев приходит к выводу о необходимости различать имущественную дифференциацию и социальное расслоение. «Натуральные производители» — крестьяне всегда отличаются друг от друга или составом семьи, или величиной земельного надела, или степенью зажиточности. Однако, вследствие неразвитости товарных отношений в XVII в. имущественное неравенство среди крестьян, на его взгляд, еще не приводит к социальному расслоению в сибирской деревне. «Классовое расслоение сопровождается, а не обусловливается имущественным неравенством. Между началом классовой дифференциации и дифференцированием классов лежит целая историческая эпоха. Илимская деревня уже знала зажиточных крестьян, эксплуатировавших более слабых сообщественников, уже имела в своих недрах значительные группы бедноты, но это были лишь симптомы едва начавшегося процесса классового расслоения»¹²¹.

Имущественное неравенство (как, впрочем, и отсутствовавшая в Сибири эксплуатация крестьянина помещиком) являлось, по мнению ученого, хотя и необходимым, но далеко не достаточным условием для образования классов. Дремлющая в

¹²⁰ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, л. 62об.

¹²¹ Там же, л. 62.

крестьянстве способность порождать капиталистические отношения проявляется на этом этапе в самой слабой форме, будучи подавляема «темными силами феодальных установлений», носителем которых выступает государство. В силу чего, применительно к условиям Сибири, указанная историческая эпоха и получила у Шерстобоева название «государственного феодализма» — строя пашенных крестьян. «Основное производственное отношение складывалось ... между крепостническим государством и государственными (пашенными) крестьянами. Государство является в развитии сибирского крестьянства огромной, определяющей силой и регулирует экономику и правовое положение крестьянина по образцу феодальных учреждений. Поэтому нужно считать, что в Сибири феодальный строй принял форму государственного феодализма»¹²².

Восемнадцатое столетие обнаружило новые элементы в социально-экономическом устройстве илимской деревни. Усиление денежного обложения и его превращение в итоге в единственную форму государственной эксплуатации сибирских крестьян, не только сделало земледелие основным источником денежных поступлений в казну, но и превратило хлебопашество в личное дело крестьян, свободное от вмешательства государства. Своей политикой подушного и подворного, т.е. уравнительного, обложения, государство создало зажиточному крестьянскому хозяйству благоприятные условия осуществления производственной деятельности. Это обеспечило переход к товарному производству хлеба и, как следствие, резкий рост не только имущественного, но и социального неравенства. «Зажиточный сибирский крестьянин, в частности — илимский, получив известную свободу в хозяйственной деятельности, мог с успехом переходить к товарному производству хлеба, эксплуатируя подавляемого податями малоимущего соседа»¹²³.

Для обозначения периода превращения простого имущественного неравенства в неравенство социальное В.Н. Шерстобоев использовал понятие «капитализм», подчеркивая, при этом, что в

¹²² Шерстобоев В.Н. Илимская пашня... Автореф. дис. ... докт. экон. наук. Иркутск, 1951. С. 19.

¹²³ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня ... Т. 2. С. 671.

земледелии последний, эволюционируя от докапиталистических формаций, способен принимать различные формы. Использование этого понятия предполагает, следовательно, необходимость «представлять и его стадии, и экономическую сферу его движения, и национальную оболочку». А также употреблять такой термин, который наиболее точно отражал бы фазы его движения. Возникающие зачаточные формы капиталистических отношений, «неизбежно оплетаемые средневековыми отношениями», исследователь предложил определять понятием «примитивного капитализма», который предшествует его развитой (торгово-промышленной) форме¹²⁴.

Во втором томе «Илимской пашни» (напомним, переданном в издательство на исходе 1951, но увидевшем свет только в 1957 году) Шерстобоев лишь упоминает в заключении о развитии в сибирской деревне «примитивных форм капитализма». Сохранившиеся же в личном архивном фонде экономиста-историка материалы свидетельствуют, что все его творчество после завершения работы над рукописью книги, прошло под знаком разработки именно этой теоретической, политико-экономической конструкции. Разработки, осуществлявшейся всецело в рамках марксистской научной парадигмы, с широким использованием в своих построениях столь популярного «цитатного» метода, но которая может быть признана интересным опытом поиска новых подходов к интерпретации фактов экономической истории. Особенно на фоне последовавшего вскоре свертывания каких бы то ни было теоретико-методологических поисков в советском общественном сознании.

Еще в октябре 1954 г. ученый предлагает редакции журнала «Коммунист» статью, озаглавленную «Учение Ленина о примитивных формах капитализма»¹²⁵. В апреле 1960 г. — выступает с докладом «Ленин о примитивном капитализме» на конференции в Иркутском финансово-экономическом институте, в котором развивает далеко не тривиальные для тех лет идеи множественности форм капитализма и неуловимости перехода от феодализма к капитализму. Эти идеи, на его взгляд, позволили бы не только

¹²⁴ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, лл. 2-2 об.

¹²⁵ Там же, д. 84, л. 42.

иначе взглянуть на факты истории, но были бы небесполезны и для понимания современной политико-экономической ситуации в стране и мире¹²⁶.

В феврале 1962 г., откликаясь на предложение журнала «Вопросы экономики», Шерстобоев выражает готовность выслать в адрес редакции статью, написанную на основании материалов упомянутого выше доклада и носящую аналогичное название, которая «будет посвящена высказываниям Ленина о зарождении капиталистических элементов в русской деревне и о значении этих высказываний для современных экономистов и историков развития экономической мысли»¹²⁷. К этому же времени относится его работа над статьей «Крестьянство Северного Предбайкалья в XVII-XVIII вв.» для сборника Института истории АН СССР, посвященного проблемам социального расслоения крестьянства, речь в которой, судя по сохранившемуся конспекту, должна была идти, в том числе, и о «худших и низших формах капитала»¹²⁸.

Однако особого упоминания заслуживает доклад В.Н. Шерстобоева на конференции по истории Сибири и Дальнего Востока, состоявшейся в марте 1960 г. в Иркутске. Озаглавленный «Об историческом районировании Сибири», он содержал попытку ученого применить собственные оригинальные политико-экономические наработки к, пожалуй, важнейшему и наиболее дискуссионному теоретическому разделу истории — предложить общеэкономическую периодизацию истории Сибири: «До сих пор нет, ни попыток дать общее районирование, ни согласованности в выделении районов историками, авторами работ по экономике Сибири...»¹²⁹.

В досоветской истории региона Шерстобоев выделил три периода: «дорусский», для которого характерны две основные формы хозяйства — натуральное (север) и феодальное (степь); «госу-

¹²⁶ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, л. 1.

¹²⁷ Там же, д. 84, л. 171. Редакция не проявила интереса к данной статье, выразив желание получить материалы, отражающие современное состояние сельского хозяйства в Сибири (там же, л. 174).

¹²⁸ Там же, лл. 178-179. Статья, по всей видимости, не была опубликована из-за преждевременной смерти автора.

¹²⁹ Там же, д. 76, л. 1.

дарственный феодализм» XVII века, представленный хозяйством пашенных крестьян (степь) и ясачным обложением инородцев (тайга и тундра); и, наконец, капитализм, на начальном этапе (XVIII в.) — примитивный, зарождавшийся в недрах сибирского крестьянства, в XIX веке — промышленно-торговый, основанный на предпринимательстве, хлеботорговле и ростовщичестве, претерпевший серьезные изменения после 1861 г., благодаря проникновению в Сибирь иностранного капитала, банков и т.д.¹³⁰

Попытки теоретических интерпретаций В.Н. Шерстобоева остались неизвестны «большой» науке, хотя на его «Илимскую пашню», как на фундаментальное конкретно-историческое исследование, неоднократно ссылались участники уже упоминавшейся нами дискуссии конца 1950 — начала 1960-х годов. Одни, как, например, В.К. Яцунский, с целью критики попытки трактовать социальные отношения в илимской деревне XVII–начала XVIII вв. как развивающиеся в буржуазном направлении¹³¹. Другие — Е.И. Индова, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов — напротив, как на образец исследования, опирающегося на богатый фактический материал, не оставляющий сомнений в ярко обозначившемся еще в XVII столетии процессе буржуазного расслоения крестьянства¹³².

Можно было ожидать, что ученый использует материал не только своих многолетних эмпирических исследований, но и теоретических построений в ходе работы над одним из разделов второго тома «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» (посвященного рассмотрению места Сибири в составе феодальной России), к которой он был привлечен на начальном этапе его создания¹³³. Из-за преждевременной смерти ученого

¹³⁰ См.: ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 76, л. 3. См. также: Шерстобоев В.Н. О историческом районировании Сибири // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: Тез. докл. Иркутск, 1960. С. 39–43.

¹³¹ См.: Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г. М., 1961. С. 32.

¹³² См.: Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Буржуазное расслоение крестьянства в России XVII–XVIII вв. // История СССР. 1962. № 3. С. 87.

¹³³ См.: ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 30, л. 39.

его имя, однако, не значится среди авторов этого коллективного труда, хотя редкая страница разделов, посвященных аграрной истории Сибири XVII–XVIII вв., обходится без ссылок на главную книгу его жизни — «Илимскую пашню». В историографическом же обзоре, открывающем том, научные заслуги Шерстобоева сведены всего лишь к «дальнейшему обоснованию» на примере отдельной области Сибири «идеи народной земледельческой колонизации», высказанной главным редактором и составителем тома В.И. Шунковым, к тому времени ставшим уже членом-корреспондентом АН СССР¹³⁴.

¹³⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 19.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Методология ситуативной историографии в отличие от историографии традиционной не предусматривает процедуры обобщения отдельных эпизодов с целью создания некой общей картины развития истории науки, выведения законов развития той или иной области знания¹.

Историографический микроанализ есть анализ отдельных примеров — в нашем случае конкретных исследовательских проектов, осуществленных в рамках ряда проблемных областей историко-экономического знания на местном материале — с целью продемонстрировать конкретную конфигурацию дисциплинарного поля знания в каждый момент истории в определенной точке реальной научной жизни. Соответственно этой цели и была сформулирована задача нашего историко-научного исследования — выделить и детально описать программы производства и систематизации историко-экономического знания, поместив в контекст их собственного времени, места и окружения.

Проведенное исследование показало, что на историографический микроанализ можно взглянуть и иначе — как на микроанализ отдельной творческой личности, однако, непременно осуществляемый на фоне по возможности детального и объемного описания социального контекста, институциональных рамок и дисциплинарных матриц, в которых разворачивается ее интеллектуальная деятельность. С одной стороны, это позволяет объяснить столь пристальное внимание к «провинциальным» ученым, как правило, фигурам «второго плана» в науке. С другой же, что более важно, в рамках такого подхода возможен пересмотр усто-

¹ На том, что такие законы существуют, настаивают весьма авторитетные специалисты в области истории экономической мысли. К ним относят, например, закон ускорения истории, проявляющий свое действие через закономерность прогрессирующего развития экономической науки. При этом, однако, оговаривая, что последняя «действует лишь как тенденция, заметная на историческом материале продолжительных промежутков времени (никак не менее одного столетия), в масштабах всего цивилизованного мира и мировой науки в целом» (см.: Худокормов А.Г. Существуют ли законы истории экономической мысли? // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2005. № 1. С. 93).

явшихся взглядов на тот или иной «персонаж» истории науки и даже его научная реабилитация.

Как это произошло с «героями» нашей книги, которые местной (и не только) историографией никогда не рассматривались в контексте развития историко-экономического знания. Самый яркий пример этому — Н.А. Рожков, без фигуры которого трудно даже представить картину развития историко-экономического знания в стране в первой трети минувшего столетия. Сибирский период творчества ученого, однако, рассматривался историографией исключительно сквозь призму изменившихся политических пристрастий, «подмены марксизма либерализмом» и т.д. Фундаментальная «История Сибири...» и вовсе отказала ему в праве именоваться историком, упомянув мимоходом, в общем «списке», о деятельности в Сибири этого периода «журналиста» Н. Рожкова. А между тем, научные искания тех лет не просто закономерный этап в развитии его оригинальной историко-экономической концепции, но и предпосылка появления новых проблемных областей, «зародыш» будущих исследовательских проектов в этой отрасли знания.

В результате проведенного исследования на проблемное поле историко-экономической науки были выведены и другие новые, хотя и «рядовые» ее «строители», что позволяет с оптимизмом смотреть на возможности историографического микроанализа, который — если продолжить ту же метафору — сделает более «прочным» здание историко-экономического знания, подготовит фундамент для его историко-научной реконструкции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Пространство экономической историографии: от «расширенной библиографии» к ситуационным исследованиям	7
Глава 2. «Живая история» сибирской общины: Л.С. Личков.....	35
Глава 3. «Научно изучить хозяйство, можно лишь пользуясь статистическим методом»: Н.А. Рожков	75
Глава 4. Экономическая история отдельного предприятия: историческая секция ВСОРГО	110
Глава 5. Локальная аграрная история: В.Н. Шерстобоев	154
Вместо заключения	200

Научное издание

Майдачевский Дмитрий Ярославович

**ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ПРИБАЙКАЛЯ**

История исследований и идей

Издается в авторской редакции

Оригинал-макет и дизайн обложки
Т.А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 10.06.06. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 12,1. Тираж 500 экз.

Заказ 3419.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.